

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

На правах рукописи

Сухарев Иван Алексеевич

**ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РОЛИ
В БУЛЛИНГ-СТРУКТУРЕ**

научная специальность 5.3.1. Общая психология, психология личности,
история психологии (психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, доцент
Зобков Александр Валерьевич

Владимир, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ БУЛЛИНГА.....	19
1.1. Общепсихологические подходы к пониманию внутригрупповой агрессии.....	19
1.2. Буллинг как проблема психологических исследований.....	29
1.3. Теоретико-методологические аспекты изучения личности участников буллинга.....	35
1.4. Теоретическая модель личностных предикторов принятия роли в буллинг-структуре	50
Выводы по главе 1.....	75
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ПРЕДИКТОРОВ ПРИНЯТИЯ РОЛИ В БУЛЛИНГ-СТРУКТУРЕ.....	77
2.1. Программа и методы исследования.....	77
2.2. Кластеризация участников буллинг-структуры соответственно занимаемым ролям	105
2.3. Личностные предикторы виктимизации и агрессии участников буллинг-структуры	108
2.4. Обобщенная модель личностных факторов как предикторов виктимизации и агрессии участников буллинга	157
2.5. Личностные предикторы принятия роли в рамках древовидной модели становления буллинг-структуры.....	166
2.6. Качество предиктивных моделей и общие рекомендации для превенции буллинга.....	175
Выводы по главе 2.....	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	185
ПРИЛОЖЕНИЯ	208

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В сложный период существования человечества, полный социальных противоречий, политических потрясений, ярко проявленной агрессии, давления, крайней степени нетерпимости, проблема буллинга (или травли) и личностной предрасположенности к участию в нем представляется особенно актуальной. И это утверждение справедливо не только в аспекте изучения и раскрытия сущности обозначенного феномена, но, в том числе, в поиске предсказательных моделей, призванных предупредить нежелательные явления.

Несмотря на признание психологического благополучия в качестве ключевого компонента психологического здоровья и целевого ориентира личностного развития, эмпирические данные указывают на существенный диссонанс между декларируемыми идеалами и реальными усилиями, направленными на поддержание психологического благополучия личности. Многолинейность жизненных траекторий приводит к возникновению различных форм девиантного поведения, среди которых буллинг остается одной из наиболее распространенных и социально значимых проблем.

Буллинг репрезентирует комплекс феноменов, возникающих на пересечении деформации нормативных моделей взаимодействия и дисфункции групповой динамики, и отражает не только нарушения коммуникативных процессов, но и глубинные личностные дисбалансы, затрагивающие вопросы устойчивости, зрелости и адаптивности личности в динамичном социальном контексте, обусловленности стилей поведения личностными характеристиками.

Буллинг – это широко распространённое явление, с которым человек сталкивается на различных этапах жизни и в разнообразных социальных контекстах, независимо от возраста или положения в обществе. Травля

встречается в дошкольной и школьной среде, вузе, на рабочем месте в организациях, в армейской среде и цифровом пространстве.

Наиболее уязвимой для буллинга возрастной группой являются подростки. Подростковый возраст представляет собой критический этап онтогенеза, характеризующийся интенсивным формированием личности, развитием социальных навыков и эмоциональной регуляции. Изучение буллинга среди подростков, в наиболее чувствительном периоде, позволяет глубже раскрыть закономерности, лежащие в основе этого деструктивного феномена, благодаря уникальному сочетанию возрастных и социально-психологических особенностей подросткового периода.

В рамках изучения феномена буллинга, его структуры, социальных предикторов травли значительный вклад внесли Д. Олвеус, Т. Р. Хилд, Т. Арора, В. Е. Бесаг, Р. Дж. Хезлер, Е. Роланд, Д. А. Лейн, А. И. Аверьянов, О. Л. Глазман, Е. Ф. Быковская, Е. С. Илларионова, Д. Н. Соловьев, А. А. Бочавер, В. Б. Кузнецова, Е. М. Бианки, П. В. Дмитриевский, М. А. Завалишина, Н. А. Капорская, К. Д. Хломов, С. А. Завражин и др.

Несмотря на научную и социальную значимость изучения проблемы травли, в науке до сих пор не обнаруживается единой парадигмы, которая позволила бы глубоко и системно исследовать этот феномен. Большинство исследований концентрируется на вопросах распространения буллинга, описании видов насилия и характерологических особенностях участников буллинга, выявлении социальных предикторов травли. Между тем, наблюдается недостаток работ, посвященных выявлению личностных детерминант принятия роли в ситуации травли, что и предопределило наш интерес к поиску конкретных личностных предикторов принятия роли в буллинге.

В контексте терминологического оформления предмета исследования необходимо отметить следующее. На сегодняшний день в нормативном поле образования существует тенденция отказа от термина «буллинг» (Приказ от 09.10.2024 № 704 «О внесении изменений в некоторые приказы

Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ...»). Педагогам рекомендовано использовать для описания явления, традиционно обозначаемого в международной научной литературе термином «буллинг» (англ. bullying), описательные формулировки: «психологическое насилие», «систематическое унижение чести и достоинства», «издевательства», «преследование». Эта рекомендация дана в нормативно-правовом и общеобразовательном контексте. В научном контексте отказ от его использования в нашей работе разорвет связь с существующей научной традицией и знаниями, накопленными за несколько десятилетий изучения проблемы.

В рамках настоящего общепсихологического исследования сохранение научного термина «буллинг» и производного от него закрепленного в психологической науке понятия «буллинг-структура» является принципиально важным и обоснованным.

Степень разработанности темы исследования.

В научных источниках описаны личностные особенности жертв и обидчиков (О. Л. Глазман, Д. В. Жарова, В. С. Зуева, А. А. Королев, И. С. Лучинкина, Е. Ю. Терех, А. Э. Фазилова, А. Н. Шамаев). Выявлены социально-экономические и психологические предикторы буллинга и кибербуллинга (А. А. Вихман, Т. Г. Гришина, С. А. Завражин, А. А. Нестерова, М. А. Новикова, Ю. Н. Оболенская, А. А. Реан, Л. Ф. Чекина). Изучены социальные условия возникновения буллинга и кибербуллинга, виктимизации и агрессии, разработаны и апробированы стратегии профилактики буллинга (О. О. Андронникова, Е. А. Башмакова, Е. Н. Волкова, Е. А. Дегтярев, Ю. Н. Желонкина, Е. И. Санина, О. А. Сластихина, И. О. Южакова). Выявлены семейные и средовые факторы буллинга (С. В. Воликова, Е. А. Калинкина, И. А. Фурманов, А. А. Бочавер, К. Д. Хломов и др.).

Описаны индивидуально-личностные детерминанты виктимизации субъектов буллинг-структуры (Сяо-Вэй Чу, Цуй-Ин Фан, Цин-Ци Лю, Зонг-

Куй Чжоу, И. Бабарро, А. А. Вихман), такие как чувство одиночества, синдром дефицита внимания и гиперактивности, негативное восприятие школьного климата, депрессия, тревога, стресс, экстраверсия. Исследованы эмоциональные и социально-психологические аспекты буллинга у детей и подростков (К. Л. Черненко, Л. С. Долгунова, С. Ю. Тарасова, А. К. Осницкий, С. Н. Ениколопов). Выявлены доминирующие личностные факторы у лиц, склонных к буллингу (В. С. Хертинджунг, С. Сусиловати, Р. Вардхани, И. Радна), к которым относятся социальная дезадаптация и дефицит социальной теплоты. Изучена взаимосвязь виктимизации и агрессии в ситуации буллинга с уровнем интеллекта (Т. Л. Лю, Н. В. Го, Р. К. Сяо, Ч. Ф. Ху, К. Ф. Йен), самооценки подростка и агрессией участников травли (М. П. Пративи, И. Сетиади, Н. Фитриани), мотивации и склонности к буллингу (Р. Торнберг, Т. Юнгерт, Дж. С. Хонг).

Несмотря на глобальный характер проблемы, значительное количество работ, посвященных психологическим предикторам травли, высокую актуальность проблемы, обнаруживается слабая представленность исследований, посвященных поиску личностных предикторов принятия роли в буллинг-структуре.

Проблема исследования обусловлена рядом противоречий между:

- изученностью личностных особенностей жертв и обидчиков в ситуации буллинга и недостатком данных о возможности предсказывать роль в буллинге на основе личностных характеристик;
- пониманием важности влияния личностных факторов на виктимизацию и агрессию в буллинге и недостаточным количеством комплексных исследований, позволяющих характеризовать степень детерминации виктимизации и агрессии в буллинге личностными особенностями;

– неизученностью личностных предикторов принятия роли в буллинге и потребностью в профилактике и предотвращении насилия в социуме.

Это определило наш научный интерес к данной области и тему диссертационного исследования: «Личностные предикторы принятия роли в буллинг-структуре».

Цель исследования – выявить личностные предикторы, обуславливающие принятие роли жертвы или обидчика в ситуации буллинга.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ научной литературы, освещающей личностные особенности участников буллинга.
2. Разработать теоретическую модель личностных предикторов виктимизации, агрессии в буллинге и принятия роли в буллинг-структуре.
3. Осуществить эмпирическое изучение личностных характеристик участников буллинга, принимающих роль жертвы или обидчика.
4. Установить вклад предикторов каждой из выделенных личностных сфер в предсказание виктимизации и агрессии в ситуации буллинга.
5. Выделить типы и подтипы участников буллинга и на этой основе выявить обусловленность принятия роли в ситуации буллинга личностными характеристиками.

Объект исследования: личность, включенная в буллинг-структуру.

Предмет исследования: личностные предикторы включения в буллинг-структуру.

Гипотеза исследования: существуют операционализируемые и измеряемые личностные предикторы принятия роли в буллинг-структуре.

Частные гипотезы:

– личностные предикторы выступают в качестве индикаторов принятия роли в буллинг-структуре: пороговые значения одного и того же предиктора позволяют предсказать и дифференцировать эти роли;

– виктимизация и агрессия участников буллинга прогнозируется психологическими личностными факторами, позволяющими выделить подтипы жертв и обидчиков в ситуации буллинга;

– личностные предикторы принятия ролей в буллинге относятся к мотивационно-потребностной, самооценочной, диспозиционной, интеллектуальной, эмоциональной, индивидуально-типологической сферам личности;

– вклад личностных сфер в предсказании виктимизации и агрессии в буллинге неравномерен: эмоциональная, мотивационно-потребностная и интеллектуальная сферы личности обладают лучшей предсказательной способностью, в то время как индивидуально-типологическая, диспозиционная и самооценочная – худшей.

Теоретико-методологическая основа исследования построена на общеметодологических принципах и подходах, психологических концепциях и теориях, обеспечивающих понимание личностных предикторов буллинга:

– основополагающие принципы отечественной психологической науки: принцип детерминизма (С. Л. Рубинштейн) использовался как основа для выявления связей между личностными характеристиками и склонностью к принятию ролей обидчика или жертвы в буллинге, принцип единства сознания и деятельности (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев) лежит в основе понимания того, как личностные свойства проявляются в конкретной социальной деятельности и общении (деструктивные взаимодействия в буллинге), принцип развития (Л. С. Выготский) позволил рассматривать личностные предикторы буллинга в контексте развития буллинг-структуры (от зарождающейся, молодой до зрелой структуры буллинга), принцип системности (Б. Ф. Ломов) определил подход к исследованию личности

участника буллинга как сложной системы, чьи свойства (мотивация, самооценка, эмоции, интеллект и т.д.) взаимосвязаны и в своей совокупности определяют склонность к виктимизации или агрессии в буллинге;

– системно-структурный и системно-деятельностный подходы к изучению личности и деятельности (Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, Л. А. Головей, А. В. Карпов, А. Н. Леонтьев, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, Е. Ф. Рыбалко, Ю. П. Поваренков, К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко и др.), позволившие рассматривать участника буллинга как активного субъекта произвольной активности, способного к самодетерминации, самоопределению;

– культурно-историческая теория психического развития (Л. С. Выготский) обеспечила понимание системы внутренних психологических предикторов как личностных структур, определяющих индивидуальные вариации реакции на социальные стимулы и выбор стратегий взаимодействия, теория запланированного социального поведения (И. Айзен) применена для анализа когнитивных компонентов, опосредующих предикцию принятия роли в буллинге личностными характеристиками, теория экологических систем (У. Бронфенбреннер) учтена для понимания места индивидуальных личностных характеристик (микроуровень) в общей системе детерминант буллинга;

– работы ученых, занимавшихся вопросами буллинга: П. Хайнеманн, Е. Роланд, Д. Олвеус, Р. Хезлер. Представления Д. Олвеуса об основных компонентах буллинг-структуры и индивидуальных особенностях участников буллинга. Основой исследования выступили теоретические концепции российских ученых, занимающихся проблемой буллинга: Е. С. Илларионова, А. И. Аверьянов, Е. Ф. Быковская, Ю. А. Клейберг и др.;

– теории в области изучения системы межличностных отношений, такие как теория деятельности (А. Н. Леонтьев), теория психологических

отношений (В. Н. Мясищев, В. А. Зобков), теория коммуникативных потенциалов личности (А. Г. Самохвалова) теория общения (Б. Г. Ананьев).

Для выполнения поставленных задач использовались следующие **методы:**

- общенаучные теоретические методы (анализ научной литературы по проблеме исследования, сравнительный анализ, обобщение, систематизация, моделирование);

- эмпирические методы (наблюдение, психодиагностические опросники и тесты: опросник роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга Олвеуса (адаптация Е. В. Бушиной, А. М. Муминовой); опросник Г. Шмишека (детский вариант); методика многофакторного исследования личности Кэттелла/Подростковый вариант (14PF); шкала тревоги Спилбергера-Ханина; опросник враждебности Басса-Дарки (вар. С. Н. Ениколопова); тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда; прогрессивные матрицы Дж. Равена; мотивационно-самооценочный опросник В. А. Зобкова; форма по изучению личности (И. М. Кондаков));

- методы математико-статистической обработки данных (критерий Шапиро-Уилка, преобразование Бокса-Кокса, иерархический кластерный анализ, корреляционный анализ Пирсона, U-критерий Манна-Уитни, множественная линейная регрессия с попеременным включением предикторов, обобщенная многомерная регрессия (GLM), факторный анализ, метод древовидной классификации S&RT GTrees). Статистический анализ проводился с использованием программного пакета Statistica 10;

- интерпретационные методы (структурный, генетический).

Эмпирическая база исследования.

В исследовании приняли участие подростки, участвующие в буллинге, в возрасте 10-15 лет (общий объем исследовательской выборки $n=925$; объем выборки на эмпирическом этапе $n=414$), учащиеся школ МБОУ СОШ №1,

МБОУ СОШ №40, МАОУ «Гимназия №73», МАОУ «Гимназия №3» г. Владимира.

Этапы исследования. Исследование проводилось в несколько этапов в период с 2021 по 2025 год.

Первый этап (январь 2021 г. – февраль 2021 г.) – аналитико-теоретический. На первом этапе изучалась научно-методическая литература, определялись исходные позиции исследования, его методология, концептуальный аппарат, рабочая гипотеза, логика и организация исследования, выявлялись основные направления исследования ролевой позиции в буллинге, конкретизировались цель и задачи исследования, подбирался диагностический инструментарий.

Второй этап (март 2022 г.) – эмпирико-экспериментальный. Проведение исследования темпераментальных, характерологических, диспозиционных, эмоциональных, самооценочных, потребностно-мотивационных характеристик подростков, а также проведение количественного и качественного анализа полученных эмпирических данных. Проводилась первичная обработка данных в соответствии с требованиями (ключами) используемых методик, были составлены сводные таблицы с результатами, полученными от каждого испытуемого по всей батарее методик, теоретически выделенных нами для измерения темпераментальных, характерологических, диспозиционных, эмоциональных, самооценочных, потребностно-мотивационных характеристик. Проводилась математико-статистическая обработка эмпирических данных.

Третий этап (март – апрель 2023 г. – март 2025 г.) – интерпретационный. Проводилось теоретическое осмысление экспериментальных данных, их обсуждение, анализ и интерпретация, обобщение и систематизация полученных результатов, подготовка текста диссертации.

Научная новизна работы.

- впервые разработана научно обоснованная психологическая предиктивная модель личностных детерминант виктимизации и агрессии в буллинг-структуре;
- впервые определены и раскрыты конкретные операционализируемые мотивационно-потребностные, самооценочные, интеллектуальные, эмоциональные, диспозиционные, индивидуально-типологические предикторы виктимизации и агрессии в буллинге в рамках личностных предиктивных моделей;
- установлен вклад личностных характеристик в предсказание склонности занимать роль жертвы или обидчика в ситуации буллинга;
- показано, что виктимизация в буллинге детерминирована склонностью избегать оценивания, опосредованной раздражительностью участников буллинг-структуры;
- впервые определены и проанализированы личностные факторы, влияющие на виктимизацию и агрессию в буллинге, и на этой основе расширена типология участников буллинг-структуры типами жертв (филистер, Гамлет, пионер) и обидчиков (трикстер, хамелеон);
- определено становление буллинг-структуры через фокус личностных детерминант, установлены личностные предикторы, влияющие на появление в буллинге первых его участников: агрессоров (потребность в социальном одобрении) и жертв (интеллект);
- показана иерархия личностных предикторов принятия той или иной роли в буллинг-структуре, что позволяет трактовать буллинг-структуру как динамическую систему с устойчивыми личностно-психологическими основаниями;
- установлены личностные характеристики, выступающие в качестве психологических протекторов, противодействующих попаданию в буллинг-структуру.

Теоретическая значимость исследования.

Результаты исследования вносят вклад в разработку теоретических проблем общей психологии, психологии личности в вопросах детерминации виктимизации и агрессии устойчивыми личностными характеристиками, сложного нелинейного взаимодействия личностных предикторов виктимного и агрессивного поведения, дополнения модели буллинг-структуры новыми типами жертв и обидчиков.

Древовидная предиктивная модель роли в буллинге позволяет разрешить вопрос становления буллинг-структуры, отследить наиболее важные личностные предикторы, предсказывающие появление в группе первых обидчиков и жертв в ситуации травли, обогащает концепцию «инструментальной агрессии» новым эмпирическим материалом и ставит вопрос о возможном пересмотре теорий, связывающих агрессию исключительно с дефицитом самоконтроля.

Уточнены модели личностных предикторов виктимизации и агрессии в ситуации буллинга. Выявлены индивидуально-типологические, интеллектуальные, эмоциональные, мотивационно-потребностные, самооценочные и диспозиционные предикторы виктимизации и агрессии подростков, склонных занимать роль жертвы или обидчика в ситуации буллинга. Разработаны предиктивные модели, демонстрирующие влияние психологических предикторов на принятие роли в ситуации буллинга. Выявлены и описаны факторы принятия роли в буллинге, а также их способность предсказывать склонность принимать позицию жертвы или обидчика в ситуации буллинга, что позволяет разрешить противоречие между теориями, акцентирующими внимание исключительно на личностных или средовых детерминантах поведения, и вносит вклад в дискуссию о границах ситуативной пластичности личности через анализ динамического перехода от одной роли в буллинге к другой («хамелеоны»). Результаты исследования дополняют и конкретизируют теорию «запланированного поведения», предлагая ее верификацию в новом социальном контексте

(буллинг) и конкретизируя основные ее конструкты через идентификацию с операционализируемыми личностными эмпирическими референтами.

Практическая значимость исследования.

Результаты исследования могут быть использованы специалистами для нормализации отношений, снижения страха, агрессии, травли, в том числе при разработке коррекционных программ, направленных на снижение готовности участвовать в буллинге, коррекции деструктивных стилей общения, формировании конструктивных коммуникативных навыков, создании методик оценки склонности к участию в буллинге.

Разработанные предиктивные модели позволяют обратить внимание на конкретные мотивационно-потребностные, самооценочные, интеллектуальные, эмоциональные, диспозиционные, индивидуально-типологические мишени формирования конструктивных форм взаимодействия. Программы, основанные на результатах исследования, могут быть направлены не только на ситуативное снижение агрессии, но и на трансформацию дезадаптивных личностных характеристик, формирование зрелой личности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Мотивационно-потребностная, самооценочная, интеллектуальная, эмоциональная, диспозиционная, индивидуально-типологическая сферы личности включают в себя личностные предикторы принятия роли жертвы и обидчика в буллинг-структуре. Эмоциональная, мотивационно-потребностная и диспозиционная сферы личности вносят наибольший вклад в принятие роли жертвы в буллинг-структуре. Наименьший вклад в принятие роли жертвы вносят самооценочная, индивидуально-типологическая и интеллектуальная сферы личности. Эмоциональная, интеллектуальная и самооценочная сферы личности вносят наибольший вклад в принятие роли обидчика в буллинг-структуре. Наименьший вклад в принятие роли обидчика вносят мотивационно-

потребностная, диспозиционная и индивидуально-типологическая сферы личности.

2. Личностные характеристики предсказывают виктимизацию участников буллинга. Эмоциональная сфера жертв характеризуется хрупкостью – тревожностью, дистимностью, неврастением, сочетающимися с конформизмом при низкой аффилиации и высокой замкнутости, склонностью к пассивно-избегающему типу общения, уходу от конфронтации. Когнитивные предикторы включают высокий социальный интеллект при недостаточно развитых аналитических способностях, а положительное самовосприятие жертв сочетается с отсутствием лидерских амбиций, что делает их потенциальными мишенями для агрессоров.

3. Личностные характеристики предсказывают агрессию участников буллинга. Эмоциональная сфера обидчиков характеризуется холодностью и устойчивостью – педантичностью, легкомысленностью, низкой гипертимностью, дистимностью, эмотивностью и циклотимностью, что позволяет им действовать уверенно, не нуждаясь в социальном одобрении. Социальные характеристики включают независимость от группы, вербальную агрессивность, склонность к обиде, аффилиацию при общей агрессивности, слабую выдержку и низкую потребность в поддержке, что во многом объясняет их стремление контролировать окружающих, выбирать доминантно-агрессивный стиль общения. Когнитивные особенности сочетают развитую способность предвидеть результаты поведения и наблюдать динамические изменения с недостаточным анализом систем и преобразований, что приводит к поверхностным суждениям и импульсивным реакциям. Противоречивое самоотношение, выраженное высоким самомнением при скрытой низкой самооценке и высоким стремлением к внешнему признанию, обуславливает склонность обидчиков маскировать неуверенность агрессивным поведением.

4. Группы личностных характеристик, обуславливающие виктимизацию участников буллинга, позволяют выделить типы жертв в

ситуации школьного буллинга: «Гамлет», для которых характерны высокая чувствительность, педантичность, высокий социальный интеллект, «хамелеоны», для которых характерны склонность динамически менять роль в ситуации буллинга, несформированная самооценка, высокая враждебность, «филистеры», для которых характерны низкий интеллект, высокая личностная тревожность, высокая потребность в поддержке, «пионеры», для которых характерны экзальтированность и гипертимность. Личностные характеристики, обуславливающие агрессию участников буллинга, позволяют выделить типы обидчиков в ситуации школьного буллинга: «трикстеры», для которых характерны импульсивность, целеустремленность, доминантность, и «хамелеоны», для которых характерны склонность динамически менять роль в ситуации буллинга, несформированная самооценка, высокая враждебность.

5. Высокая потребность в социальном одобрении предсказывает появление в буллинге первых его участников – обидчиков, и детерминирует становление буллинг-структуры, интеллект ниже среднего предсказывает появление в зарождающейся ситуации буллинга первых жертв, социальный интеллект выступает в качестве финального предиктора роли жертвы и обидчика в зрелой буллинг структуре (относительно точки разбиения показатели социального интеллекта в сторону низких значений предсказывают принятие роли обидчика, в сторону высоких – жертвы).

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивалась опорой на методологические основы и положения психологии; теоретической разработкой и анализом современной литературы по проблеме исследования; применением диагностического инструментария, методов математико-статистического анализа, адекватных программе исследования и поставленным целям, задачам; репрезентативностью выборки.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Область диссертационного исследования соответствует требованиям

паспорта научной специальности 5.3.1 – «Общая психология, психология личности, история психологии»: в вопросах детерминант, определяющих психическую жизнь и поведение человека (раздел 1); в вопросах эмоциональной напряженности, фрустрации (раздел 14); в вопросах стилевых характеристик, стилей общения (раздел 28); в вопросах устойчивости личности, личностных процессов, самодетерминации личности (раздел 30); в вопросах психологического благополучия личности (раздел 31); в вопросах устойчивости и ситуативной обусловленности поведения личности (раздел 33).

Апробация и внедрение результатов исследования.

Теоретические положения и результаты исследования заслушивались в ходе обсуждений на методологических семинарах и заседаниях кафедры общей и педагогической психологии Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Исследование, его обоснование и результаты представлялись и обсуждались на научно-практической конференции «Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (г. Владимир, 2021 г.); X Международной научно-практической конференции «Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация» (г. Владимир, 2021 г.); Международном конгрессе «Психология XXI столетия (Новиковские чтения)» (г. Ярославль, 2021 г.); XI Международной научно-практической конференции «Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы» (г. Владимир, 2021 г.); XI Международной научно-практической конференции «Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация» (г. Владимир, 2022 г.); Международном конгрессе «Психология XXI столетия» (Вестник интегративной психологии) (г. Ярославль, 2022 г.); XII Международной научно-практической конференции «Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация» (г. Владимир, 2023 г.);

Международной научно-практической конференции «Инновационные технологии в комплексной абилитации и реабилитации лиц с ОВЗ и инвалидностью: проблемы и перспективы» (г. Владимир, 2024 г.); Международной конференции «Психология деструкций: от теории к практике» (г. Ярославль, 2025 г.).

Личный вклад автора диссертации состоит в получении теоретических выводов и эмпирических результатов исследования, в непосредственном участии в разработке и реализации эмпирического исследования, апробации результатов исследования на конференциях и симпозиумах разного уровня; подготовке публикаций по выполненной работе.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, списка литературы (в том числе на иностранном языке 83 источника), приложений. Работа содержит 8 рисунков, 41 таблицу. Общий объем работы составляет 223 страницы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ БУЛЛИНГА

1.1. Общепсихологические подходы к пониманию внутригрупповой агрессии

Феномен травли, включающий как физическую, так и вербальную агрессию, существует с начала развития человеческой цивилизации. Травля, будучи формой преднамеренного и систематического агрессивного поведения, направленного на причинение физического, эмоционального или социального вреда жертве, представляет собой вид насилия, проявление агрессии. Угнетение человеком человека происходило во все века. Греческий философ Аристотель в труде «Риторика» отмечает: «Чувство удовольствия у людей, наносящих оскорбление, появляется потому, что они, оскорбляя других, в своем представлении от этого еще более возвышаются над ними» [6, с. 141]. Римский философ Сенека размышляет о тесной связи виктимизации и самооценки жертв травли: «Всякий, кто принимает оскорбления близко к сердцу, выказывает полное отсутствие проницательности и уверенности в себе» [67, с. 76]. Он отмечает важность личностных особенностей в контексте проблемы сопротивления насилию: «Мудреца нельзя унижить, ибо он знает свое величие и убежден, что никто не смеет позволить себе такую вольность по отношению к нему» [67, с. 76]. Немецкий философ А. Шопенгауэр, размышляя о причинах травли, пишет: «Удовлетворение тщеславия возникает главным образом из сравнения самого себя с другими, в особенности же по отношению духовных сил» [88, с. 30]. Одним из главных источников насилия он считал переживание чувства обиды: «Это действительно в сильной мере замечается во время спора. Отсюда понятно озлобление побежденного, хотя к нему и не отнеслись несправедливо. Вот отчего он хватается за последние средства, за эту

последнюю уловку, которой нельзя избежать при помощи простой вежливости» [88, с. 30].

Буллинг является сложной психологической проблемой, поражающей масштабом своих последствий: от психоэмоциональных травм участников насилия, накладывающих отпечаток на всю дальнейшую судьбу человека, до суицида, массшутинга и скуллшутинга. Решение проблемы травли требует комплексного подхода, включающего работу с психологическими, социальными, педагогическими аспектами, повышение осведомленности и ответственности общества.

Рабочий коллектив, группа студентов, художественная труппа – травля способна произрасти в любом объединении людей. Наиболее яркие формы травля приобретает в школе, в особенности в подростковом возрасте. Хотя количество исследований, посвященных проблеме травли, продолжает увеличиваться, в науке до сих пор не сложилось единого подхода к пониманию этого явления.

Несмотря на то, что в настоящее время буллинг является объектом изучения социальной, педагогической, возрастной психологии, философии, социологии, изначально термин существовал в плоскости этологической парадигмы и отождествлялся с феноменом агрессивности. Австрийский зоопсихолог К. Лоренц, будучи приверженцем теории естественного отбора, интересовался функциями и пользой животной и человеческой агрессивности. Изучение этологического подхода к описанию исследуемого явления видится принципиально важным для глубокого понимания первопричин животной и человеческой агрессивности.

В своей книге «Об агрессии» (1966) К. Лоренц описывает специфическое поведение среди птиц – моббинг, представляющее собой защитное поведение, применяемое для совместной защиты от хищников, в основном для защиты молодняка. К. Лоренц приписывает моббинг животным инстинкам, корнящимся в борьбе за существование, и отмечает, что подобное поведение свойственно и человеку, но с той оговоркой, что человек

способен рационально контролировать подобные импульсы, держать их в узде [139].

К. Лоренц отмечает, что существованию тех или иных видов угрожают не столько враги, сколько конкуренты. К. Лоренц постулирует, что подлинная агрессия у животных носит исключительно внутривидовой характер, и утверждает, что агрессивное поведение, направленное на особей других видов, не соответствует критериям истинной агрессии. К. Лоренц акцентирует внимание на концепции территориальности, рассматривая её как ключевой аспект поведения животных. Он отмечает, что у видов, территории которых определяются пространственными границами, эти области не следует интерпретировать исключительно как географические владения. Напротив, территория характеризуется градиентом агонистической готовности, где склонность к конфликтному поведению достигает максимума в центральной зоне. По мере удаления от этого центра готовность к схватке постепенно снижается, что коррелирует с уменьшением уровня знакомства особи с окружающей средой [139].

Фундаментальным аспектом концепции К. Лоренца выступает постулирование спонтанной природы агрессивности как аутохтонного поведения. Признание агрессивного импульса в качестве эволюционно-консервативного инстинкта, выполняющего видосохранительную функцию, обуславливает необходимость осознания его дезадаптивного потенциала в условиях антропогенной модификации среды. Иллюстрацией данного тезиса служит этологический феномен, наблюдаемый у аквариумных цихлид: нереализованный агрессивный потенциал, эволюционно адаптированный для регуляции внутривидовых территориальных конфликтов в естественных биотопах, в искусственной среде содержания провоцирует девиантные формы внутривидового взаимодействия, включая летальную агрессию по отношению к конспецифичному партнёру. Подобное поведение, по мнению К. Лоренца, способно проявляться и в человеческих популяциях в форме «полярной болезни», «экспедиционной желчи» [139].

К. Лоренц в рамках своей этологической концепции постулирует существование филогенетически закреплённого поведения, направленного на предотвращение летальных исходов при внутривидовых конфликтах, возникающих по большей части у тех животных, что в состоянии убивать живые существа примерно одного с ними размера (например, описанными советским биологом и популяризатором науки, сценаристом научно-популярных фильмов, автором научно-популярных книг «О поведении животных», «Проблемы этологии» И. И. Акимушкиным аминоксидами, ксеноблаптонами и прогаптонами – своеобразными охотничьими оружиеми животных, призванными привлекать и убивать жертву путем отравления или растворения, диссимилиации) [2]. Соответственно, такие механизмы не характерны для приматов или, скажем, голубей, которые могут долго истязать одного из сородичей без пробуждения «сдерживателя» [138].

Отсутствие подобных сдерживающих механизмов сыграло злую шутку с человеком, как только у него в руках появилось оружие.

Вместе с тем, механизмы ингибирования насилия, основанные на эмпатии, ритуализации поведения, групповой идентификации, все же обнаруживаются в человеческих популяциях [10]. Р. Дж. Р. Блэр отмечает, что насильственное поведение может прекращаться при наблюдении невербальных маркеров страданий, таких как плач или грустное выражение лица. Возникновение психопатических тенденций автор связывает с нарушением работы ингибиторов насилия, блокирующим развитие эмпатии и групповой идентификации [100].

И. Эйбл-Эйбесфельдт на материале кросскультурных исследований показал, что плач, поклон, надувание губ, наличие рядом маленького ребенка или дружеская улыбка predispose к оказанию поддержки, ингибируя внутривидовую агрессию людей [112]. Активация внутривидовой агрессии человека, по мнению автора, напротив, требует применения культурных инструментов дегуманизации, расчеловечивания других групп, создания

иллюзии, что группа, к которой принадлежит обидчик, человечна, а группа потенциальных жертв относится практически к другому виду [113].

К. Лоренц подчёркивает, что существование человечества как вида обусловлено синхронным развитием двух аспектов: технологического прогресса, выражающегося в инженерных изобретениях, и системы этических норм, обеспечивающих нравственную ответственность за их применение. Учёный указывает, что дисбаланс между этими компонентами неминуемо привёл бы к самоуничтожению цивилизации. Парадоксальным противовесом этому выступает присущая человеку архаичная поведенческая реакция («боевой энтузиазм»), которая, будучи эволюционно закреплённым механизмом защиты групповой идентичности, проявляется в агрессивном отстаивании собственных социокультурных особенностей перед инаковыми сообществами, а также в ритуализированном подавлении интрагрупповых девиаций. Согласно К. Лоренцу, данная реакция, направленная на сохранение гомогенности социальных норм, приобретает деструктивные формы как в межгрупповых конфликтах (где различия в ценностных системах интерпретируются как угроза), так и в жёстком подавлении индивидов, демонстративно нарушающих принятые в коллективе представления о «должном» поведении, что является основой такой специфической формы взаимодействия людей, как буллинг. Все это позволяет рассматривать травлю в качестве своеобразной защитной групповой реакции на попытки изменить установленные социальные порядки [139].

К. Э. Фабри, отечественный зоопсихолог, признавал вклад К. Лоренца в становление и развитие этологии, но критиковал точку зрения, согласно которой в человеческих популяциях является возможным проследить «исконную биологическую агрессивность», признавая эту позицию ненаучной, основанной на мнимых аналогиях, идущей вразрез с принципом гомологии [81].

Применять относительно животных термин «агрессивность» К. Э. Фабри считал нецелесообразным, критикуя попытки ученых свести

понимание агрессивности к редуccionистским и социологизаторским построениям. «Этологию человека» К. Э. Фабри признавал порождением глубокого теоретического кризиса западной этологии, и считал неверным рассматривать агрессивность как «самые разнообразные явления обыденной жизни, начиная от драки петухов и собак, мальчишеских потасовок и т.п. и заканчивая в конце концов войной и атомной бомбой», отводя все большую роль в генезисе человеческой агрессивности именно социальному аспекту, животную же агрессивность объясняя групповыми тенденциями.

Необходимость дифференциации агрессивных проявлений в животном мире и человеческом социуме отмечает Н. Д. Левитов. По мнению автора, агрессивное поведение животных детерминировано исключительно биологическими закономерностями, тогда как у человека оно формируется под влиянием сложного комплекса социально-исторических факторов, выступая продуктом конкретных культурных и общественных контекстов [44]. Ф. В. Бассин подчеркивает методологическую некорректность применения идентичной терминологии к принципиально разнородным феноменам: «Что общего,» – указывал он, – «между склонностью зверя нападать на собратьев, опирающейся на инстинкты, индивидуальной и агрессией как общественным явлением у человека?» [9, с. 55]. Критикуя биологизаторские интерпретации, Т. Г. Румянцева указывает на неправомерность экстраполяции этологических моделей на антропогенные формы агрессии, поскольку последние, будучи включёнными в системы символических значений и властных отношений, требуют анализа через призму социокультурных детерминант, а не редукции к врождённым инстинктивным паттернам [63].

Критику этологических концепций в контексте социально-исторического детерминизма развивает В. Холличер. Анализируя историко-антропологические данные, исследователь демонстрирует, что биологизаторские модели, ставящие во главу угла инстинктивную детерминацию человеческого поведения, исключают качественное

своеобразие социальных отношений [86]. Критика дополняется контраргументами, подчеркивающими отсутствие эмпирических подтверждений ключевых постулатов этологии: несмотря на прогнозируемое обнаружение «генов агрессивности», молекулярно-генетические исследования не выявили однозначных маркеров, коррелирующих с насильственным поведением, равно как и не обнаружено доказательств существования гипотетической «агрессивной энергии», предсказанной К. Лоренцом в рамках гидравлической теории инстинктивного поведения [53].

Таким образом, редукционистская интерпретация антропогенной агрессии, предложенная К. Лоренцем в рамках этологической парадигмы, заложила концептуальный фундамент для современных исследований, ориентированных на системный анализ её биосоциальной природы, но не может в полной мере ответить на вопрос о природе, сущности, генезисе человеческой агрессивности, исключает социокультурные детерминанты агрессивности и этический компонент проблемы. Этот факт подчеркивает ограниченность сугубо биологической интерпретации агрессии и указывает на необходимость более широкого подхода, учитывающего многоаспектность данного явления.

В этом контексте особое значение приобретает психологическая интерпретация агрессии, которая рассматривает данное явление как сложный феномен, обусловленный взаимодействием индивидуальных психологических характеристик, социальных условий и культурных норм. В отличие от биологического подхода, фокусирующегося преимущественно на инстинктивных и физиологических аспектах, психологическая интерпретация акцентирует внимание на роли когнитивных процессов, эмоциональных состояний и социального опыта в формировании и проявлении агрессивного поведения. Такой подход позволяет не только дополнить биологическую перспективу, но и обеспечить более глубокое

понимание механизмов агрессии, а также разработать эффективные стратегии ее регулирования и предотвращения.

Так, Э. Фромм под агрессией подразумевал любые действия, причиняющие, или потенциально способные причинить вред другому субъекту, группе людей или животному [84]. Н. Д. Левитов описал агрессивное состояние как переживание гнева с потерей самоконтроля [44]. Ф. Перлз в работе «Эго, голод и агрессия» рассматривает агрессию как естественную и неотъемлемую часть человеческого поведения, связанную с инстинктами Эго, направленными на самосохранение, и удовлетворением базовых потребностей. Он подчёркивает, что агрессия не является изначально негативным или деструктивным явлением, а представляет собой биологически обусловленный механизм, который помогает человеку адаптироваться к окружающей среде и достигать своих целей [54].

Ф. Перлз проводит аналогию между агрессией и процессом питания. Он отмечает, что для усвоения пищи организм должен сначала разрушить её структуру – пережевать и переварить. Точно так же, чтобы усвоить новый опыт или информацию, человеку необходимо «разрушить» старые представления или стереотипы. Этот процесс требует агрессии, которая, таким образом, выступает инструментом для достижения желаемого [54].

Контактирование организма с потребностью, будь то биологическая потребность или потребность социальная, требует, согласно Ф. Перлзу, разрушения неадаптивных защит и ассимиляции полученного опыта. Взаимодействие между людьми, по мнению автора, проходит на границе контакта (contact boundary), при этом человек способен как бы «проникать» через чужие границы. Это проникновение и есть акт агрессии [54].

Однако, несмотря на глубину этой интерпретации, подход Ф. Перлза оставляет за рамками некоторые психологические и социальные аспекты агрессивного поведения, которые выходят на первый план в других теориях. В частности, фрустрационная теория агрессии, разработанная Дж. Доллардом, Н. Миллером и их коллегами, предлагает иной взгляд,

объясняя агрессию как реакцию на фрустрацию – состояние, возникающее при блокировке достижения целей. Препятствия могут иметь внешнюю природу (социальные ограничения, физические барьеры) или внутреннюю (недостаток способностей или знаний). Согласно данной теории, фрустрация неизбежно порождает агрессию, которая может проявляться в различных формах – от явной физической агрессии до агрессии вербальной. При этом агрессия может быть направлена как на источник фрустрации, так и на замещающие объекты [111]. Следует отметить, что предположение о непосредственной связи личностных особенностей (внутренняя детерминация) с вариантами и формами проявления агрессии открывает новые перспективные направления, связанные с построением личностных предиктивных моделей агрессивного поведения.

А. Бандура, критикуя позицию Н. Миллера и Дж. Долларда, отмечает, что для адекватного изучения социальных явлений необходимо отказаться от рассмотрения прямого подкрепления как единственного источника формирования человеческого поведения и от прямых экстраполяций закономерностей животного мира на мир человеческих отношений [8]. Так, по мнению автора, агрессивное поведение во многом усваивается через наблюдение за моделями, которыми могут выступать другие люди или персонажи, транслирующие агрессию (в частности, травлю), при этом поведенческие паттерны в каждой ситуации социального взаимодействия выбираются из уже имеющегося репертуара, что делает актуальным вопрос о личностной предрасположенности к «научению» подобному поведению.

Таким образом, теория социального научения А. Бандуры подчеркивает, что человек усваивает поведение не только через прямое подкрепление, но и через наблюдение за моделями (людьми или персонажами), демонстрирующими то или иное поведение [8]. Когнитивная модель К. Доджа и Н. Крика объясняет агрессивное поведение систематическими нарушениями в процессах обработки социальной информации, а поведение обидчиков в буллинге объясняется ошибкой

враждебной атрибуции (hostile attribution bias) как склонности воспринимать поведение других людей как угрожающее или агрессивное [108].

Концепция внешнегрупповой дискриминации в рамках теории социальной идентичности А. Тэшфела объясняет возникновение буллинга через призму склонности представителей одной группы переоценивать качества своей группы и недооценивать качества и действия другой группы. Внешнегрупповая дискриминация, по мнению А. Тэшфела, способствует установлению различий в оценках «своей» и «чужой» группы в пользу «своей» [165]. Теория гегемонной маскулинности Р. Коннелл подчеркивает, что агрессивное поведение свойственно любой подростковой группе (что обозначает актуальность изучения буллинга именно на подростковых группах). В подростковых субкультурах, как отмечает Р. Коннелл, культура группировок насаждается с помощью насильственных методов, а гегемонная маскулинность выступает регулятивным конструктом, детерминирующим процесс гендерной социализации мальчиков через интериоризацию нормативных предписаний. Гегемонная маскулинность культивирует табуирование аффектов, маркируемых как «слабость» (страх, эмпатия, стыд) и редуцирует спектр допустимых поведенческих и эмоциональных реакций в угоду социокультурным стереотипам [40].

Травля представляет собой специфическую форму агрессивного поведения, что обусловлено её целенаправленным, систематическим и деструктивным характером. В отличие от случайных конфликтов или единичных актов агрессии, травля характеризуется повторяемостью действий, намерением причинить вред жертве и использованием социальных и психологических механизмов для достижения этой цели. Её агрессивная природа проявляется в стремлении агрессора к доминированию, самоутверждению или контролю над другими, что подчеркивает не только физический, но и эмоциональный и социальный ущерб, наносимый жертве. Таким образом, травля выходит за рамки простого проявления враждебности, становясь сложным феноменом, требующим анализа с позиции психологии.

1.2. Буллинг как проблема психологических исследований

Необходимость комплексного изучения буллинга как специфической формы агрессивного поведения людей приводит к появлению работ, открывающих новую, собственно-психологическую эпоху изучения моббинга (позже, буллинга).

Спустя шесть лет после публикации К. Лоренцом книги «Об агрессии» в свет выйдет работа шведского исследователя П. Хайнеманна «Моббинг. Групповое насилие среди детей и взрослых» (1972), характеризующаяся не этологическим, но социально-психологическим подходом к описанию проблемы человеческой агрессивности [126].

П. Хайнеманн, вслед за К. Лоренцом, понимал под моббингом поведение человека как биологического существа, некий инстинкт, но впервые отметил важность изучения взаимодействия и отношений преследователей и жертв, внутригрупповых процессов.

Первая попытка перевести изучение моббинга в плоскость психологии принадлежит норвежскому психологу Д. Олвеусу, который свел воедино понятия моббинга и буллинга, наделив их системно-психологическим контекстом. Олвеус, не отрицая важность изучения групповых процессов, первостепенную роль отводит изучению личностных особенностей участников буллинга. Д. Олвеус пишет: «Ученик подвергается буллингу или является жертвой, когда он или она становится целью неоднократных и периодических негативных действий со стороны одного или нескольких учеников» [146, с. 8].

Выделив буллинг как самостоятельное, не тождественное агрессивности явление, Олвеус задал тенденцию трактовать школьную травлю с социолого-психологических позиций.

Так, В. Е. Бесаг, автор работы «Хулиганы и жертвы в школах: руководство к пониманию и управлению» (1989), понимает под буллингом поведение, которое может быть определено как неоднократное нападение – физическое, психологическое, социальное или вербальное – теми, чья власть формально или ситуативно выше, на тех, кто не имеет возможности защитить себя, с желанием причинить страдание для достижения собственного удовлетворения [99].

Автор подчеркивает систематический характер травли, обязательное наличие неравенства силы или власти участников буллинга. Представление о наличии у обидчиков единственного объясняющего их агрессивное поведение мотива видится редуционистской попыткой обесценить, упростить личность обидчиков в ситуации школьного буллинга. Важнейшим мотивом, как показывают результаты настоящей работы, может выступать мотив социального одобрения; унижение становится инструментом получения этого одобрения, но не самоцелью.

Отметим, что анализ неравенства силы и власти в буллинге, будучи традиционно сфокусированным на физическом и социальном доминировании обидчика, требует дополнения за счет включения в исследовательское поле мотивационных и когнитивных аспектов. Сведение агрессивного поведения к единому мотиву (например, садистическому удовольствию) редуцирует сложность личностных структур участников травли. Вместо этого ключевым представляется рассмотрение инструментализации власти как средства достижения социального одобрения, что актуализирует вопросы о том, каким образом дисбаланс сил формирует и поддерживает статусные иерархии в группе, а также как индивидуальные потребности агрессора (например, в принадлежности или самоидентификации) трансформируются в насильственное взаимодействие.

Т. Р. Хилд (1994) понимает под буллингом длительное насилие, физического или психологического характера, осуществляемое одним человеком или группой, и направленное против субъекта, который не в

состоянии защититься в фактической ситуации, с осознаваемым желанием причинить боль, напугать или подвергнуть субъекта длительному напряжению [124].

Таким образом, Т. Р. Хилд предлагает обратить внимание на тот факт, что буллинг не всегда является проявлением агрессии одного отдельно взятого ученика, травля может реализовываться группой детей.

Если Т. Р. Хилд фокусируется на систематическом характере травли, ее длительности, то обращение к лексикографическим источникам позволяет выявить универсальные семантические компоненты понятия, выходящие за рамки узкотематического поля. Представляется продуктивным сопоставление авторской трактовки с определением, зафиксированным в словаре С. И. Ожегова, где насилие понимается как применение физической силы, принудительное воздействие, нарушение личной неприкосновенности, притеснение, беззаконие [52].

Отметим, что в определении Т. Р. Хилда насилие раскрывается через два взаимосвязанных аспекта: инструментальный (как средство достижения власти над жертвой) и экспрессивный (как демонстрация силы перед группой, усиливающая положение агрессора). Таким образом, насилие становится своеобразным «языком», с помощью которого агрессор транслирует свою значимость референтной группе.

По мнению К. М. Арора, автора методики изучения буллинга «чеклист «Жизнь в школе»» (1994), буллинг – это поддающиеся наблюдению действия, имеющие место в общении между молодыми людьми в школе, которые являются причиной появления чувства обиды или стресса [96].

Р. Дж. Хазлер отмечает, что буллинг может совершаться как индивидуально, так и в группах, провоцируя деструктивное взаимодействие, в котором доминирующий субъект систематически демонстрирует поведение, провоцирующее замешательство менее доминирующего индивида, получая тем самым удовлетворение от преимущества над более слабой в физическом

или психологическом плане «жертвой», применяя такое поведение, чтобы обесценить другого [123].

Е. Ф. Быковская в работе «Педагогическое насилие: теория и практика» определяет школьную травлю как разновидность насилия, для которой характерно принуждение, применение силы между детьми или учителями по отношению к ученикам [14].

По мнению Е. Ф. Быковской, явные проявления насилия могут направляться не только против конкретных субъектов, вызывающих повышенный интерес окружающих людей, но и группы в целом.

Е. П. Ильин вслед за Т. Р. Хилдом характеризует буллинг как длительное систематическое физическое или психологическое насилие, осуществляемое одним человеком или группой и направленное против человека, который не в состоянии защититься в фактической ситуации, с осознанным желанием причинить боль, напугать или подвергнуть человека длительному напряжению [31].

А. И. Аверьянов под буллингом понимает особый вид насилия, когда один человек (или группа людей) физически нападает или угрожает другому человеку или группе людей, последние из которых гораздо слабее и не могут защититься ни физически, ни морально [1].

Д. А. Лейн определяет буллинг как совокупность социальных, психологических и педагогических проблем, которые затрагивают процесс продолжительного физического или психологического насилия со стороны индивида или группы в отношении субъекта, который не способен защититься в данной ситуации [45].

Ю. А. Клейберг понимает под буллингом социально-психологический поведенческий конструкт, проявляющийся в осознанном, мотивированном поведенческом акте человека или группы лиц, направленном на другого человека или группу, содержащем в себе угрозу причинения им вреда для удовлетворения своих корыстных целей, интересов, потребностей [35].

Таким образом, авторами отмечается неоднократность, систематичность, периодичность негативных воздействий, отличающих буллинг от рядового конфликта, наличие дисбаланса силы и власти между участниками буллинга, невозможность жертв защититься от нападок.

Вслед за обозначенными взглядами в нашей работе мы будем понимать под буллингом продолжительное физическое и психологическое насилие со стороны одного человека или группы людей по отношению к другому человеку, не способному защититься от насилия, с желанием причинить боль и страдания. Под насилием мы понимаем притеснение, нарушение личной неприкосновенности, выраженные в форме физической и вербальной агрессии.

Переход от этологического этапа осмысления проблемы внутривидовой агрессии к психологическому этапу изучения травли поставил перед учеными важную задачу разграничения понятий «агрессия» и «буллинг». Наиболее значимыми, на наш взгляд, особенностями травли являются:

- целенаправленный, регулярный характер, обусловленный устойчивой мотивацией агрессора к систематическому подавлению жертвы;
- наличие ситуации дисбаланса силы сторон буллинга, где властный ресурс используется для удовлетворения потребности агрессора в доминировании или компенсации личностных дефицитов (неуверенности, страха социального отвержения);
- наличие четкого плана реализации травли, отражающего инструментальную роль насилия как средства достижения статуса или разрешения внутриличностных конфликтов;
- четырехчастный умысел: оскорбить, навредить, создать слух, исключить из общения.

Пристального внимания заслуживают, по нашему убеждению, первичные и вторичные маркеры наличия буллинга. К первичным факторам А. И. Селифанова, Л. А. Мартиросян, О. В. Захарова, Е. К. Абдулина относят

порванную в школе одежду, помятые тетради, наличие синяков и ссадин у ребенка. Вторичные факторы: отсутствие друзей, страх перед походом в школу, апатия, прогулы, снижение успеваемости, тревожные сны, кража родительских денег [11]. Таким образом, первичные и вторичные маркеры буллинга репрезентируют двухуровневую систему индикаторов, отражающих как непосредственные проявления насилия, так и его отложенные психосоциальные последствия: первичные маркеры, которые могут быть названы нами соматико-материальными маркерами, выступающими объективными свидетельствами систематического подавления жертвы, и вторичные маркеры, дезадаптационные маркеры, отражающие трансформацию травли в хронический стрессовый опыт, ведущий к дезадаптации личности.

Не менее важными задачами в вопросах изучения травли являются определение структуры буллинга, описание характерологических черт участников буллинга, а также выделения на этой основе основных групп участников буллинга.

В этом аспекте нам интересна типология участников буллинг-структуры.

Э. Роланд (1989) описал структуру буллинга, включив в нее обидчиков, которыми являются преследователи, агрессоры, хулиганы, и их жертв, а также наблюдателей [155].

О. Л. Глазман выделила следующих участников буллинг-структуры: инициаторы, помощники инициатора, защитники, жертвы, наблюдатели [19].

В нашей работе мы останавливаемся на изучении принятия роли жертв и обидчиков как основных ролей буллинг-структуры.

Одним из направлений исследований школьной травли является типологизация буллинга по формам его непосредственной реализации. Анализ зарубежного опыта показывает, что реализация травли в форме избиений, вербальной агрессии и кражи личных вещей (прямая травля) происходит в основном в младшей школе, в то время как распространение

сплетен, бойкотирование, манипуляция дружбой, изоляция (косвенная травля) характерны для подростков (Т. В. Фармер, Х. Се, 2007), причем в физической травле участвуют, как правило, мальчики (К. Р. Кук и др., 2010), девочки же чаще становятся жертвами сплетен, интриг, непристойных высказываний (Д. Финкельхор и др., 2005; Т. Р. Нансел и др., 2001; Д. Олвеус и др., 2007) [116, 107, 117, 143, 146].

Таким образом, буллинг, по мнению ученых, включает в себя жертв, обидчиков, наблюдателей, помощников обидчиков, защитников и реализуется в форме физического и вербального насилия, социальной депривации, распространении порочащих честь и достоинство слухов.

Важным аспектом изучения буллинга является анализ его распространенности. О масштабности проникновения буллинга в социальное взаимодействие красноречиво говорят исследования, проведенные в разных странах. Так, результаты экспериментов, проведенных в Норвегии и Швеции [146], показали, что 15% детей регулярно сталкиваются с ситуацией буллинга, при этом 9% детей являются жертвами, 7% – обидчиками, 2% занимают как позиции жертв, так и позиции обидчиков (Д. Олвеус, 1993). В Соединенных Штатах Америки 32% учащихся сталкивались с издевательствами (С. Робертс и др., 2010). В Литве 45% мальчиков и 36% девочек подвергались буллингу (А. Заборскис и др., 2005) [154, 173]. В России жертвами буллинга оказываются 22% детей, агрессорами – 8% (С. Н. Ениколопов, Е. А. Гусейнова, 2014) [21].

1.3. Теоретико-методологические аспекты изучения личности участников буллинга

Виктимность и агрессивность проявляются и усиливаются в кризисных ситуациях и критических периодах. Наиболее ярким критическим периодом онтогенеза, характеризующимся интенсивным формированием личностной

идентичности, является подростковый возраст. Данный этап выполняет функцию биопсихосоциального перехода, выступая демаркационной фазой между препубертатным (детство) и постпубертатным (взрослость) периодами развития. Он характеризуется интенсивными половым созреванием и развитием, физическими, эмоциональными, социальными, психологическими перестройками: формированием самооценки, внутренней картины мира, стремлением утвердить собственную индивидуальность. Социальная жизнь, общение становятся наиболее значимыми для взрослеющего человека. От того, как подросток проживет этот период, во многом зависит его дальнейшее становление как личности [5; 16; 51].

Подростковый возраст традиционно определяется как этап онтогенеза, характеризующийся биопсихосоциальной трансформацией, направленной на переход от зависимого детства к автономной взрослости. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского подчеркивает растущее несоответствие между развивающейся психикой и неизменной социальной ситуацией развития, приводящее к психологическому кризису, направленному на перестройку этой ситуации. Самосознание как основное новообразование подросткового возраста, как отмечает Л. С. Выготский, формируется в общении со сверстниками [17].

Согласно теории ведущей деятельности, Д. Б. Эльконина, интимно-личностное общение со сверстниками выступает ключевым механизмом социализации в подростничестве. Это деятельность, в которой происходит практическое освоение моральных норм и ценностей. В ней формируется самосознание как основное новообразование психики [92]. Преобразование социальных отношений, необходимость взаимодействия с новыми учителями, формирование сообществ и референтных групп, направленность подростков на интимно-личностное общение, формирование самости являются благодатной почвой для возникновения травли, что в будущем непременно приводит к деформации процесса социализации личности [141].

Вот почему ярче всего буллинг проявляется именно в подростковом возрасте. Все это обуславливает необходимость поиска путей оптимизации процесса развития личности подрастающего человека, снижения рисков нарушений развития на пути становления личности в гармоничных отношениях со средой, в широком ее понимании.

Изучение буллинга (на примере подростков) базируется на междисциплинарном синтезе теорий и методов, учитывающих многоуровневую природу феномена: от индивидуально-личностных особенностей его участников до макросоциальных контекстов.

Так, экологическая теория У. Бронфенбреннера подчеркивает, что насилие, в том числе буллинг, может быть проявлением копирования событий и их изменения в течение жизни человека, что влияет на его развитие и поведение [101].

В рамках исследования буллинга принципы детерминизма, активности, развития и системности являются ключевыми для понимания этого сложного психологического явления. Так, согласно принципу детерминизма, буллинг не возникает спонтанно, а обусловлен взаимодействием причинно-следственных факторов, личностных предикторов. Принцип активности позволяет нам рассматривать участников буллинга как субъектов, формирующих свою реальность через принятие роли в буллинге. Принцип развития позволяет рассматривать буллинг-структуру в динамике ее становления и выделить этапы ранней, формирующейся и зрелой буллинг-структуры. Принцип системности рассматривает буллинг как многоуровневый феномен, включающий личностные характеристики участников, роли в буллинг-структуре, общественные установки, такие как толерантность к насилию, культурные нормы, легитимирующие насилие.

Системный подход позволяет рассматривать личность участников буллинга как динамическую систему, включающую мотивацию, когнитивные процессы, эмоции, характер, темперамент. Системный подход подчёркивает, что личностные компоненты участников буллинга не влияют на

виктимизацию и агрессию изолированно, а взаимосвязаны и детерминируют друг друга, что позволяет рассматривать личностные предикторы буллинга в рамках целостных предиктивных моделей, позволяющих отследить эффекты сложных взаимодействий личностных предикторов травли.

Это особенно значимо в контексте подросткового возраста, который, как отмечает А. Г. Асмолов, представляет собой переходный этап от детства к взрослости и является важнейшим периодом формирования личности [7]. Подростковый возраст сопровождается физическими (интенсивным ростом и развитием, изменениями во внешности и физиологии), поведенческими (рискованностью, конфликтностью, стремлением к сепарации от родителей, независимости), эмоциональными (нервозностью, раздражительностью, появлением романтических переживаний), интеллектуальными (развитием критического мышления, когнитивных способностей), социальными (зарождением идентичности, формированием круга друзей, усвоением норм референтных групп, повышенной общительностью, стремлением к самореализации) трансформациями.

Для подростков характерны: эмоциональность, непредсказуемость, энергичность, чувствительность, стремление к самостоятельности, желание испытать новые чувства, рискованность, попытки найти место в сложном и неоднозначном мире. На эмоциональном уровне отмечаются: высокий уровень тревожности, перепады настроения, эмоциональная возбудимость, высокая чувствительность к критике.

Трансформация системы взаимоотношений во многом характеризует подростковый возраст. В. Н. Мясищев подчеркивает ключевую роль этико-оценочных механизмов, формирующихся через критическую рефлексию по отношению к себе и другим, что порождает специфическую дихотомию в социальных взаимодействиях: уважение как позитивно-ценностное отношение к личности и пренебрежение как его негативный антипод [48]. Невозможность удовлетворения базовой потребности в социально

одобряемых формах создаёт предпосылки для поиска альтернативных методов действия, в частности, насилия, буллинга.

В рамках исследований коммуникативных процессов А. Г. Самохвалова акцентирует внимание на феноменологии дисфункционального поведения подростков, детерминированного дезинтеграцией социальных связей. Автором выделяются инструментальные дисфункции, проявляющиеся в неспособности подростка реализовать нормативные сценарии ролевого поведения [65].

Буллинг, по мнению В. Р. Петросянц, деформирует прежде всего регуляционную функцию общения, объединяющую коммуникативный, информационный, когнитивный, эмотивный, конативный, креативный компоненты общения [56].

На уровне общих способностей происходит переход от конкретного к формальному или теоретическому мышлению. У младших подростков, как отмечает Ж. Пиаже, появляются некоторые способности к логическим рассуждениям, которые все же еще очень конкретны. Старшие же подростки на стадии формальных операций в процессе обучения осваивают на логическом уровне все мыслительные операции: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, классификацию, систематизацию, которые постепенно превращаются в единую целостную структуру [57].

Важным отличием формально-операционального мышления подростков является то, что они могут ориентироваться на абстракции, а не на непосредственные впечатления. Благодаря этому подростки начинают проявлять интерес к разнообразным абстрактно-философским проблемам, в том числе к религиозным, экономическим, политическим, этическим. Они рассуждают об идеалах, о будущем, приобретают новый, более глубокий и обобщенный взгляд на мир, начинают дискриминировать (различать) окружающих по самым разным основаниям (что обеспечивает возможность формирования буллинг-структур). Таким образом, осуществляется

формирование мировоззрения юной личности, и этот процесс напрямую связан с интеллектуальным развитием.

В подростковом возрасте активно формируется самооценка. С. Л. Рубинштейн пишет: «В процессе развития самосознания центр тяжести для подростка все более переносится от внешней стороны личности к ее внутренней стороне, от более или менее случайных черт к характеру в целом. С этим связаны осознание – иногда преувеличенное – своего своеобразия и переход к духовным, идеологическим масштабам самооценки. В результате человек самоопределяется как личность на более высоком уровне» [62, с. 637].

Подростковый период является сензитивным к формированию устойчивых личностных характеристик, особенно социально значимых, связанных с социально одобряемым (неодобряемым) поведением в референтных группах. Д. И. Фельдштейн отмечал, что «[...] (подростки) отдают предпочтение индивидуальному выполнению социально важных дел, далеко не всегда идентифицируя себя при этом с группой, коллективом, а пытаясь самоутвердиться в таких делах, выполняемых самостоятельно, по собственному решению [...]» [82, с. 7].

Согласно исследованиям, Д. И. Фельдштейна [83] в младшем подростковом возрасте (12-13 лет), на фоне общей адекватной самооценки большинства подростков, появляется ситуативное отношение к себе, нередко отрицательное и зависящее от отношения окружающих, прежде всего сверстников. В 14-15 лет подростки начинают ориентироваться на эталон, возникает «оперативная самооценка», обусловленная процессом интериоризации социально-нормативных референций, что, с одной стороны, делает подростков уязвимыми к травле, с другой – делает травлю столь мощным и соблазнительным инструментом воздействия на формирующуюся личность.

Д. Б. Эльконин отмечает, что в подростковом возрасте создаются благоприятные условия для развития мотивации, а именно: чувство

взрослости, общая активность подростка, стремление подростка на основе мнения другого человека осознать себя как личность, оценить себя с точки зрения требований другого человека и своих внутренних требований, потребность в самовыражении и самоутверждении; стремление подростка к самостоятельности; увеличение широты и разнообразия интересов; рост их определенности и устойчивости; развитие на их основе специальных способностей подростков [91].

В подростковом возрасте, по мнению А. Н. Леонтьева, происходит формирование «чувства взрослости» как стремления казаться взрослым, действовать, как взрослый, быть взрослым. Вместе с тем, для подростков характерны возбудимость и неожиданная смена настроений и переживаний [46]. В ряде ситуаций подросток может скрыть под вуалью безразличия тревогу, страх, огорчение, но может продемонстрировать и значительную импульсивность в поведении, что вкупе со стремлением подражать взрослому миру может провоцировать ситуации буллинга.

Именно эти особенности, по нашему мнению, могут обуславливать склонность подростков к участию в буллинге, принимать роль жертвы или обидчика в ситуации буллинга.

Личность участника подросткового буллинга специфична и зависит от занимаемой в буллинге позиции. В ситуации школьного подросткового буллинга учеными выделяются две главные роли в буллинг-структуре: роль жертвы и роль обидчика.

Таким образом, объектом нашего исследования становится личность участников буллинга, а предметом – личностные предикторы принятия роли в буллинге.

Личность, по Б. Г. Ананьеву, есть социальное качество человека, его психосоциальные свойства. Исходными характеристиками человека как личности являются ее статус в обществе, роли и ценностные ориентации. Эти личностные характеристики определяют особенности мотивации. Вершиной интеграции личностных свойств является характер [4].

В структуру личности, согласно Б. Г. Ананьеву, входят: темперамент, задатки и способности, мотивация (направленность), характер, воля, чувства, а также ряд личностных характеристик: статус, социальные функции (роли), мотивация поведения и ценностные ориентации, структура и динамика отношений, определяющие мировоззрение, жизненную направленность личности, общественное поведение, основные тенденции развития.

С. Л. Рубинштейн определяет личность как «совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия». В структуре личности С. Л. Рубинштейн выделяет: направленность (определяемую мотивом человеческой деятельности), способности (сложную синтетическую характеристику личности, определяющую пригодность к деятельности), темперамент (динамическую характеристику психической деятельности), эмоции (чувство человека по отношению к миру), характер (единство личности, опосредующее ее поведение) [61].

К. К. Платонов в динамической функциональной структуре личности выделяет: направленность, опыт, особенности психических процессов, психофизиологические процессы [58].

А. В. Петровский включает в структуру личности три составляющие: интраиндивидуальную (темперамент, характер, способности), интериндивидуальную, находящую свое проявление в области межличностного взаимодействия (самоопределение личности, внутригрупповая идентификация и др.) и метаиндивидуальную, которая находит свое воплощение в тех «вкладах» в других людей, которые субъект вольно или невольно осуществляет посредством своей деятельности [55].

В. А. Зобков в рамках компонентной структуры личности выделяет мотивацию, самооценку, интеллект, эмоциональные свойства личности. В. А. Зобков отмечает, что от внутреннего содержания мотивации и самооценки зависит структурно-содержательная организация качеств и черт личности [29]. Автор выделяет морально-нравственную, эмоционально-

волевою, мотивационную, самооценочную, коммуникативну., интеллектуальную сферы личности.

В. Д. Шадриков выделяет мотивационные (личностно-регулирующие), познавательные и эмоциональные качества личности, черты характера как основные элементы структуры личности, подчеркивая их взаимосвязь и влияние на индивидуальность и поступки человека [87].

Рассмотрим исследования личностных особенностей участников буллинга.

Д. Олвеус (1994) выделил такие особенности «обидчиков» в ситуации подросткового буллинга, как высокий потенциал общей агрессивности, проявляющийся в агрессивных действиях не только по отношению к жертвам, но и к родителям, учителям, недостаточный уровень проявления эмпатии, высокая потребность в доминировании, высокий уровень самооценки, самоуверенность [146].

Несомненный интерес вызывают исследования К. Квак, К. Ли (1999), которые показывают, что «обидчики», помимо прочего, обладают положительным самоотношением и склонностью искать социальную поддержку [135].

Исследования социального интеллекта участников буллинга показывают, что учащиеся с низким и средним социальным интеллектом склонны занимать роль обидчика в ситуации буллинга. Для лиц, склонных к деструктивному поведению, также характерны: низкий уровень саморегуляции и владения своими эмоциями, низкий уровень социальной адаптивности, низкий уровень свободы в общении и умения слушать других [18; 49; 66; 72].

Исследования О. Л. Глазман показывают, что обидчики обладают низким социометрическим статусом, но высокими коэффициентами удовлетворенности общением, авторитарностью, высокими самооценкой и уровнем притязаний. Обидчики демонстрируют нетерпимость и желание стать менее добрыми [19].

В. Р. Петросянц выделяет такие особенности обидчиков, как высокий уровень социальной успешности, склонность к легитимизации агрессии, низкая эмпатия, потребность в доминировании, завышенная самооценка, высокий социометрический статус [56].

Д. Олвеус (1994) описал следующие черты «жертв»: высокий уровень тревожности, сензитивность, эскапизм, склонность к избеганию насилия, а не сопротивления ему, отрицательное самоотношение, низкая самооценка [146].

По мнению О. Л. Глазман, жертвы обладают низким социометрическим статусом, низкой удовлетворенностью общения, низкой самооценкой, высоким уровнем притязаний, высоким уровнем тревожности и конфликтности [19].

Исследования социального интеллекта участников буллинга показывают, что жертвы, в отличие от обидчиков, демонстрируют высокий уровень социального интеллекта. Жертв с низким уровнем социального интеллекта характеризует затруднение в общении и низкий уровень манипулятивности в общении [49; 66].

В. Р. Петросянц выделяет такие особенности жертв, как социальная дезадаптация, высокая тревожность, склонность к депрессии, отрицательное самоотношение, низкая степень социальной поддержки, чувствительность, соматическая ослабленность, подавленная или, напротив, ярко проявленная агрессивность [56].

Исследования А. К. Осницкого, А. К. Ениколопова, С. Ю. Тарасовой показывают стабильную сверхтревожность, фрустрированность и высокий уровень враждебности «отверженных» детей [80].

Олвеус также выделяет специфический тип жертв – «жертв агрессивных», и описывает их характерологические особенности, а именно: эмоциональная нестабильность, сверхагрессивность, высокий уровень тревожности, раздражительность, склонность сопротивляться буллингу, реваншизм, низкий уровень самооценки, низкий уровень социальной поддержки [146].

Согласно исследованиям, Т. Г. Гришиной, агрессивные жертвы характеризуются низким уровнем самооценки, агрессивностью и высоким расхождением между желаемым и действительным. Зависимые жертвы демонстрируют черты темной триады: макиавеллизм, нарциссизм, психопатию; а также низкую самооценку, тревожность и обидчивость [20].

Помощники обидчиков демонстрируют низкий социометрический статус, высокую авторитарность, адекватные самооценку и уровень притязаний, высокие показатели активного буллинга с одновременной зависимостью от обидчиков и дефицитом общения с отцом [20].

Психологические особенности участников буллинга являются частью сложной мозаики, обуславливающей динамику буллинга. Для более глубокого понимания причин возникновения буллинга необходимо обратить внимание на более широкие социальные, психологические, культурные, педагогические контексты и условия, детерминирующие возникновения буллинга – факторы буллинга.

Очерчивая облик буллинга и роль психологических предикторов в предсказании ролевого поведения в буллинге, мы обратились к четырем объяснительным концептам: модели буллинг-структуры Д. Олвеуса, теории запланированного социального поведения И. Айзена, теории экологических систем У. Бронфенбреннера и эффекту пульсации К. Салливан.

Согласно теории экологических систем, У. Бронфенбреннера онтогенез личности рассматривается через призму четырёх взаимовложенных системных уровней (микро-, мезо-, экзо- и макросистемы), образующих иерархическую структуру социальных контекстов. В данной модели поведение одного человека, включённое в конкретную систему, детерминирует поведение других участников системы, порождая динамическую взаимозависимость. Этот бидирекциональный обмен приводит к трансформации как отдельных элементов системы, так и её структурно-функциональной организации в целом. При этом влияние мезосистемы на ребенка преломляется не только через семью, но и через

личность самого ребенка. Таким образом, общая конфигурация школьного буллинга как атрибута мезосистемы может видоизменяться в зависимости от того, что участники системы подразумевают под буллингом, какой смысл вкладывают в понятия «жертва» и «преследователь», какими личностными качествами, по их мнению, обладают жертвы и обидчики [101].

Идеи У. Бронфенбреннера эхом отзываются в так называемом «эффекте пульсации», описанном английской ученой К. Салливан. По мнению К. Салливан, буллинг распространяется, подобно концентрическим кругам, возникающим на поверхности воды при падении камня. Этот процесс, начинающийся с акта травли, со временем оказывает воздействие на множество других людей. Таким образом, буллинг выходит за рамки двустороннего взаимодействия между жертвой и обидчиком, и формирует атмосферу страха и бессилия [162].

Теория запланированного социального поведения Исаака Айзена – это еще одна концепция, которая также хорошо встраивается в систему понимания процесса возникновения травли в школе [93]. Будучи моделью, объясняющей поведение людей через их убеждения, теория запланированного поведения позволяет связать представления подростков о нормативной картине личности жертвы и булли с их поведением в ситуации буллинга. Преломляясь через проблему поиска психологических предикторов буллинга, переменные данного концепта могут выглядеть следующим образом:

Нормативное убеждение – восприятие индивидом убеждений о том, кто должен и не должен реализовывать поведение жертвы/обидчика. Отвечает на вопрос: «Какие психологические особенности характерны для обидчика/жертвы?». Данная переменная названа нами «представления о психологических особенностях обидчика/жертвы».

Субъективная норма – представление индивида о поведенческом репертуаре жертвы и обидчика. Отвечает на вопрос: «Что делают

булли/жертвы?». Эта переменная названа нами «представления о ролевом репертуаре обидчика/жертвы».

Контролирующие убеждения – убеждения индивида о наличии психологических факторов, которые могут способствовать или препятствовать реализации поведения жертвы/обидчика. Позволяет ответить на вопрос: «Обладает ли конкретный индивид психологическими особенностями жертвы/булли?». Переменная названа нами «наличие психологических особенностей обидчика/жертвы у индивида».

Воспринимаемый контроль – общий набор психологических качеств, определяющих, будет ли реализовываться конкретное поведение в ситуации буллинга. Отвечает на вопрос: «Образуют ли психологические особенности комплекс жертвы/обидчика?». Данная переменная названа нами «наличие комплекса психологических особенностей жертвы/обидчика».

Поведенческое намерение – склонность/готовность индивида к участию в буллинге в конкретной роли. Отвечает на вопрос: «Склонен ли конкретный индивид быть булли/жертвой?». Переменная названа нами «склонность к участию в буллинге».

Поведение – актуальная роль в буллинге. Отвечает на вопрос: «Является ли конкретный индивид жертвой/обидчиком?». Эту переменную мы назвали «актуальная роль в буллинге».

Согласно модели запланированного социального поведения Айзена выделенные нами переменные будут вступать в следующие отношения: из «представлений о психологических характеристиках обидчика/жертвы» произрастают «представления о ролевом репертуаре обидчика/жертвы»; «наличие психологических особенностей обидчика/жертвы у индивида» конфигурируется в «наличие комплекса психологических особенностей жертвы/обидчика у индивида»; сочетание «представлений о ролевом репертуаре обидчика/жертвы» и «наличия комплекса психологических особенностей жертвы/обидчика у индивида» формирует «склонность к участию в буллинге»; «наличие комплекса психологических особенностей

жертвы/обидчика» и «склонность к участию в буллинге» оказывают воздействие на выбор «актуальной роли в буллинге».

При этом, если «склонность к участию в буллинге» является своеобразным преморбидом этого участия, то «актуальная роль в буллинге» соответствует одной из позиций в «буллинг-структуре», предложенной Д. Олвеусом. Буллинг-структура, таким образом, предстает сложной самоорганизующейся системой, способной затягивать в себя наиболее подходящих для той или иной роли людей и вытеснять/отвергать тех, чьи психологические параметры не позволяют им «принять свободную роль».

«Ролевой репертуар» участников буллинга изучен достаточно хорошо и вращается вокруг четырех основных позиций – подвергаться или продуцировать:

- социальную депривацию;
- физическое насилие;
- вербальную агрессию;
- распространение слухов.

На эту модель мы будем опираться при изучении наличия/отсутствия буллинга в школьном коллективе.

«Склонность к участию в буллинге», будучи продуктом «представлений о ролевом репертуаре обидчика/жертвы» и «наличия комплекса психологических характеристик жертвы/булли у индивида» содержит в себе как непосредственно актуализацию поведенческой программы булли/жертвы, так и «искомое», т.е. те психологические особенности-предикторы, по набору которых можно предсказать «склонность к буллингу» конкретного подростка.

По этой причине «склонность к участию в буллинге» мы будем отождествлять с частотой реализации ролевого репертуара, поверенной опросником роли жертвы и агрессора в ситуации буллинга Д. Олвеуса, а полученные количественные переменные объясним набором конкретных

психологических предикторов, получив на выходе регрессионную предсказательную психологическую модель склонности к участию в буллинге и «психологическую формулу» склонного к виктимизации или буллингу подростка.

Обе предсказательные модели легли в основу «дерева принятия решений», которое позволило воспроизвести примерную логику подростка в принятии конкретной роли в ситуации буллинга от психологических характеристик личности к склонности к участию в буллинге и, в итоге, к актуальной роли в буллинге.

При составлении теоретической модели исследования мы руководствовались следующими представлениями:

- социальные и социально-психологические предикативные модели фокусируются на внешних факторах, таких как социальное окружение, групповая динамика и культурные факторы, которые способствуют развитию, функционированию и поддержанию буллинг-структуры. Несмотря на то, что эти факторы играют важную роль в понимании проблемы школьной травли, без учета психологических, личностных факторов они рискуют быть неполными и недостаточными. Следует также отметить, что воздействие на благосостояние семьи участников буллинга, урбанизированность населенных пунктов, в которых проживают участники буллинга, влияние на выбор предпочитаемых моделей воспитания в семье участников буллинга видится затруднительным в рамках комплексных программ интервенции, что делает изучение собственно психологических предикторов буллинга более перспективным направлением;

- предсказательная модель ролевого поведения подростков в буллинге (в рамках комплексного подхода) должна охватывать целостную личность учеников. Лишь при учете структуры личности подростков возможно отследить вклад отдельных психологических свойств, характеристик в предсказание ролевого поведения в буллинге, с выделением

корневых и второстепенных психологических предикторов. Исследуя личность подростков в целом, мы можем получить более полное представление о том, как различные качества взаимодействуют между собой и как это может влиять на их участие в буллинге, что, в свою очередь, поможет специалистам, работающим в сфере образования, акцентировать внимание на наиболее значимых с предикативной точки зрения личностных свойствах учеников.

Основываясь на представлении о личности как о сложной динамической функциональной структуре, взглядах В. Д. Шадрикова и В. А. Зобкова на компонентную структуру личности, и исследованиях, посвященных вопросу психологических особенностей участников буллинга, мы выбрали наиболее перспективные в предсказательном плане предикторы в каждой из сфер личности подростка.

1.4. Теоретическая модель личностных предикторов принятия роли в буллинг-структуре

Любое негативное явление, будь то физическая болезнь или социальная хворь, лучше безболезненно предупредить, чем вылечить. От того, сможем ли мы предсказать роль в буллинге его потенциальных участников, во многом зависит психологическое здоровье формирующейся личности.

Под предикторами (от англ. predictor «предсказатель») понимаются средства прогнозирования, прогностические параметры, предсказывающие изменение зависимой переменной. В рамках нашего исследования мы остановились на создании «субъективных», личностно-психологических предиктивных моделей буллинга, показывающих влияние собственно психологических характеристик личности на виктимизацию и агрессию участников школьного буллинга, склонность принимать роль жертвы и

агрессора, в отличие от широко освещаемых моделей «объективных» предикторов (школьный климат, доход семьи, воспитание и пр.).

Под психологическими предикторами, вслед за А. А. Колмогорцевой, мы понимаем структурно-организованную систему психологических характеристик личности, функцией которой является прогнозирование появления той или иной связи, возникновение того или иного явления [36].

Под личностными предикторами принятия роли в буллинге мы понимаем группу свойств личности, положительно или отрицательно влияющих на виктимизацию и агрессию участников буллинга (предсказывающих степень виктимизации жертв и агрессии обидчиков), а также на вероятное принятие подростком роли жертвы или обидчика в ситуации буллинга (в рамках древовидной модели симуляции принимаемых участниками буллинг-структуры решений, где буллинг-структура предстает сложной самоорганизующейся системой, «распределяющей» внутри себя роли участников).

Следует отметить, что в нашей работе предиктивные модели не отождествляются с традиционно применяемыми в психометрике, предложенными английским психологом и антропологом Ф. Гальтоном факторными моделями, в которых фактор трактуется как первопричина, движущая сила какого-либо психического изменения, явления [118]. Факторный анализ, примененный нами в работе, имеет целью сокращение количества независимых переменных для их дальнейшего применения в модели множественной линейной регрессии для построения типологии участников буллинга, а не объяснения первопричин и движущих механизмов буллинга (для решения этой задачи мы воспользовались методом древовидного предиктивного анализа принятия решений).

Библиометрический кластерный анализ с применением VOSviewer позволил нам выделить основные направления исследований в области буллинга. Из общей выборки в 1500000 работ было отобрано 200 наиболее релевантных статей базы Scopus по запросу «bullying». Большая часть работ

написана в период с 2012 года, что свидетельствует о все возрастающем интересе исследователей к данной проблеме [28].

Результаты кластерного анализа позволяют сделать вывод, что внимание исследователей во многом концентрируется на вопросах описания типов и видов травли и кибертравли, механизмов противодействия буллингу и изучения психологических последствий насилия. Вместе с тем, практически не освещается тема предикции возникновения буллинг-структур и предсказания принятия подростками роли жертвы или обидчика (Приложение 3, рис. 1).

Для уточнения поля исследования и выделения перспективных личностных предиктивных сфер из 1500000 работ нами было отобрано 200 наиболее цитируемых исследований с ключевыми словами «bullying» и «predictors». Выборка исследований после оценки релевантности составила 71 работу. Общее количество связанных научных терминов – 632. Контроль порога связи позволил нам остановиться на 131 термине (см. Приложение 3, рис. 2) и выделить 6 личностных предиктивных сфер [28].

Таким образом, основываясь на представлении о личности как о сложной динамической функциональной структуре, результатах кластерного библиографического анализа исследований, посвященных вопросу психологических особенностей участников буллинга, мы выбрали наиболее перспективные в предсказательном плане предикторы в каждой из сфер личности участника буллинга (рис. 1).

Рис. 1. Теоретическая модель личностных предикторов принятия роли в буллинге

Индивидуально-типологические предикторы

Привлекают внимание в аспекте проблематики буллинга исследования, направленные на поиск и описание индивидуально-личностных детерминант виктимизации субъектов буллинг-структуры.

Несомненный интерес вызывают исследования, посвященные характерологическим предикторам виктимизации и кибер-виктимизации участников буллинга. Так, Д. Олвеус описывает следующие особенности жертв буллинга: чувствительность, замкнутость, тревожность, низкое самоуважение, склонность к депрессии [146]. И. С. Кон отмечает, что предиктором виктимизации может послужить наличие у ребенка повышенной возбудимости [37; 38]. А. А. Вихман выделяет экстраверсию как детерминанту виктимизацию [15].

Исследования индивидуально-типологических особенностей жертв показывают, что жертвы буллинга отличаются от сверстников, не участвующих в буллинге, импульсивностью личности, самоконтролем и саморегуляцией, агрессивностью и особенностями эмоциональной сферы. Авторами (Л. И. Дементий, Е. М. Федяева) описана типология жертв:

- Дезадаптированный недоверчивый тип, для которого характерны недоверчивость и агрессивность.

- Деадаптированный викамизированный тип, для которого характерны подозрительность и чувство вины, недоверие, неуверенность.
- Адаптированный тип, для которого характерно отсутствие деадаптивных факторов [22].

Несмотря на то, что выделенные кластеры (типы) жертв значительно расширяют понимание типологии участников буллинга, мы склонны относить предложенные авторами факторы к эмоциональной сфере личности, хотя они, несомненно, связаны со свойствами нервной системы подростков, темпераментом, характером, акцентуированными чертами. Остается неизвестным и вклад агрессивности, подозрительности, чувства вины в предсказание викамизации участников школьного буллинга.

Из работ, посвященных поиску характерологических предикторов кибербуллинга (А. А. Вихман), мы видим, что открытость новому опыту и нейротизм положительно влияют на кибервикамность, а добросовестность – отрицательно [15]. Исследования акцентуаций характера участников буллинга в контингенте подростков (В. И. Пономарёв) указывают на наличие преморбидной характерологической отягощенности в виде выраженных акцентуаций характера астено-невротического типа у жертв буллинга [59].

Показано, что викамные личности обладают менее сильной и менее подвижной нервной системой, чем люди, не подвергающиеся насилию. Жертвы описываются как робкие, неуверенные, жесткие, практичные, ригидные, не считающиеся с общественным мнением. Выделены и описаны системные факторы викамной личности: экспрессивность, социальная деадаптивность, конформность, стремление привлекать к себе внимание, переживание униженности, беспечность [59; 135].

А. А. Вихман выделяет такие предикторы агрессии в буллинге как низкая доброжелательность и добросовестность при высокой экстраверсии [15]. Исследования В. И. Пономарева показывают, что для буллеров характерны эпилептоидная, гипертимная и гипертимно-эксплозивная

акцентуации, сопровождающиеся неумимостью, энергичностью, аффективной взрывчатостью. Автор отмечает влияние органического фактора в формировании характерологической акцентированности агрессоров в буллинге [59].

Наукой накоплен богатый эмпирический материал, позволяющий судить о характерологических особенностях жертв и агрессоров в буллинге. Тем не менее, в поле изучения индивидуально-типологических предикторов буллинга обнаруживается ряд пробелов:

- коэффициенты множественной детерминации отдельных исследований невысоки, а сами исследования посвящены кибербуллингу, что, тем не менее, позволяет обратить внимание на более «перспективные» в предсказательном плане индивидуально-типологические предикторы буллинга, такие как акцентуации темперамента и характера;

- буллинг определяется в ходе «клинико-психологического обследования» без указания психодиагностического инструментария, что затрудняет прогнозирование риска виктимизации по индивидуально-типологическим показателям;

- предсказательная роль акцентуаций характера не выявлена (или выявлена на теоретическом уровне), а виктимность личности изучается в отрыве от специфики школьной травли;

- отсутствие общей предикативной модели, включающей индивидуально-типологическую, диспозиционную, эмоциональную, интеллектуальную, самооценочную сферы личности затрудняет оценку вклада каждой из этих сфер в предсказание роли подростка в ситуации буллинга (с компаративной точки зрения).

Буллинг является серьезной проблемой в современном обществе и может привести к длительным негативным последствиям в жизни человека, а исследование индивидуально-типологических предикторов виктимизации участников буллинга поможет понять, какие факторы увеличивают

вероятность виктимизации учащихся, что, в свою очередь, может помочь предотвратить подобные ситуации и разработать эффективные программы профилактики буллинга. В то же время наблюдается недостаточная разработанность проблемы характерологических и темпераментальных детерминант буллинга, что и предопределило наш научный интерес к поиску индивидуально-типологических предикторов виктимизации участников школьного буллинга.

Таким образом, группа индивидуально-типологических предикторов включает в себя темпераментальные и характерологические личностные черты, такие как экстраверсия (реверсивный прокси-показатель замкнутости), нейротический симптокомплекс (демонстративность, тревожность, эмотивность, дистимность), гипертимность (прокси низких самоконтроля и саморегуляции), возбудимость, педантичность как прокси ригидности и т.д.

Эмоциональная сфера личности

Особое внимание в исследованиях подросткового буллинга уделяется эмоциональной стороне жизни учащихся, что неудивительно, ведь именно этот возраст характеризуется неустойчивостью эмоциональной сферы, всплесками эмоций и настроений, ранимостью, и по праву зовется периодом «бури и натиска» [122]. В действительности, эмоциональность подростка способна не только подпитывать склонность к агрессивному поведению в ситуации буллинга, но и выступать в качестве мишени для травли (например, в тех случаях, когда школьные хулиганы обосновывают проявление агрессии к жертве тем, что это помогает сдерживать еще большую и разрушительную агрессию со стороны жертвы).

Исследователями выделяются такие эмоциональные особенности жертв буллинга, как: склонность к депрессии, высокая тревожность, дистимия. Для булли (агрессора) характерны: высокая агрессивность, положительное отношение к агрессии, высокие показатели социального интеллекта, низкие тревожность и депрессивность [19; 115; 133; 146].

Выделяются такие детерминанты виктимизации, как чувство одиночества (Сяо-Вэй Чу, Цуй-Ин Фан, Цин-Ци Лю, Зонг-Куй Чжоу), синдром дефицита внимания и гиперактивности (И. Бабарро и др.), негативное восприятие школьного климата (Цянь Не и др.), депрессия, тревога, стресс (Сяо-Вэй Чу и др.) [97; 105; 144].

Исследования эмоциональных и социально-психологических аспектов буллинга у детей и подростков К. Л. Черненко, Л. С. Долгуновой, С. Ю. Тарасовой, А. К. Осницкого, С. Н. Ениколопова указывают на наличие взаимосвязи агрессивности и тревожности участников травли [80]. Д. Е. Щипанова, К. А. Беспалова, М. А. Килякова в качестве одного из важнейших компонентов буллинга выделяют агрессивность и склонность к девиантному поведению [89].

Ряд ученых согласен с тем, что жертва буллинга не способна к агрессии, и все, что так или иначе касается агрессии, – вотчина булли (подобный взгляд нашел отражение в массовой культуре 1970-х, редуцировавшей агрессию до индивидуального поведения обидчика). Так, в ранних работах П. Хайнеманна буллинг рассматривается как линейное взаимодействие жертвы и обидчика, в котором агрессия трактуется как «патология» обидчиков [126]. В ранних работах Д. Олвеуса акцент также смещается на обсуждение вопросов дисбаланса силы и власти жертв и обидчиков, а агрессия рассматривается как инструмент обидчика, применяемый им для доминирования [146].

Вместе с тем в науке выделяется особый тип «агрессивных жертв», что ставит под вопрос способность агрессивности дискриминировать роли участников буллинга. Следовательно, и само обсуждение агрессивности участников не вносит никаких корректив в понимание проблемы, если мы рассматриваем агрессивность как некое общее явление. Так, А. Э. Симановский отмечает, что причиной виктимизации может стать агрессия жертв (в этом случае агрессия обидчиков имеет реактивную природу) [70]. Это наталкивает на мысль, что не агрессивность как таковая

влияет на становление жертвами буллинга или булли, а специфические формы ее проявления. Жертва и булли могут обладать равной степенью агрессивности, но по-разному ее проявлять, что и может послужить опорой в вопросах предикции склонности к буллингу.

Интерес представляют работы С. А. Завражина, указывающие на особую роль переживания чувства стыда в буллинге [24; 25]. По мнению исследователя:

- 1) стыд переживают все участники буллинга;
- 2) переживание чувства стыда способно парализовать жертву, сделать ее более уязвимой для дальнейшей травли;
- 3) чувство стыда подпитывает убеждение жертв в собственной ущербности;
- 4) агрессивность булли, среди прочего, может быть вызвана переживанием стыда и ощущением собственной неполноценности.

Продолжая рассуждения С. А. Завражина, отметим, что в науке остается нераскрытым характер влияния на буллинг другого родственного стыду чувства – вины, возникающей независимо от наличия свидетелей травли. А ведь вопрос о наличии чувства вины у виктимизированных участников буллинга также видится интригующим: переживание вины может выступать в качестве своеобразного «бустера», ускоряющего процесс виктимизации, что может быть связано с попыткой искупить вину путем становления жертвой буллинга, своеобразной формой самонаказания.

Необходимость изучения чувства вины как предиктора виктимизации подчеркивает А. Э. Симановский и предлагает несколько теоретических моделей возникновения виктимного поведения ребенка, вызванного чувством вины: социальная обвинительная («ребенок принимает внешние обвинительные установки окружающих по отношению к себе»), компенсаторная, связанная с механизмом рационализации («ребенок сам начинает обвинять себя в том, что происходит негативного вокруг него»), стрессовая («ребенок не выдерживает внешнего давления на него со стороны

взрослых и берет на себя вину за проступки других детей»), адаптивная («ребенок убеждается, что позиция жертвы имеет много психологических преимуществ») [69].

Отметим, что в психологии стыд и вина рассматриваются как две различные эмоции, которые отличаются по своему происхождению, проявлениям и последствиям. К. Э. Изард пишет: «Стыд сопровождается острым и болезненным переживанием осознания собственного «Я» и отдельных черт собственного «Я». Человек кажется себе маленьким, беспомощным, скованным, эмоционально расстроенным, глупым, никуда не годным» [30, с. 342]. П. Экман отмечает, что стыд является публичным явлением, а вина – личным [90]. Ф. Перлз рассматривает стыд и вину в тесной связи с чувством обиды. Не нашедшая выход, удержанная обида часто воспринимается человеком как вина и стыд. Чувство стыда, по мнению Ф. Перлза, выступает в роли своеобразного соматического «предателя», который обуславливается неспособностью выносить неприятные ситуации, а вина и обида являются, по мнению автора, наиболее часто встречающимися и худшими видами незавершенного дела, нарушающими подлинность коммуникации [54]. Дж. П. Тангни и Р. Л. Дириг отмечают, что вина, в отличие от стыда, представляет собой интроспективный аффект, детерминированный внутренней оценкой собственных действий на соответствие интернализированным моральным стандартам, что делает её независимой от наличия внешнего наблюдателя. Стыд же, обладая социоцентрической природой, актуализируется исключительно в контексте реального или воображаемого социального присутствия, поскольку сопряжен с угрозой утраты статуса или принадлежности группе [166].

В этом контексте агрессия в буллинге может выступать попыткой булли избавиться от чувства вины. Чувство вины жертв может выступать в качестве самонаказания, аутоагрессии, вызванной либо невозможностью (табу) жертв проявлять агрессию по отношению к фрустратору, либо

воспроизведением привычных для жертвы форм наказания за провинность в семье (выученная беспомощность).

Таким образом, накопленный наукой теоретический и эмпирический материал, касающийся вопросов эмоциональности участников буллинга, раскрывает некоторые психологические особенности жертв и в особенности булли. Тем не менее, остается нераскрытым потенциал враждебности, агрессивности, тревожности, переживания чувства вины и обиды предсказывать виктимизацию участников школьного буллинга, что и предопределило наш интерес к данной проблеме.

Группа эмоциональных предикторов, таким образом, представлена симптомокомплексом эмоциональных свойств личности (эмоциональная устойчивость, беспечность, смелость в социальных контактах, эмоциональная чувствительность, тревожность, напряженность) [29], агрессивностью, враждебностью, чувством вины.

Диспозиционные предикторы

Личностные черты подростков, в силу их относительной стабильности, постоянства, являются перспективными предикторами склонности занимать роль обидчика или жертвы в ситуации школьного буллинга, а полученные на их основе предиктивные модели, с одной стороны, характеризуются устойчивостью, с другой стороны, позволяют сложить общее представление о личностном профиле участников травли.

Так, исследование С. Карри показывает, что для обидчиков характерны импульсивность и потребность в доминировании, они вспыльчивы, чувствительны к критике, но равнодушны к чувствам других и неспособны к эмпатии [125].

Результаты исследований В. С. Хертинджунг, С. Сусиловати, И. Р. Вардхани, И. Радна с применением многофакторного личностного опросника Рэймонда Кеттелла показывают, что доминирующими личностными факторами у лиц, склонных к буллингу, являются факторы А (теплота), С (эмоциональная стабильность), Е (доминантность), L

(подозрительность) и Q3 (самодисциплина). Доминирующими личностными факторами жертв травли являются факторы А (теплота), В (интеллект), С (эмоциональная стабильность), F (импульсивность), Н (смелость), М (мечтательность), О (неуверенность). Булли и жертва имеют схожие доминирующие личностные факторы в факторах А (теплота) и С (эмоциональная стабильность) [127].

Исследования А. С. Дэвиса, Э. Фаррелл, Х. Бриттен, А. Кригсман, С. Арноки, Т. Вайланкур выявили положительную корреляцию макиавеллизма и психопатии со склонностью быть агрессором в ситуации буллинга (с учетом пола и образования родителей) [109].

Мета-аналитическое исследование, проведенное М. Б. Нильсеном, Л. Глазё, С. Эйнарсен (научные работы, вышедшие до января 2015 года, 36 независимых выборок, общее количество респондентов $n=13896$) демонстрирует положительную взаимосвязь склонности быть жертвой в ситуации буллинга и нейротизма, отрицательную взаимосвязь склонности быть жертвой и экстраверсии, покладистости и добросовестности, статистически незначимую корреляцию с открытостью [145].

Мета-анализ Э. Мицопоулу и Т. Джовадзолиаса показывает, что низкая доброжелательность и низкая сознательность устойчиво коррелируют с ролью агрессора [140]. Систематический обзор И. Цых, Д. П. Фаррингтона и М. М. Тофи подтверждает, что агрессоры часто демонстрируют низкий уровень эмпатии, высокую импульсивность и склонность к доминированию [175]. Д. Л. Полхус, К. М. Уильямс связывают эти черты с теориями социального обучения А. Бандуры и моделью «темной триады», где макиавеллизм и психопатия коррелируют с агрессивным поведением [149]. Однако роль эмоциональной устойчивости остается противоречивой: одни исследования отмечают её как протектор, другие выявляют положительную связь с агрессией. Традиционно эмоциональная устойчивость считается протектором буллинга, однако исследования подростковой агрессии Д. М. Ресуррексон и др. выявили, что в контексте буллинга она может

служить ресурсом для сохранения власти над жертвой, минимизируя чувство вины [153]. М. В. Савиных выявила, что сочетание высокой нейротичности и низкой доброжелательности (по аналогии с моделью Big Five) является предиктором агрессивного поведения [64].

Г. В. Солдатова и Е. И. Рассказова в исследованиях кибербуллинга отмечают, что агрессоры часто демонстрируют низкий уровень эмпатии и высокую импульсивность [71].

Работы Т. Э. Моффита связывают фактор легкомыслия (импульсивность, безалаберность) с буллингом [142]. Исследования Л. Берковица, К. А. Андерсона, Б. Дж. Бушмана подчеркивают, что агрессия часто возникает на фоне дефицита эмоциональной саморегуляции [98; 95]. Теория низкого самоконтроля М. Р. Готфредсона, Т. Хирши объясняет буллинг как следствие неспособности регулировать импульсы [121]. Однако современные работы А. Т. Фазсоньи, А. Дж. Ксинан, Г. К. Йискрова, М. Блатны, Р. Л. Репетти, Т. Ф. Роблеса, Б. Рейнольдса подчеркивают, что импульсивность может сочетаться с избирательной расчетливостью [170], ригидностью и стремлением к доминированию (особенно в условиях группового давления) [152].

Классические исследования К. Салмивалли рассматривают конформность как ключевой мотиватор участия в травле [157]. А. Л. Журавлев в исследованиях коллективной агрессии отмечает, что в российском контексте групповая зависимость и конформность могут усиливать буллинг, особенно в закрытых учебных заведениях [23]. Однако в последних работах К. Ф. Гарандо, И. А. Ли, К. Салмивалли показано, что лидеры буллинга часто действуют самостоятельно, используя группу как инструмент подавления других [119]. Это перекликается с концепцией «инструментальной агрессии» Т. Д. Литтл, Дж. Браунер, С. М. Джонс, М. К. Нок, П. Х. Холи, где насилие служит средством достижения социальных целей [136].

Несмотря на наличие большого количества исследований, указывающих на взаимосвязь личностных черт подростков и склонности к буллингу, остается не до конца изученным вклад конкретных диспозиционных характеристик в предсказание виктимизации и агрессии подростков в ситуации школьного буллинга, что и предопределяет наш интерес к данной научной проблеме.

Группа диспозиционных предикторов буллинга включает в себя личностные черты (биполярные личностные факторы, диспозиции), такие как теплота/отчужденность, нейротизм, доминантность/подчиняемость, серьезность/беспечность, робость/смелость, доверчивость/подозрительность, практичность/мечтательность и т.д.

Интеллектуальные предикторы

Интеллектуальные способности человека по праву считаются одной из наиболее эффективных в предсказательном плане характеристик, коррелирующих, согласно данным метааналитических исследований, с личностными особенностями людей, их достижениями, академической успеваемостью, благосостоянием, социабельностью. Интеллект, а также такие его частные формы как эмоциональный интеллект, включающий в себя способности человека распознавать и контролировать эмоции, намерения, мотивацию себя и других людей, долгое время привлекает к себе внимание специалистов, занимающихся вопросами школьного буллинга.

Представляют интерес в контексте изучения интеллектуальных предикторов буллинга исследования, касающиеся роли рефлексии в поведении. Согласно концепции А. В. Карпова, рефлексия – высшая форма саморегуляции, обеспечивающая осознанный контроль над действиями, мыслями и эмоциональными состояниями субъекта. Этот процесс структурирован на нескольких уровнях [33].

На первом уровне рефлексии субъект осуществляет рефлексивный анализ, включающий оценку актуальной ситуации, оценку собственных когнитивных и эмоциональных состояний, оценку поведения другого

человека. Второй уровень рефлексии предполагает формирование субъектом суждений о внутреннем мире другого человека в той же ситуации. На третьем уровне субъект формирует представления о более сложных аспектах восприятия, а именно представление мыслей другого человека о том, как он воспринимается субъектом, а также представление о том, как другой человек воспринимает мнение субъекта о самом себе. Четвертый уровень представляет собой наиболее сложный этап рефлексии, включающий представление о том, как другой человек воспринимает мнение субъекта относительно мыслей другого о поведении субъекта в конкретной ситуации.

Концепция рефлексивности А. В. Карпова как репрезентации субъекта представлений о последствиях своего поведения и мыслей других людей касательно поведения самого субъекта ставит вопрос о необходимости обратить внимание не только на общие интеллектуальные способности как предикторы буллинга, но и на социальный интеллект.

Так, в исследованиях Т. Л. Лю, Н. В. Го, Р. К. Сяо, Ч. Ф. Ху, К. Ф. Йен изучается связь виктимизации и агрессии в ситуации буллинга с уровнем интеллекта, внимания и исполнительных функций у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Результаты анализа логистической регрессии показывают, что высокий индекс перцептивного мышления в значительной степени связан со снижением риска стать жертвой буллинга. Высокий уровень исполнительной функции предсказывает снижение риска стать как жертвой, так и булли [137].

Исследования С. Пертиви демонстрируют достоверную положительную связь интеллекта с агрессивным поведением [150].

В крупном исследовании 2023 года (Ю. П. Валенсуэла-Апарисио, С. К. Оливарес-Сандовал, Э. М. Фигероа-Феррер, С. М. Каррильо-Сьерра, и Дж. Эрнандес-Лалинде) обнаружена слабая корреляция эмоционального интеллекта и склонности подростков участвовать в буллинге [169].

Результаты мета-аналитического исследования Ю. Чжан, Ю. Дж. К. Чен (n=27438) показывают, что развитие эмоционального интеллекта учащихся

может стать решающей стратегией, позволяющей снизить риск буллинга и кибербуллинга [174].

Работы китайских исследователей О. Юи, П. Цзи Иэ, Л. Цз Ион Г, Т. Цзинь Шэн, В. Кун, Л. Цзин показывают, что занятия спортом влияют на склонность участвовать в буллинге среди студентов колледжей не только прямо, но и косвенно, посредством медиации самооценки и эмоционального интеллекта. Помимо занятий спортом, эмоциональный интеллект является ключевым фактором, влияющим на склонность участвовать в школьном буллинге. Эмоциональный интеллект демонстрирует положительную корреляцию с самооценкой, в то же время обладает значимой отрицательной корреляцией со склонностью участвовать в буллинге. Кроме того, самооценка сильно отрицательно коррелирует со школьной травлей. Таким образом, занятия спортом напрямую влияют на школьную травлю, а эмоциональный интеллект и самооценка играют значительную медиативную роль между занятиями спортом и склонностью к участию в буллинге [171].

Результаты исследования С. Джуеахинды, О. Стирамона и К. Экпаньяскулл показали эффективность авторской программы профилактического консультирования в вопросах повышения уровня социального интеллекта, уменьшения проявлений агрессивного поведения среди учащихся младших классов средней школы и предотвращения буллинга [131].

Исследователями А. Каукиайнен, К. Салмивалли, К. Лагерспец, М. Тамминен, М. Ваурас, Х. Мяки и Э. Поскипарта было обнаружено, что социальный интеллект положительно коррелирует с навыками обучения, но отрицательно коррелирует с виктимизацией в ситуации школьного буллинга [132].

В исследовании С. Пабиан и Х. Яндебош представлено сравнение социального интеллекта испытуемых, участвующих в буллинге (как традиционном, так и цифровом), с социальным интеллектом лиц, не склонных к участию в буллинге. Лонгитюдные исследования, проведенные на

выборке из 1103 подростков путем четырех срезов с интервалом в шесть месяцев, позволили авторам выявить четыре варианта профиля подростков:

1. Перманентные хулиганы, занимающиеся «традиционным» буллингом (nonstop traditional bullies). Эта группа имела самый низкий уровень социального интеллекта на протяжении всего исследования (2 года);
2. Хулиганы, занимающиеся традиционным и кибербуллингом, но реже участвующие в травле с течением времени;
3. Хулиганы, занимающиеся традиционным и кибербуллингом, показывающие всю большую заинтересованность в травле с течением времени;
4. Не участвующие в буллинге подростки.

Подростки со средним уровнем социального интеллекта редко принимают участие в буллинге. Авторы объясняют результаты «дисбалансом власти» у подростков, обладающих высоким или низким социальным интеллектом. Обладающие низким социальным интеллектом подростки борются за власть в группе (буллинг в данном случае выступает в качестве механизма, инструмента борьбы за власть), а подростки с высоким социальным интеллектом демонстрируют и удерживают власть (буллинг выступает инструментом демонстрации и поддержания власти) [147].

Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований, посвященных изучению общих способностей участников подросткового буллинга, еще многие аспекты требуют дополнительного рассмотрения:

- исследования общих способностей участников буллинга во многом концентрируются на освещении различных аспектов эмоциональности подростков, порой игнорируя явления коммуникабельности, способности понимать поведение другого человека, своё собственное поведение, а также способность действовать сообразно ситуации (социальный интеллект);

– необходимо оценить конкретный вклад интеллекта (в том числе социального) в предсказание виктимности и агрессии участников буллинга и склонности занимать роль буллы и жертвы в ситуации травли на выборке детей из российских школ;

– существует необходимость оценить вклад интеллектуальных предикторов сравнительно с темпераментальными, характерологическими, диспозиционными, мотивационными, самооценочными предикторами буллинга, а также отследить вероятные медиативные эффекты.

Таким образом, группа интеллектуальных предикторов представлена интеллектом (операциональной стороной мышления, свойствами внимания и восприятия) и социальным интеллектом как способностью понимать и прогнозировать поведение людей.

Самооценочные предикторы буллинга

Исследования А. В. Зобкова в области психологии личности и саморегуляции поведения вносят значительный вклад в понимание механизмов, лежащих в основе социальных взаимодействий, включая феномен буллинга. В центре его работ находится концепция самооценки как ключевого элемента, пронизывающего все компоненты личности на всех уровнях и этапах саморегуляции поведения, выступающего интегратором, обеспечивающим согласованность между внутренними ресурсами личности и внешними требованиями [27]. В контексте буллинга это может проявляться в способности субъекта адаптироваться к стрессовым ситуациям, противостоять давлению или изменять дисфункциональные модели поведения, и, в конечном итоге, выступать в качестве предиктора принятия роли жертвы или агрессора в буллинг-структуре.

Анализируя личность участников школьного буллинга, Д. Олвеус описал следующие черты жертв: высокий уровень тревожности, сензитивность, эскапизм, склонность к избеганию насилия, а не сопротивления ему, отрицательное самоотношение, низкая самооценка [146].

Исследования К. Квак, С. Ли показывают, что жертвы обладают отрицательным самоотношением и склонностью избегать социальной поддержки [135].

Неслучайно самооценка занимает важное место среди личностных характеристик-предикторов склонности подростков занимать роль агрессора или жертвы в ситуации буллинга и отмечается многими психологами, первопроходцами в области изучения школьной травли, как важная характеристика в структуре личности участников буллинга. Неадекватно низкая или высокая самооценка подростка, выступая одновременно и следствием буллинга и его первопричиной, тесно взаимосвязана с виктимизацией и агрессией участников школьной травли, о чем свидетельствуют исследования М. П. Пративи, И. Сетиади, Н. Фитриани [151].

Исследование японских ученых Ю. Саймона, С. Дои и Т. Фудзивары на выборке подростков ($n=5991$) с применением множественной линейной регрессии показывает наличие обратного влияния самооценки на виктимизацию [156].

Результаты исследования Дж. А. Пардеде, А. Худа, М. Сараги и М. Симамора ($n=83$) демонстрируют значительную корреляцию вербального буллинга и самооценки участников буллинга [148].

По данным латиноамериканских ученых К. Альварес и Д. Сюч (Чили), самооценка детей в возрасте от 8 до 12 лет ($n=8381$) отрицательно коррелирует со склонностью участвовать в буллинге, в лонгитюде [94].

Согласно результатам кросс-корреляционного исследования (С. Сания) с применением одномерного и двумерного анализа (критерий хи-квадрат) с использованием метода снежного кома существует статистически значимое влияние склонности к участию в буллинге на самооценку [158].

Авторегрессионная модель с перекрестным лагом Б. Чои и С. Парк, полученная на выборке 3658 корейских учащихся средней школы (47,2% составляли женщины, $M=12,07$; $SD=0,27$) в рамках Сеульского лонгитюдного

исследования образования в трех волнах (с седьмого по девятый класс), показывает: низкая самооценка положительно предсказывает виктимизацию, а виктимизация, в свою очередь, положительно предсказывает последующую низкую самооценку в лонгитюде. Низкая самооценка не способна предсказать агрессию в ситуации буллинга, которая, в свою очередь, не предсказывает последующую низкую самооценку. Авторами делается вывод о том, что жертвы буллинга попадают в порочный круг: после того, как подростки становятся жертвами издевательств, они начинают считать себя непривлекательными или некомпетентными, что, в свою очередь, провоцирует новую волну травли в их сторону [104].

Исследование, проведенное на рандомизированной выборке из 400 школ провинции Басра в центре города Аль-Басра, показывает наличие отрицательной статистически значимой взаимосвязи виктимизации и самооценки участников школьного буллинга [110].

Следует отметить, что ученые выделяют и такие социально-психологические предикторы буллинга, как проблемы с управлением собой, трудности в социальных отношениях, негативный стиль мышления, генерализованная тревога, социальная тревожность [114; 133]. Самооценка, являющаяся, по мнению Д. Олвеуса, одним из главных «разграничителей» участников буллинга на жертв и обидчиков, также демонстрирует высокую предсказательную способность в исследованиях, посвященных специфической форме травли – кибербуллингу [106; 141]. Тем не менее недостаточно четко определено влияние конкретных самооценочных компонентов, таких как склонность избегать оценки, на выбор роли жертвы в ситуации школьной, внесетековой травли в российских учебных заведениях, что делает изучение самооценочных предикторов буллинга перспективным направлением и предопределяет наш интерес к этой проблеме.

Таким образом, в состав самооценочных предикторов буллинга входят самооценка (адекватная или с тенденцией к завышению и занижению) и склонность избегать оценивания.

Мотивационная-потребностная сфера личности

Мотивация представляет собой фундаментальный психологический конструкт, движущую силу, инициирующую, направляющую и поддерживающую целенаправленное поведение. Она играет ключевую роль в регуляции действий, влияя на процессы принятия решений и устойчивость поведенческих актов. В контексте буллинга мотивация способна выступать важным предиктором, определяющим принятие роли в буллинг-структуре. Научное осмысление мотивации в этом контексте опирается на теоретические подходы Е. А. Сергиенко и О. А. Конопкина, которые подчеркивают её регуляторную функцию.

Согласно концепции Е. А. Сергиенко, мотивация является центральным механизмом контроля поведения, обеспечивающим регуляцию действий через влияние на когнитивные и эмоциональные процессы принятия решений. Автор рассматривает мотивацию как фактор, который направляет поведение индивида в соответствии с его внешними целями и внутренними возможностями [68].

О. А. Конопкин подчеркивает, что мотивация не только инициирует поведение, но и поддерживает его в условиях внешних и внутренних препятствий: «Осознанная саморегуляция есть системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей» [41, с. 6].

Изучение мотивационных составляющих деятельности учащихся, склонных к буллингу, способно пролить свет на вопросы становления буллинг-структуры. Мотивация достижения, потребность в привлечении внимания, потребность в порядке в учебных делах, стремление к социальному одобрению могут выступать в качестве предикторов виктимного или агрессивного поведения в ситуации школьного буллинга, что предопределяет интерес ученых к данному направлению исследований.

Так, в исследованиях Р. Торнберга, Т. Юнгера и Дж. С. Хонг выявлено наличие взаимосвязи склонности к буллингу и автономной мотивации, интроецированной мотивации, внешней мотивации и мотивации защищать жертв буллинга среди учащихся младшего подросткового возраста (n=901, ученики старших классов из 43 школьных классов 15 государственных школ Швеции) [168].

Исследования А. Джонса, С. Фурса, Дж. С. Биркет и Дж. С. Слай показывают, что участники буллинг-структуры, идентифицирующие себя нынешними или прошлыми жертвами буллинга (n=130), имеют значительно более низкую академическую мотивацию, чем респонденты, не заявляющие об опыте виктимизации [172].

Тем не менее, согласно данным Дж. С. Хонг, Дж. Ли, Р. Торнберга, А. А. Пегеро, Т. Вашингтона и Д. Р. Вуазен, виктимизация детей в ситуации школьного буллинга не коррелирует со школьной мотивацией (выборка n=597 афроамериканских подростков), что во многом может объясняться региональными, национальными или другими особенностями подростков [129].

Вместе с тем, согласно исследованиям Х. Г. Хидажат, И. Пративи, Ю. Рахми и Р. Д. Путри, одним из способов минимизировать виктимизацию в ситуации буллинга является развитие академической мотивации и самосострадания [128].

В исследовании А. Тюм Айхан., У. Беязит и Ю. Юрдакул, проведенном на выборке учеников, посещающих три отдельные средние школы в центре Анталии (Турция, n=262), установлено повышение уровня внешней мотивации и снижение уровня внутренней мотивации по мере роста агрессии со стороны респондентов в ситуации буллинга. С другой стороны, уровень внутренней мотивации подростков снижается по мере увеличения уровня виктимизации [102].

Исследование, проведенное А. Капуто на выборке из 3372 учащихся (51,1% мальчиков и 48,9% девочек, преимущественно в возрасте от 11 до 14

лет) 6-х (n=1082), 7-х (n=1113) и 8-х (n=1177) классов, подтверждает результаты большинства работ, посвященных поиску взаимосвязи виктимизации в ситуации буллинга и мотивации учащихся: виктимизация сильно снижает академическую самооценку (как по математике, так и по чтению) и академическую мотивацию подростков [103].

Схожие результаты демонстрируют исследования мотивации сотрудников, включенных в буллинг на рабочем месте (моббинг) [43]. Исследование А. К. Гудбоя, М. М. Мартина и С. Болкана на выборке из 243 сотрудников, работающих полный рабочий день, с применением метода множественной медиации показали наличие косвенных взаимосвязей между виктимизацией на рабочем месте и вовлеченностью в работу (энергичность, преданность делу, поглощенность работой), опосредованных внутренней мотивацией к работе [120].

Буллинг способен оказывать долговременное воздействие и на академическую мотивацию студентов. Так, А. К. Гудбой, М. М. Мартин, З. В. Голдман выявили наличие отрицательной взаимосвязи между сообщениями студентов первого семестра (колледж) о виктимизации в старшей школе и их текущей мотивации посещать занятия и адаптироваться к первому месяцу обучения в колледже [120].

В фокусе внимания ученых оказываются и вопросы влияния мотивации учителей на возникновение школьного буллинга. В исследовании К. С. Саттера, Дж. С. Хаугена, Л. О. Кэмпбелла, и Дж. Л. Т. Джонса через призму теории самоопределения изучалась связь между автономной (внутренней и идентифицируемой) и контролируемой (интроецированной и внешней) мотивацией учителей (n=414) к участию в тренинге по борьбе с буллингом и их намерением (а) участвовать в будущих тренингах по борьбе с издевательствами и (б) вмешиваться в случае возникновения издевательства в школе. Моделирование структурными уравнениями показало, что, в отличие от контролируемой мотивации, автономная мотивация учителей к участию в тренинге по борьбе с издевательствами положительно коррелирует с их

намерением участвовать в будущем обучении и вмешиваться в случае возникновения издевательств в школе [164].

В настоящее время исследователями изучается взаимосвязь школьной мотивации и такой специфической формой травли как кибербуллинг. Так, результаты исследований А. Хусейна демонстрируют наличие отрицательной корреляции между школьной травлей (киберзапугивание через социальные сети) и мотивацией достижения [130].

Таким образом, многочисленные исследования указывают на особую роль мотивации и самооценки в возникновении и функционировании буллинг-структур. Тем не менее, остается ряд крайне важных нерешенных вопросов:

1. До сих пор остается слабо освещенной взаимосвязь склонности к участию в буллинге и таких мотивационно-потребностных особенностей, как потребность в достижении, потребность привлекать к себе внимание, потребность в порядке в школьных делах, потребность в поддержке и др.

2. Остается неизученным вклад конкретных мотивационных предикторов в предсказание виктимизации и агрессии участников буллинга.

Группа мотивационно-потребностных предикторов буллинга включает мотивационные особенности, такие как мотивация достижения, аффилиация, потребность привлекать к себе внимание, потребность в социальном одобрении, потребность в поддержке, академическая заинтересованность и т.д., а также отношение к коллективу, делу и себе как компоненты трехчастной структуры отношения субъекта к жизнедеятельности, деловую, коллективистскую мотивацию и личностно-престижную мотивацию.

Теоретическая модель исследования

Таким образом, общая теоретическая модель исследования охватывает наиболее перспективные в предсказательном плане психологические характеристики, исходит из иерархического представления о личности и включает:

1. Индивидуально-типологические предикторы буллинга, включающие особенности темперамента и характера;
2. Эмоциональные предикторы буллинга, включающие личностную (невротическую) тревожность, агрессивность, враждебность, негативизм, чувство вины;
3. Диспозиционные предикторы буллинга, включающие личностные черты;
4. Интеллектуальные предикторы буллинга, включающие интеллект и социальный интеллект;
5. Самооценочные предикторы буллинга, включающие низкую, адекватную, высокую самооценку, склонность избегать оценивания;
6. Мотивационно-потребностные предикторы, включающие мотивационные особенности школьников, такие как потребность в достижении, потребность привлекать к себе внимание, потребность в порядке в школьных делах, потребность в поддержке, аффилиацию, стремление к доминированию и др.

В рамках эмпирического исследования были получены частные модели множественной линейной регрессии для каждой из выделенных нами сфер личности (п. 2.3. Личностные предикторы виктимизации и агрессии участников буллинг-структуры), предсказывающие виктимизацию жертв в ситуации школьного буллинга (6 моделей) и агрессию булли (6 моделей), а также общие модели виктимизации и агрессии, содержащие личностные предикторы из каждого уровня (сферы) личности (п. 2.4. Обобщенная модель личностных факторов как предикторов виктимизации и агрессии участников буллинга), и общая предиктивная древовидная модель, предсказывающая актуальную роль жертвы и булли в ситуации школьной подростковой травли (в рамках субъектно-деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн, К. А. Альбуханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко), позволяющего рассматривать участника буллинга как активного субъекта произвольной активности, способного к

самодетерминации, самоопределению, в том числе к определению своей роли в буллинг-структуре (п. 2.5. Личностные предикторы принятия роли в рамках древовидной модели становления буллинг-структуры)). Склонность участников буллинга к виктимизации и агрессии детерминирована внутренним содержанием личности.

Выводы по главе 1

Таким образом, мы проследили эволюцию взглядов на проблему буллинга от этологического этапа ее осмысления к собственно-психологическому. Этологическая парадигма, таким образом, служит отправной точкой для понимания моббинга (позже буллинга) как инстинктивного механизма, однако её редукционистский характер имеет определенные ограничения при применении к человеческим проявлениям насилия. Обозначается необходимость использовать комплексный подход, учитывающий взаимодействие когнитивных, эмоциональных и личностных факторов.

Мы выяснили, что буллинг (как психологическая дефиниция) – это продолжительное физическое и психологическое насилие со стороны индивида или группы по отношению к субъекту, не способному в силу определённых причин защититься от насилия, с желанием причинить боль и страдания, а также достигнуть удовлетворения.

Было выяснено, что буллинг-структура включает две основные роли: жертвы и обидчики. Обидчики обладают следующими особенностями: высокий потенциал общей агрессивности, проявляющийся в агрессивных действиях не только по отношению к жертвам, но и к родителям, учителям, недостаточный уровень проявления эмпатии, высокая потребность в доминировании, высокий уровень самооценки, самоуверенность. Черты жертв: высокий уровень тревожности, сензитивность, эскапизм, склонность к

избеганию насилия, а не сопротивления ему, отрицательное самоотношение, низкая самооценка.

Мы узнали, что участники буллинга, занимающие позицию обидчика, обладают такими характеристиками, как положительное самоотношение, высокая самооценка, умеренная личностная тревожность, высокий уровень общей агрессивности.

Мы выяснили, что участники буллинга, занимающие позицию жертвы, обладают такими характеристиками, как низкая самооценка, высокая личностная тревожность, а также высокий уровень агрессивности, что характерен для «агрессивных жертв».

В ходе анализа работ по проблеме исследования мы выяснили, что изучение буллинга требует учёта не только внешних (социальных, педагогических, культурных) факторов, но и внутренней структуры личности участников буллинг-структуры.

Нами была представлена интегративная теоретическая модель, синтезирующая идеи экологической теории, теории запланированного поведения, представления В. А. Зобкова о компонентной структуре личности, включающей мотивацию, самооценку, интеллект, эмоциональные свойства личности, представления В. Д. Шадрикова о мотивационных (личностно-регулирующих), познавательных и эмоциональных способностях и качествах личности, чертах характера. Нами были выделены психологические предиктивные сферы и на этой основе сформулирована теоретическая модель психологических предикторов принятия роли в буллинге, включающая мотивационную, самооценочную, интеллектуальную, эмоциональную сферы, сферу черт личности и сферу индивидуально-типологических качеств.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ПРЕДИКТОРОВ ПРИНЯТИЯ РОЛИ В БУЛЛИНГ-СТРУКТУРЕ

2.1. Программа и методы исследования

Для выявления личностных предикторов, обуславливающих принятие роли жертвы или обидчика в ситуации буллинга, было проведено диагностическое исследование темпераментальных, характерологических, диспозиционных, эмоциональных, самооценочных, потребностно-мотивационных характеристик участников буллинга, а также количественный и качественный анализ полученных эмпирических данных. Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью таких методов, как критерий Шапиро-Уилка, преобразование Бокса-Кокса, иерархический кластерный анализ, корреляционный анализ Пирсона, U-критерий Манна-Уитни, множественная линейная регрессия с попеременным включением предикторов, обобщенная многомерная регрессия (GLM), факторный анализ, метод древовидной классификации S&RT GTrees.

Для изучения личностных характеристик подростков, участвующих в буллинге, мы использовали следующие методики:

- Опросник роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга Олвеуса (адаптация Е. В. Бушиной, А. М. Муминовой);
- Опросник Г. Шмишека (детский вариант);
- Методика многофакторного исследования личности Кэттелла/Подростковый вариант (14PF);
- Шкала тревоги Спилбергера-Ханина;
- Опросник враждебности Басса-Дарки (вар. С. Н. Ениколопова);
- Тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда;
- Прогрессивные матрицы Дж. Равена;

- Мотивационно-самооценочный опросник В.А. Зобкова;
- Форма по изучению личности (И.М. Кондаков).

На этапе анализа полученных данных мы опирались на нормы методик, полученные на подростках.

Описанная в данном разделе организация психологического исследования позволила получить представление о психологических предикторах принятия роли в буллинг-структуре.

Опишем методики, использованные в нашем исследовании (таблица 1).

Таблица 1

Используемые в исследовании методики и показатели их надежности

Параметр	Показатель	Методика	Надежность
1	2	3	4
Рольевая позиция в буллинге			
Роль жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга	- склонность к виктимизации; - склонность к агрессии.	Опросник роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга Олвеуса (адаптация Бушиной Е.В., Муминовой А.М.)	10-18 лет. $\alpha^1=0,93$ по шкале «виктимизация», $\alpha=0,75$ по шкале «агрессия». $TLI^2=0,94$. $CFI^3=0,95$.
Индивидуально-типологические предикторы буллинга			
Акцентуации характера	- акцентуации характера (демонстративный, педантичный, застревающий, возбудимый, гипертимический, дистимический, тревожно-боязливый, циклотимический, аффективно-экзальтированный, эмотивный).	Опросник Шмишека (детский вариант)	12-18 лет. Гипертимность ($\alpha=0,699$) Возбудимость ($\alpha=0,577$) Эмотивность ($\alpha=0,609$) Дистимия ($\alpha=0,368$) Невротическая акцентуация (тревножно-боязливый тип) ($\alpha=0,637$) Интроективная акцентуация (аффективно-экзальтированный тип) ($\alpha=0,165$) Циклотимия (аффективно-

			лабильный тип) ($\alpha=0,428$) Застывание (паранойальная) ($\alpha=0,372$) Педантичность (ригидность) ($\alpha=0,698$) Демонстративность ($\alpha=0,528$)
Диспозиционные предикторы буллинга			
Первичные черты личности (факторы личности), особенности характера	Первичные черты личности: - шизотимия-аффектомия; - степень эмоциональной устойчивости; - флегматичность-возбудимость; - пассивность-доминантность; - осторожность-легкомыслие; - степень принятия моральных норм; - робость, застенчивость - смелость, авантюризм; - реализм - сензитивность; - неврастения, фактор Гамлета; - самоуверенность - склонность к чувству вины; - степень групповой зависимости; - степень самоконтроля; - степень внутреннего напряжения.	Методика многофакторного исследования личности Кэттелла/Подростковый вариант (14PF)	12-18 лет. $\alpha=0,76$ (М для первичных шкал); $\alpha=0,68-0,87$ (для всех шкал); Надежность теста за двухнедельный период $\alpha=0,69-0,87$ для всех шкал, за 2-месячный $\alpha=0,56-0,79$.
Эмоциональные предикторы буллинга			
Тревожность	- личностная тревожность; - ситуационная (реактивная) тревожность.	Шкала тревоги Спилбергера-Ханина	12-17 лет. $\alpha=0,86-0,95$; Уровень личностной тревожности при повторных тестированиях

			воспроизводится с коэффициентом $r=0,65-0,75$; ситуативной тревожности: $r=0,59$
Агрессивность и враждебность	- агрессия; - враждебность; - физическая агрессия; - косвенная агрессия; - раздражение; - вербальная агрессия; - обида; - подозрительность; - негативизм; - чувство вины.	Опросник враждебности Басса-Дарки	14-17 лет.
Интеллектуальные предикторы ролевой позиции в буллинге			
Социальный интеллект	- познание элементов поведения; - познание классов поведения; - познание отношений поведения; - познание систем поведения; - познание преобразований поведения; - познание результатов поведения.	Тест «Социальный интеллект» Гилфорда	Все возрастные группы. Надежность вычислялась методом расщепления субтестов и подсчета корреляций между результатами по четным и нечетным заданиям с коррекцией по формуле Спирмена-Брауна. «Истории с завершением» $r=0,68-0,70$; «Группы экспрессии» $r=0,58-0,61$; «Вербальная экспрессия» $r=0,84-0,85$; «Истории с дополнением» $r=0,75-0,82$.
Интеллект	- уровень внимательности, уровень статистического представления, воображения и уровень визуального различия (дискриминации); - способность	Прогрессивные матрицы Равена	Все возрастные группы.

	линейной дифференциации и суждение (умозаключение) на основе линейных взаимосвязей; - способность к динамической (быстрой) наблюдательности и прослеживанию непрерывных изменений; - способность схватывать количественные и качественные изменения в упорядочении (составлении) фигур согласно закономерности используемых изменений; - способность наблюдать сложное количественное и качественное различие кинетических, динамических рядов.		
Самооценочные предикторы ролевой позиции в буллинге			
Самооценка	- Самооценка: адекватная, завышенная, заниженная, несформированная, с тенденцией к завышению, с тенденцией к занижению, асоциальная; - стремление уйти от оценки.	Мотивационно-самооценочный опросник (В.А. Зобков)	
Мотивационно-потребностные предикторы ролевой позиции в буллинге			
Мотивация	- Мотивация: лично-престижная мотивация, мотивация на дело и коллектив;	Мотивационно-самооценочный опросник (В.А. Зобков)	

	- отношение к делу, к коллективу, к себе; - неуверенность в поведении; - стремление к лидерству; - самоуверенность в поведении.		
Мотивационные особенности школьников	- Потребность в достижении; - Потребность в аффилиации; - Агрессия; - Доминантность; - Выдержка; - Потребность привлекать к себе внимание; - Потребность в избегании риска; - Импульсивность; - Готовность к помощи; - Потребность в порядке; - Ориентация на игру; - Потребность в социальном одобрении; - Потребность в поддержке; - Общая заинтересованность.	Форма по изучению личности (И.М. Кондаков)	5-11 классы. 1 шкала (фактор=2.04; q=0.5). 2 шкала (фактор=2.6; q=0.6). 3 шкала (фактор=2.2; q=0.6). 4 шкала (фактор=1.8; q=0.5). 5 шкала (фактор=2.6; q=0.6). 6 шкала (фактор=2.09; q=0.5). 7 шкала (фактор=2.7; q=0.7) и т.д.
<i>Примечания:</i> ¹ – α – коэффициент альфа Кронбаха. ² – TLI – индекс Такера-Льюиса. ³ – CFI – сравнительный индекс соответствия.			

Для выявления *виктимизации и агрессии* участников школьного буллинга мы использовали:

Опросник роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга Олвеуса (адаптация Бушиной Е. В., Муминовой А. М.), предназначенный для выявления виктимизации и агрессии участников школьного буллинга [13].

Целью эмпирической работы является изучение и предсказание с помощью набора личностных предикторов принятие роли в буллинг-структуре.

Существующие на данный момент методики позволяют узнать о наличии буллинга в классе или предсказать его появление. Единственной надежной и валидной методикой, позволяющей оценить склонность личности занимать ту или иную ролевую позицию в буллинг-структуре, является опросник роли жертвы и агрессора Дана Олвеуса.

Методика Д. Олвеуса основана на концептуальном понимании травли как систематического издевательства или же насилия, продиктованного дисбалансом власти между сверстниками и несущего физический, эмоциональный и социальный вред жертве буллинга.

Адаптация методики на русскоязычной выборке проведена Е. В. Бушиной, А. М. Муминовой в 2021 году. Выборка состояла из 833 респондентов в возрасте от 10 до 18 лет ($M=15,69$; $SD=2,14$). Альфа Кронбаха: $\alpha=0,93$ по шкале «виктимизация», $\alpha=0,75$ по шкале «агрессия». Факторная структура показала хорошее соответствие факторной модели русскоязычной методики исходным данным (конфирматорный анализ с поправкой Саторры-Бентлера). Индекс Такера-Льюиса: $TLI=0,94$. Сравнительный индекс соответствия (CFI)= $0,95$.

В инструкции к методике респондентам предлагается ознакомиться с определением буллинга, в котором затрагиваются его основные характеристики, касающиеся его систематичности, намерений агрессора причинить ущерб жертве и дисбаланса власти между участниками травли. Кроме того, респондентам необходимо отвечать на вопросы, принимая во внимание, во-первых, разные формы буллинга, которые также упоминаются в инструкции, во-вторых, события последних двух-трех месяцев. Соответственно, каждое утверждение, касающееся определенной формы школьной травли, респондент оценивает по пятибалльной шкале.

Методика состоит из 2 шкал: шкала виктимизации и шкала агрессии. Каждая из шкал включает в себя по 8 утверждений, касающихся разных форм травли:

- физической («Меня били, пинали, толкали или запирали где-то»/«Бил(а), пинал(а), толкал(а) или запирал(а) где-либо»);
- вербальной («Мне давали неприятные прозвища, надо мной смеялись или обидно дразнили», «Меня травили неприятными прозвищами, комментариями или жестами с сексуальным подтекстом»/«Давал(а) обидные прозвища, смеялся(лась) или обидно дразнил(а)», «Травил(а) неприятными прозвищами, комментариями и жестами с неприличным подтекстом»);
- косвенной агрессии («Другие ученики говорили неправду или распространяли слухи обо мне и пытались настроить ребят против меня», «Другие ученики намеренно избегали меня, исключали меня из круга своих друзей или полностью игнорировали»/«Распространял(а) ложные слухи и настраивал(а) других против него/нее», «Намеренно избегал(а), исключал(а) из круга друзей или полностью игнорировал(а)»).

Каждое утверждение оценивается по пятибалльной шкале частоты, где 1 – ничего подобного не случилось в последние месяцы, 5 – несколько раз в неделю. Те респонденты, которые сообщают об опыте виктимизации или агрессии более чем несколько раз в месяц, рассматриваются как жертвы или агрессоры в ситуации школьной травли. По каждой шкале подсчитывается среднее значение. Остальные вопросы носят информационный характер и могут быть использованы в качественных исследованиях или при использовании смешанной методологии.

Данные, полученные с помощью опросника Олвеуса, были соотнесены с результатами отчетов классных руководителей и старост классов, что позволит предсказать как склонность к виктимизации и буллингу, так и непосредственно ролевые диспозиции в ситуации буллинга, а

также подтвердить конструктивную валидность методики Олвеуса на российской выборке.

Для изучения *индивидуально-типологических характеристик участников буллинга* мы использовали:

Опросник Шмишека (детский вариант), предназначенный для выявления темпераментальных и характерологических акцентуаций личности [42].

Опросник Шмишека – личностный опросник, который предназначен для диагностики типа акцентуации личности, является реализацией типологического подхода к ее изучению. Опубликовано Г. Шмишеком в 1970 г.

Методика состоит из 88 вопросов, на которые требуется ответить «да» или «нет».

С помощью данной методики определяются следующие 10 типов акцентуации личности (по классификации К. Леонгарда):

1. Демонстративный тип. Характеризуется повышенной способностью к вытеснению.
2. Педантичный тип. Лица этого типа отличаются повышенной ригидностью, инертностью психических процессов, неспособностью к вытеснению травмирующих переживаний.
3. Застревающий тип. Характерна чрезмерная стойкость аффекта.
4. Возбудимый тип. Повышенная импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями.
5. Гипертимический тип. Повышенный фон настроения в сочетании с оптимизмом и высокой активностью.
6. Дистимический тип. Сниженный фон настроения, пессимизм, фиксация теневых сторон жизни, заторможенность.
7. Тревожно-боязливый. Склонность к страхам, робость и пугливость.
8. Циклотимический тип. Смена гипертимических и дистимических фаз.

9. Аффективно-экзальтированный. Легкость перехода от состояния восторга к состоянию печали. Восторг и печаль – основные сопутствующие этому типу состояния.

10. Эмотивный тип. Родственен аффективно-экзальтированному, но проявления не столь бурны. Лица этого типа отличаются особой впечатлительностью и чувствительностью.

Максимальный показатель по каждому типу акцентуации – 24 балла. Признаком акцентуации считается показатель выше 12 баллов. Полученные данные могут быть представлены в виде «профиля личностной акцентуации».

Максимальное значение набранных баллов по шкале искренности составляет 10. При сумме баллов, не превышающих 5, можно считать, что большинство ответов являются искренними. При сумме баллов 6...7 достоверность ответов подвергается сомнению. При значениях 8...10 баллов ответы признаются недостоверными.

Сумма баллов по каждой из основных шкал умножается на соответствующий коэффициент, указанный в ключе. Максимально возможное значение набранных баллов – 24.

Результат умножения на коэффициент рассматривается исходя из 4-х уровней выраженности акцентуированной черты:

- низкие значения – 0...6 баллов;
- средние значения – 7...12 баллов;
- значения выше среднего – 13...18 баллов;
- высокие значения – 19...24 балла (акцентуация).

Значения коэффициента надежности-согласованности Кронбаха рассчитаны Л. Ф. Бурлачуком, В. Н. Духневичем [12].

Таблица 2

Данные о внутренней согласованности опросника Шмишека по типам акцентуации

№ п/п	Фактор (акцентуация)	Коэффициент Кронбаха
1	Гипертимность	0,699
2	Возбудимость	0,577
3	Эмотивность	0,609
4	Дистимия	0,368
5	Невротическая акцентуация (тревожно-боязливый тип)	0,637
6	Интроективная акцентуация (аффективно-экзальтированный тип)	0,165
7	Циклотимия (аффективно-лабильный тип)	0,428
8	Застревание (паранойяльная)	0,372
9	Педантичность (ригидность)	0,698
10	Демонстративность	0,528

Для изучения *личностных диспозиций участников буллинга* мы использовали:

Методика многофакторного исследования личности Кэттелла/Подростковый вариант (14PF), предназначенная для выявления личностных диспозиций (первичных черт личности) [32].

Оригинальный опросник ориентирован на выявление относительно независимых 16 факторов (шкал, первичных черт) личности.

Впервые опросник Кэттелла (форма А, В) был опубликован в 1949 году Институтом по проверке способностей личности (JPAT). В 1956-57 г. вышло второе издание, дополненное новыми разработками (форма С, D). В 1961-62 г. (форма Е, F) – третье, которое можно было использовать как самостоятельное руководство к опроснику. Адаптированный русскоязычный вариант опросника разработан В. И. Похилько, А. С. Соловейчиком, А. Г. Шмелевым [3].

Перед началом опроса испытуемому дают специальный бланк, на котором он должен делать определенные пометки, по мере прочтения. Предварительно дается соответствующая инструкция, содержащая информацию о том, что должен делать испытуемый. Контрольное время испытания 25-30 минут. В процессе ответов на вопросы экспериментатор контролирует время работы испытуемого и, если испытуемый отвечает медленно, предупреждает его об этом. Испытание проводится индивидуально в спокойной, деловой обстановке.

Обработка полученных данных производится с помощью ключа. Совпадение ответов обследуемого с ключом оценивается в два балла для ответов «а» и «с», совпадение ответа «b» – в один балл. Сумма баллов по каждой выделенной группе вопросов дает в результате значение фактора. Полученное значение каждого фактора переводится в стеньги (стандартные единицы). Стеньги распределяются по биполярной шкале с крайними значениями в 1 и 10 баллов. Соответственно, первой половине шкалы (от 1 до 5,5) присваивается знак «—», второй половине (от 5,5 до 10) знак «+». Кроме первоначальных 16 факторов, можно выделить четыре фактора второго порядка.

При интерпретации полученных результатов целесообразно использовать не только выраженность отдельных факторов, но и их сочетаний, образующих симптомокомплексы коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных и регуляторных личностных свойств.

Рейтинг надежности 16PF оценивается как от умеренного до хорошего. Основываясь на выборке из 10 261 человека, надежность внутренней согласованности составляет в среднем 0,76 для первичных шкал и диапазон от 0,68 до 0,87 для всех 16 шкал. Надежность теста за двухнедельный период показала 0,69–0,87 для всех шкал, а за 2-месячный интервал – 0,56–0,79.

Многофакторный личностный опросник 14PF Кэттелла представляет собой адаптацию опросника Кэттелла (Кеттелла) для подростков 12-18 лет. В

силу относительно зрелого возраста испытуемых процедура проведения совпадает с взрослой версией опросника [32].

Опросник состоит из 142 вопросов, на каждый из которых может быть дан один из трёх вариантов ответа.

Из методики может быть извлечено 14 показателей - так называемых первичных факторов. Некоторые из них совпадают, а некоторые не совпадают с взрослой версией опросника:

1. А (шизотимия-аффектотимия)
2. В (ложь)
3. С (степень эмоциональной устойчивости)
4. D (флегматичность-возбудимость)
5. Е (подчиненность-доминирование)
6. F (осторожность-легкомыслие)
7. G (степень принятия моральных норм)
8. Н (застенчивость-авантюризм)
9. I (реализм-сензитивность)
10. J (неврастения, фактор Гамлета)
11. О (самоуверенность-склонность к чувству вины)
12. Q2 (степень групповой зависимости)
13. Q3 (степень самоконтроля)
14. Q4 (степень внутреннего напряжения)

Общие принципы интерпретации:

Подсчитывается количество совпадений ответов испытуемого с ключом. За каждое совпадение начисляется 2 балла. Исключение составляет фактор В, где за каждое совпадение ответа с ключом дается 1 балл, а также за ответ «В» начисляется 1 балл.

Для изучения эмоциональных характеристик участников буллинга мы использовали следующие методики:

Шкала тревоги Спилбергера-Ханина, предназначенная для выявления ситуативной и личностной тревожности [26].

Специалисты, занимающиеся проблемой травли, отмечают, что высокая тревожность является неотъемлемым атрибутом жертвы буллинга, в то время как низкая выраженность тревожности свойственна булли. Тем не менее, предиктивный потенциал личностной тревожности младших подростков изучен недостаточно полно. Способна ли тревожность как конституциональная черта предсказать принятия конкретной роли в ситуации буллинга, провести «линию разграничения» между жертвой и булли? Этот вопрос предопределил наш интерес к изучению конкретной психологической характеристики как потенциального предиктора принятия роли в буллинге.

Подавляющее число известных методов измерения тревожности позволяет исследовать личностную тревожность, либо непосредственно наличие состояние тревожности. Единственной методикой, которая позволяет дифференцированно измерять тревожность и как свойство личности, и как актуальное состояние, является методика, разработанная Ч. Д. Спилбергером и адаптированная на русском языке Ю. Л. Ханиным. Методика диагностики тревожности Ч. Спилбергера - Ю. Ханина стандартизирована Ю. А. Зайцевым и А. А. Хваном в 2011 году на трех выборках испытуемых: подростки 13–15 лет (114 человек), юноши и девушки 16–19 лет (286 человек) и взрослые от 25 лет и старше (133 человека). Все три выборки были проверены на нормальность и устойчивость распределения [26].

Методика характеризуется показателями надежности альфа Кронбаха от $\alpha=0,86$ до $\alpha=0,95$, высокой валидностью и ретестовой надежностью. Уровень личностной тревожности при повторных тестированиях воспроизводится с коэффициентом $r=0,65-0,75$; ситуативной тревожности: $r=0,59$ [26; 161].

Бланк методики Спилбергера включает в себя 40 вопросов – рассуждений, 20 из которых предназначены для изучения уровня ситуативной тревожности и 20 – для изучения личностной тревожности.

Процесс тестирования по методике Спилбергера - Ханина реализуется с применением пары бланков: один бланк предназначен для исследования показателей ситуативной тревожности, а второй – для исследования уровня личностной тревожности.

На этапе интерпретации результатов мы воспользовались следующими оценками выраженности личностной тревожности:

- до 33 баллов – низкий уровень выраженности тревожности,
- от 34 до 39 баллов – средний, с тенденцией к низкому уровню выраженности тревожности;
- от 40 до 45 – средний, с тенденцией к высокому уровню выраженности тревожности;
- от 46 до 51 – высокий уровень выраженности тревожности;
- от 52 до 80 – очень высокий уровень выраженности тревожности.

Оценки выраженности ситуативной (реактивной) тревожности:

- до 21 балла – низкий уровень выраженности тревожности,
- от 22 до 33 баллов – средний, с тенденцией к низкому уровню выраженности тревожности;
- от 34 до 45 – средний, с тенденцией к высокому уровню выраженности тревожности;
- от 46 до 57 – высокий уровень выраженности тревожности;
- от 58 до 80 – очень высокий уровень выраженности тревожности.

Опросник враждебности Басса-Дарки (вар. Ениколопова), предназначенный для выявления агрессии и враждебности [85].

Само понятие «агрессор» подразумевает наличие у буллера агрессивности как черты и ее отсутствие/незначительное присутствие в личностной картине жертвы. На практике же мы все чаще замечаем, что не все жертвы «белые и пушистые». Причина этого может крыться в том, что жертвы и буллеры по-разному актуализируют свои агрессивные тенденции.

Агрессивность булли очевидна – он нападает, оскорбляет, раздражается. Деструктивные потенции жертв могут находить свое воплощение в форме враждебности к миру/самому себе, обиде, излишней подозрительности.

Такое разграничение враждебности и агрессивности, предложенное Бассом и Дарки, позволяет нам прицельно изучить предикторную способность различных субклассов конкретных деструктивных тенденций в контексте предсказания склонности занимать конкретную ролевую позицию в ситуации школьного буллинга.

Разработанный в 1957 году американскими учеными А. Бассом и Э. Дарки опросник враждебности Басса-Дарки (Buss-Durkee Hostility Inventory, BDHI), предназначен для выявления уровня агрессивности и враждебности.

Создавая опросник, А. Басс вначале провел разграничительную черту между враждебностью и агрессией. Враждебность он определил как реакцию отношения, скрытно-вербальную реакцию, которую сопровождают отрицательные переживания и отрицательная оценка людей и явлений. Под агрессией А. Басс понимал ответ, который содержит стимулы, способные причинить вред другому индивиду. Последующая дифференциация проводилась в сторону выделения субклассов внутри агрессии и враждебности. В конечном итоге А. Басс и Э. Дарки обозначили два типа враждебности (обида и подозрительность) и пять классов агрессии (физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм и вербальная агрессия).

В литературе встречается несколько русскоязычных адаптаций этой методики. Мы воспользовались самой первой адаптацией методики, разработанной С. Н. Ениколоповым в 1989 году, стандартизированной А. А. Хваном, Ю. А. Зайцевым и Ю. А. Кузнецовой в 2005 году. Выборку стандартизации составили 646 подростков 16 – 17 лет.

Методика содержит 75 вопросов и предлагает оценить каждое утверждение одним из четырех ответов: «да», «пожалуй, да», «пожалуй, нет», «нет».

При обработке данных, ответы «да» и «пожалуй, да» объединяются и суммируются как ответы «да» (+); ответы «нет» и «пожалуй, нет» суммируются как ответы «нет» (-). При совпадении номера вопроса и типа ответа (да/нет) показателю присваивается значение – 1, при несовпадении – 0. Сумма баллов, умножается на коэффициент, указанный при каждом параметре агрессивности.

На этапе интерпретации результатов мы воспользовались следующими оценками выраженности агрессивности:

- 1 – 2 стена – низкий уровень агрессивности;
- 3 – 4 стенов – средний уровень агрессивности;
- 5 – 6 стенов – повышенный уровень агрессивности;
- 7 стенов - высокий уровень агрессивности;
- 8 – 10 стенов – очень высокий уровень агрессивности.

Для изучения *интеллектуальных способностей участников буллинга* мы использовали:

Тест «Социальный интеллект» Гилфорда, предназначенный для изучения в структуре социального интеллекта способностей познания классов, систем, преобразований и результатов поведения [47].

Тест социального интеллекта Гилфорда – психодиагностическая методика, созданная Дж. Гилфордом на основе собственной модели структуры интеллекта.

Возможность измерения социального интеллекта выводится из общей модели структуры интеллекта Дж. Гилфорда, который понимал социальный интеллект как систему интеллектуальных способностей, независимых от фактора общего интеллекта и связанных прежде всего с познанием поведенческой информации, которые, как и общеинтеллектуальные, можно

описать в пространстве трех переменных: содержание, операции, результаты. Дж. Гилфорд выделил одну операцию – познание – и сосредоточил свои исследования на познании поведения. Эта способность включает шесть факторов:

1. Познание элементов поведения – способность выделять из контекста вербальную и невербальную экспрессию поведения.

2. Познание классов поведения – способность распознавать общие свойства в некотором потоке экспрессивной или ситуативной информации о поведении.

3. Познание отношений поведения – способность понимать отношения, существующие между единицами информации о поведении.

4. Познание систем поведения – способность понимать логику развития целостных ситуаций взаимодействия людей, смысл их поведения в этих ситуациях.

5. Познание преобразований поведения – способность понимать изменение значения сходного поведения (вербального или невербального) в разных ситуационных контекстах.

6. Познание результатов поведения – способность предвидеть последствия поведения, исходя из имеющейся информации.

Методика включает четыре субтеста, из них три составлены на невербальном стимульном материале и один – на вербальном. Субтесты диагностируют четыре способности в структуре социального интеллекта: познание классов, систем, преобразований и результатов поведения. Два субтеста имеют в своей факторной структуре также второстепенные веса, касающиеся способности понимать элементы и отношения поведения.

Методика рассчитана на весь возрастной диапазон, начиная с 9 лет.

Стимульный материал представляет собой набор из четырех тестовых тетрадей. Каждый субтест содержит от 12 до 15 заданий. Время проведения субтестов ограничено.

В зависимости от целей исследования методика допускает как проведение полной батареи, так и использование отдельных субтестов. Возможны индивидуальный и групповой варианты тестирования. При использовании полного варианта методики субтесты предъявляются в порядке их нумерации.

Время, отведенное на каждый субтест, ограничено и составляет:

- 6 минут (1 субтест - «Истории с завершением»),
- 7 минут (2 субтест - «Группы экспрессии»),
- 5 минут (3 субтест - «Вербальная экспрессия»),
- 10 минут (4 субтест - «Истории с дополнениями»).

Общее время тестирования, включая инструкцию, составляет 30-35 минут. Перед началом тестирования обследуемым выдаются бланки ответов, на которых они фиксируют некоторые сведения о себе. После этого они получают тестовые тетради с первым субтестом и начинают знакомиться с инструкцией по ходу ее зачитывания экспериментатором. В процессе чтения инструкции экспериментатор делает паузу после знакомства с примером, чтобы убедиться, что обследуемые правильно его поняли. По окончании инструкции отводится время для ответов на вопросы. После этого экспериментатор дает команду «Переверните страницу. Начали» и включает секундомер.

За минуту до окончания работы над субтестом обследуемых предупреждают об этом. По истечении времени работы дается команда «Стоп. Отложите ваши ручки», обследуемые отдыхают в течение нескольких минут и переходят к выполнению следующего субтеста.

Для обработки результатов используются бланк ответов, ключ к обработке и нормативные таблицы для определения стандартных значений.

Бланки ответов обрабатываются с помощью специальных ключей. Результаты подсчитываются по каждому субтесту в отдельности и по всему тесту в целом. Результаты по отдельным субтестам отражают уровень

развития одной (или нескольких) способностей фактора познания поведения. Результат по тесту в целом называется композитной оценкой и отражает общий уровень развития социального интеллекта.

Суммы «сырых баллов» за каждый субтест, подсчитанные с помощью ключей, записываются в первую строку Итоговой таблицы на Бланке ответов. За каждый правильный ответ обследуемому начисляется один балл. «Сырые баллы» переводятся в стандартные с помощью нормативных таблиц и записываются во вторую строку Итоговой таблицы.

Композитная оценка представляет собой сумму «сырых баллов» по каждому субтесту. Полученная сумма тоже переводится в стандартное значение.

Перевод «сырых» оценок в стандартную шкалу дает возможность сравнивать степень выраженности отдельных способностей к познанию поведения (социального поведения) у данного обследуемого (интраиндивидуальная диагностика с построением профиля социального интеллекта), а также сравнивать уровень развития способностей к познанию поведения у разных людей (интериндивидуальная дифференциальная диагностика).

При интерпретации результатов необходимо помнить, что успешность выполнения теста положительно коррелирует со скоростью мышления, образовательным уровнем обследуемого и не зависит от его пола.

После завершения процедуры обработки результатов получают стандартные баллы по каждому субтесту, отражающие уровень развития соответствующих способностей к познанию поведения. При этом общий смысл стандартных баллов можно определить следующим образом:

- 1 балл – низкие способности к познанию поведения;
- 2 балла – способности к познанию поведения ниже среднего (среднеслабые);

- 3 балла – средние способности к познанию поведения (средневыборочная норма);

- 4 балла – способности к познанию поведения выше среднего (среднесильные);

- 5 баллов – высокие способности к познанию поведения.

При получении стандартной оценки 1 балл по какому-либо субтесту необходимо прежде всего проверить, правильно ли обследуемый понял инструкцию.

Общий уровень развития социального интеллекта (интегрального фактора познания поведения) определяется на основе композитной оценки. Смысл композитной оценки, выраженной в стандартных баллах, можно определить следующим образом:

- 1 балл – низкий социальный интеллект;

- 2 балла – социальный интеллект ниже среднего (среднеслабый);

- 3 балла – средний социальный интеллект (средневыборочная норма);

- 4 балла – социальный интеллект выше среднего (среднесильный);

- 5 баллов – высокий социальный интеллект.

В исследованиях М. О Салливан (1965) и М. Тенопир (1967) была проведена проверка субтестов на надежность [163; 167]. Надежность вычислялась методом расщепления субтестов и подсчета корреляций между результатами по четным и нечетным заданиям с коррекцией по формуле Спирмена-Брауна. Исследования показали высокую надежность всех субтестов, подтвердили высокую гомогенность тестовой батареи (согласованность заданий каждого субтеста по содержанию и вкладу в оценку соответствующей способности к познанию поведения).

Показатели надежности субтестов теста Дж. Гилфорда

Автор Исследования	Показатели надежности субтеста			
	«Истории с завершением»	«Группы экспрессии»	«Вербальная экспрессия»	«Истории с дополнением»
М. О'Салливан (1965)	0,70	0,58	0,84	0,75
М. Тенопир (1967)	0,68	0,61	0,85	0,82

Стандартные прогрессивные матрицы Равена, предназначенные для оценки умственного развития [60].

Стандартные прогрессивные матрицы предназначены для определения уровня умственного развития детей от 8 лет и взрослых. Теоретической основой является модель оценки интеллекта Ч. Спирмена. При выполнении теста актуализируются такие когнитивные процессы как восприятие (зрительный анализ и синтез), внимание (устойчивость внимания, распределение, общая продуктивность, работоспособность, переключение) и образное мышление. Матрицы Равена могут применяться на выборках испытуемых с любым языковым составом и социокультурным фоном, с любым уровнем речевого развития, в возрасте от 4,5 до 65 лет.

Чёрно-белые прогрессивные матрицы Равена (в оригинальном варианте) состоят из 60 матриц (размер 7,5х11 см.), в каждой из которых отсутствует один из составляющих её элементов. Обследуемый должен выбрать недостающий элемент матрицы среди 6-8 предложенных вариантов. Задания сгруппированы в 5 серий – А, В, С, D, Е, каждая серия состоит из 12 матриц.

Принцип «прогрессивности» в Стандартных матрицах реализуется двояким образом:

а) внутри каждой серии задания расположены с учётом их возрастающей сложности;

б) все серии отличаются различной трудностью, которая возрастает от серии А к серии Е.

Возрастающая трудность заданий определяется:

- увеличением числа элементов в матрице;
- увеличением предлагаемых вариантов решения;
- усложнением логического принципа, лежащего в основе каждой композиции, который испытуемому необходимо понять, чтобы закономерно выбрать недостающий элемент.

Расположение матриц в определённой последовательности соответственно принципу возрастающей сложности мыслительных операций, необходимых для решения, не исключает варианта парциальной несформированности умственных операций у обследуемого.

Испытание по шкале Равена производится следующим образом. При групповом тестировании каждому испытуемому дается экземпляр тестовой тетради с одним испытательным протоколом для записи решений. Тестовая тетрадь остается закрытой до начала тестирования. Испытуемый, прежде всего, заполняет соответствующие рубрики бланка регистрации результатов: фамилия, имя, отчество, возраст и т.д. Для того чтобы соблюсти время тестирования, необходимо строго следить за тем, чтобы до общей команды: «Приступить к выполнению теста» никто не открывал таблицы и не подсматривал. По истечении 20 минут подается команда, например: «Всем закрыть таблицы». О предназначении данного теста испытуемым можно сказать следующее: «Все наши исследования проводятся исключительно в научных целях, поэтому от вас требуются добросовестность, глубокая обдуманность, искренность и точность в ответах. Данный тест предназначен для уточнения логичности вашего мышления». После этого взять таблицу, открыть для показа всем 1-ю страницу и дать инструкцию.

По окончании работы испытуемого, психолог с помощью ключа подсчитывает количество правильных ответов, причём правильное решение каждого отдельного задания оценивается в 1 балл.

Подсчитывается общая сумма полученных баллов (испытуемый может получить высшую оценку – 60 баллов), а также число правильных решений в каждой из пяти серий.

Общая сумма баллов является показателем интеллектуальной способности испытуемого, выявляет его умение мыслить согласно определенному методу и системе мышления. По каждой серии имеется таблица ожидаемых (предполагаемых) результатов распределения решений.

Для изучения *самооценки участников буллинга* мы использовали:

«Мотивационно-самооценочный опросник» В. А. Зобкова, предназначенный для выявления ведущих компонентов личности, участвующих в психической регуляции деятельности и поведения: доминирующей мотивации и самооценки [29].

Хотя низкая самооценка характерна для жертв буллинга, а высокая – для булли, общая самооценка теряет предсказательную силу, если не учитывает степень ее неадекватности (заниженность или завышенность). Ключевыми предикторами роли в буллинге могут быть не только самооценка, но и стремление избежать оценки, которые вместе с мотивацией измеряются «мотивационно-самооценочным опросником».

Опросник был предложен В. А. Зобковым с целью выявления ведущих компонентов личности, участвующих в психической регуляции деятельности и поведения – в доминирующей мотивации (деловой коллективисткой или лично-престижной) и самооценке (адекватной, адекватно высокой, адекватно низкой, с тенденцией к завышению, с тенденцией к занижению, заниженной, завышенной, несформированной, несформированной с тенденцией к занижению, несформированной с тенденцией к завышению).

Методика состоит из 55 утверждений, характеризующих отношение человека к делу, к коллективу и себе. Респонденту предлагается три типа ответа: А) совершенно согласен; это качество у меня проявляется; Б) сомневаюсь в ответе; данное качество проявляется недостаточно четко; В) совершенно не согласен с этим; нет, это качество отсутствует.

Методика позволяет оценить:

Х 1 – показатель мотивационной направленности;

Х 2 – показатель занижения самооценки;

Х 3 – показатель завышения самооценки.

Кроме того, данная анкета позволяет оценить отношение учащихся к делу, к коллективу, к себе, стремление уйти от оценки, неуверенность в поведении, стремление к лидерству, самоуверенность в поведении, а также правдивость ответов (шкала лжи).

Относительный показатель по первому разделу анкеты указывает на развитие деловой коллективистской мотивации, адекватной самооценки; по второму разделу – на развитие лично-престижной мотивации, неадекватно заниженной самооценки; по третьему разделу – на развитие лично-престижной мотивации, неадекватно завышенной самооценки.

Х 1 выступает в качестве отражателя того предназначения личности, которое личность выполняет. Если $X1=67\pm3$, то личность направлена на дело, на коллектив, она адекватно представляет себя и свое окружение. Если значение по этому показателю ниже или выше указанных значений, то значит показатель (а значит и личность) испытывает влияние оценочных характеристик со стороны Х 2 и Х 3. Это означает, что респондент может адекватно себя представлять, но деловые и коллективистические качества проявляются на низком уровне, проявляется лично-престижная мотивация (при $X1<64$), либо респондент желает казаться в глазах окружающих лучше ($X1>70$).

Самооценка:

– адекватная, если $X2=[17-33]$ и $X3=[17-33]$;

- адекватная с тенденцией к занижению, если $X2=[34-45]$ и $X3=[17-33]$;
- адекватная с тенденцией к завышению, если $X2=[17-33]$ и $X3=[34-45]$;
- неадекватно заниженная, если $X2 \geq 46$ и $X3 < 46$;
- неадекватно завышенная, если $X3 \geq 46$ и $X2 < 46$;
- несформированная, если $X2 \approx X3 > 46$ (Если при этом $X2 >> X3$, то несформированная, с тенденцией к формированию заниженной самооценки, если же $X3 >> X2$, то несформированная с тенденцией к формированию завышенной самооценки);
- несформированная с тенденцией к адекватности или формированию завышенной или заниженной самооценки, если $33 < X2 \approx X3 \leq 46$ (Интервал активного формирования/перестройки личности. Самооценка способна в зависимости от влияния внешних условий уйти в зону завышения, занижения или остаться в зоне адекватности).

Для изучения *мотивационно-потребностных характеристик участников буллинга* мы использовали:

Методика для изучения мотивационных особенностей школьников И. М. Кондакова, предназначенная для изучения потребностных и мотивационных составляющих деятельности учащихся [39].

Данная методика является адаптацией одной из версий методик Д. Джексона «Форма по изучению личности» (PRF). Методики создавались Д. Джексоном на основе теории Г. Мюррея. В дополнение к уже описанным Г. Мюрреем потребностям Д. Джексон предлагал и многие другие виды потребностей или личностные характеристики. В этой версии методики Джексон отказался от некоторых показателей, и в результате, она диагностирует 14 потребностей. Методика адаптирована И. М. Кондаковым на выборке школьников и студентов (выборка состояла из мальчиков – 512

чел. и девочек – 522 чел. Кроме опросника «Форма по изучению личности» учащиеся заполняли также опросник профессиональных интересов М. Ирле). Она направлена на изучение мотивационных составляющих деятельности учащихся, а именно:

- Потребность в достижении (Ac);
- Аффилиация (Af);
- Агрессия (Ag);
- Доминантность (Do);
- Выдержка (Ep);
- Потребность привлекать к себе внимание (Ex);
- Избегание риска (Ha);
- Импульсивность (It);
- Готовность к помощи (Nil);
- Потребность в порядке (Or);
- Ориентация на игру (Pi);
- Потребность в социальном одобрении (Sr);
- Потребность в поддержке (Su);
- Общая заинтересованность (Un).

Методика состоит из 140 вопросов. При ответах на пункты опросника используется трехступенчатая шкала ответов:

«совершенно не соответствует» = 1 балл, «не знаю» = 2 балла, «полностью соответствует» = 3 балла.

Пункты шкал и основные статистики «Формы по изучению личности» [39]:

- шкала Ac. Собств. значение фактора=2,041; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,57;
- шкала Af. Собств. значение фактора=2,629; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,69;

- шкала Ag. Собств. значение фактора=2,275; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,62;
- шкала Do. Собств. значение фактора=1,897; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,53;
- шкала En. Собств. значение фактора=2,641; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,69;
- шкала Ex. Собств. значение фактора=2,092; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,58;
- шкала Ha. Собств. значение фактора=2,703; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,70;
- шкала Im. Собств. значение фактора=2,262; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,62;
- шкала Nu. Собств. значение фактора=2,350; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,64;
- шкала Or. Собств. значение фактора=2,898; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,73;
- шкала Pl. Собств. значение фактора=2,263; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,62;
- шкала Sr. Собств. значение фактора=2,402; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,57;
- шкала Su. Собств. значение фактора=2,170; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,60;
- шкала Un. Собств. значение фактора=1,649; q (тета–надежность фактора при однофакторном решении)=0,44.

Эмпирическое исследование личностных предикторов принятия роли в буллинг-структуре проводилось в несколько этапов. На первом этапе проводилась диагностика личностных характеристик участников буллинга и с помощью кластерного анализа, на основе данных о склонности испытуемых участвовать в буллинге, были определены роли в буллинг-структуре:

агрессоры (n=138) и жертвы (n=276). Для изучения склонности участвовать в буллинге использовался опросник роли жертвы и агрессора в ситуации буллинга Олвеуса (адаптация Е. В. Бушиной, А. М. Муминовой), позволяющий получить представление о частоте случаев виктимизации и проявления агрессии в ситуации буллинга.

На втором этапе с помощью множественного регрессионного анализа были построены предиктивные модели, отражающие вклад интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных, самооценочных компонент личности в предсказание склонности принимать роль жертвы или агрессора в ситуации буллинга.

2.2. Кластеризация участников буллинг-структуры соответственно занимаемым ролям

Опросник роли жертвы и агрессора в ситуации буллинга Олвеуса (адаптация Е. В. Бушиной., А. М. Муминовой) позволил нам оценить степень виктимизации и агрессии участников буллинга (n=935) в ситуации буллинга. Выборку составили подростки в возрасте 10-15 лет, учащиеся школ МБОУ СОШ №1, МБОУ СОШ №40, МАОУ «Гимназия №73», МАОУ «Гимназия №3» г. Владимира.

Авторы методики предлагают рассматривать респондентов, сообщающих об опыте виктимизации или агрессии более чем несколько раз в месяц, как жертв или агрессоров в ситуации травли. Таким образом, в финальную выборку исследования вошли лишь подростки, систематически участвующие в буллинге (опыт виктимизации и агрессии 2-3 раза в месяц или чаще; n=414).

Следует отметить, что построение предиктивных моделей на общей выборке (n=414) привело нас к ряду проблемных вопросов:

- Одновременное присутствие в выборке виктимизированных и агрессивных участников буллинга, жертв и обидчиков искажает в силу

эффекта эмерджентности (парадокса Симпсона) результаты регрессии, что, в свою очередь, лишает полученные модели предиктивного смысла и затрудняет процесс интерпретации данных. Вышесказанное потребовало от нас выделения актуальной роли в буллинге каждого респондента;

- Выделение роли агрессора или жертвы буллинга на основе отчета классных руководителей и старост сопряжено с принятием предположения о полной безошибочности оценки классными руководителями ситуации с буллингом в школе и отказом учитывать респондентов, демонстрирующих высокую степень виктимизации или агрессии, но не отмеченных как «жертвы» или «агрессоры»;

- Выделение роли агрессора или жертвы в ситуации буллинга по принципу «богатства опыта» виктимизации и агрессии затруднено или вовсе невозможно в тех случаях, когда результаты самоотчета респондента указывают на примерно равную степень виктимизированности и агрессивности в буллинге.

Вышесказанное предопределило выбор нами иерархического кластерного анализа для выявления роли жертвы и обидчика в ситуации буллинга.

В основу классификации легли переменные «виктимизация» и «агрессия» в ситуации буллинга (метод Варда, корреляция Пирсона, диапазон возможных решений от 2 до 4). Нами было выделено два кластера, соответствующие роли агрессора ($n=138$) и жертвы ($n=276$) в ситуации буллинга, кластеризованным наблюдениям (респонденты) была присвоена роль (рис. 2).

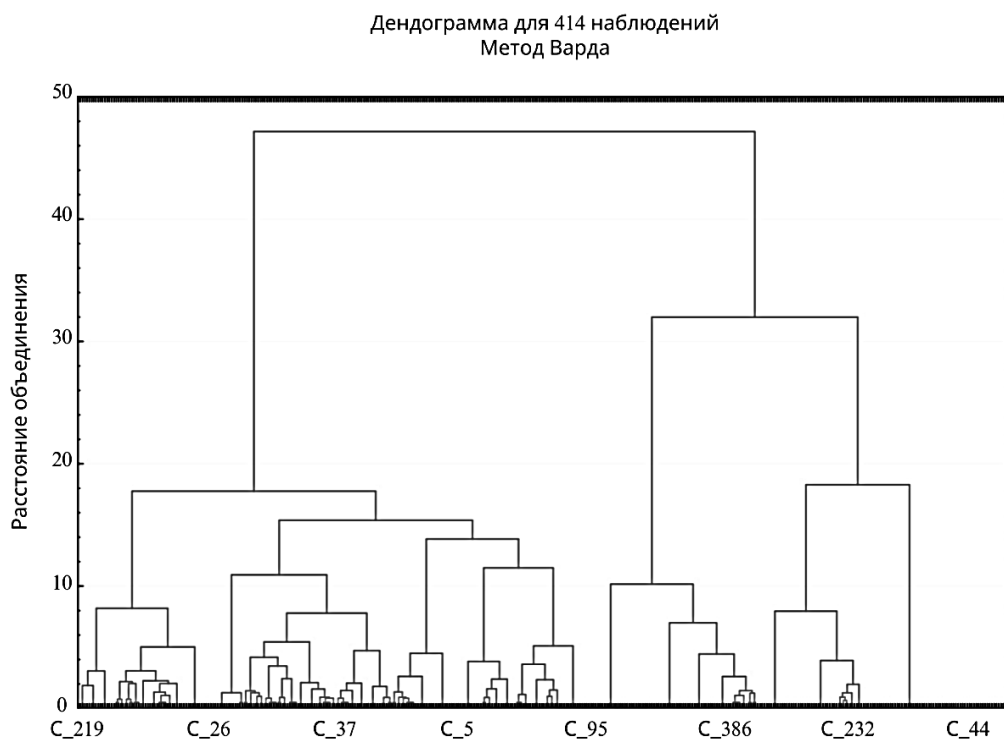

Рис. 2. Дендограмма кластерного анализа (роль жертвы и обидчика в буллинг-структуре)

Заслуживает внимание несколько аспектов:

- из всех опрошенных активное участие в буллинге в роли жертвы или обидчика принимает не более 45% респондентов;
- участников буллинга, занимающих роль жертвы, в два раза больше, чем обидчиков;
- для обидчиков не характерна виктимизация, в то время как жертвы могут демонстрировать высокие показатели агрессии в ситуации буллинга.

Дальнейшая работа сосредоточилась на выявлении психологических предикторов, предсказывающих виктимизацию жертв и агрессию обидчиков, а также актуальную роль в ситуации буллинга (с построением типологии жертв и обидчиков).

2.3. Личностные предикторы виктимизации и агрессии участников буллинг-структуры

Индивидуально-типологические предикторы виктимизации участников буллинга

В ходе применения множественной линейной регрессии с попеременным включением предикторов была получена модель, отражающая вклад индивидуально-типологических предикторов в виктимизацию участников буллинга (таблица 4).

Таблица 4

Итоговые данные статистики (индивидуально-типологические предикторы
виктимизации)

Статистика	Значение
Множественный R	0,850
R-квадрат	0,723
Нормированный R-квадрат	0,716
Стандартная ошибка оценки	5,204
F	99,995
Значимость F	0,000

Из 10 показателей в финальную модель было включено 7 предикторов: демонстративность, застревание, педантичность, возбудимость, дистимность, тревожность, циклотимность (таблица 5). Остатки регрессионной модели распределены нормально ($W=0,99$; $p=0,93$).

Таблица 5

Индивидуально-типологические предикторы виктимизации участников
буллинга

N=276	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			5,556	1,872	2,967	0,0033
Демонстративность	0,148	0,043	0,275	0,079	3,451	0,0006

Застревание	-0,210	0,041	-0,419	0,083	-5,069	0,0000
Педантичность	0,158	0,043	0,292	0,080	3,639	0,0003
Возбудимость	-0,206	0,040	-0,355	0,069	-5,114	0,0000
Дистимность	0,165	0,043	0,305	0,079	3,823	0,0002
Тревожность	0,192	0,042	0,319	0,069	4,569	0,0000
Циклотимность	0,126	0,042	0,223	0,074	3,018	0,0028

Полученная предикторная модель показывает, что демонстративность ($Beta=0,148$; $SE(b)=0,043$; $\beta=0,275$; $SE(\beta)=0,079$; $t=3,451$; $p=0,0006$) вносит положительный вклад в виктимизацию участников буллинга. Это позволяет сделать вывод о том, что люди, склонные быть в центре внимания, чаще становятся жертвами буллинга: хвастовство, необычные увлечения, экстравагантные наряды могут вызвать агрессивную реакцию буллы с целью «поставить на свое место» зарвавшегося, по их мнению, товарища, вызывающего раздражение самоуверенностью и высоким уровнем притязаний.

Смеем предположить, что жертвы зачастую сами провоцируют конфликты с обидчиками в силу развитого авантюризма и слабо развитого этического комплекса. Лицемерие и интриганство, попытки манипуляций сталкиваются с жестким сопротивлением со стороны буллы, привыкших добиваться своего запугиванием и грубой силой.

Положительный вклад в виктимизацию вносит и такое качество, как педантичность ($Beta=0,158$; $SE(b)=0,043$; $\beta=0,292$; $SE(\beta)=0,080$; $t=3,639$; $p=0,0003$). Это позволяет охарактеризовать жертв буллинга как людей, придающих большое значение внешней стороне дела и мелочам, стремящихся постоянно контролировать ситуацию, подчинять своей воле жизненные обстоятельства. Можно предположить, что конфликт педантичных людей с буллы возникает в том случае, когда педанты требуют такой же скрупулезности в делах, учебе от всех окружающих. В глазах буллы такие люди предстают в образе «заучки»: они усидчивы, аккуратны, не курят и не употребляют алкоголь, словно провоцируют буллы нарочитой

правильностью и формализмом. Ответом на такие попытки «научить жизни» становится физическая или косвенная агрессия.

Дистимность ($Beta=0,165$; $SE(b)=0,043$; $\beta=0,305$; $SE(\beta)=0,079$; $t=3,823$; $p=0,0002$) и тревожность ($Beta=0,192$; $SE(b)=0,042$; $\beta=0,319$; $SE(\beta)=0,069$; $t=4,569$; $p=0,0000$) вносят положительный вклад в виктимизацию. Это характеризует жертв буллинга как людей ранимых, замкнутых, пессимистичных, робких и нерешительных. Такие люди, во-первых, не стремятся поддерживать группу, класс, во-вторых, не могут дать отпор обидчикам, предпочитают вербальную непрямую агрессию. Все эти факторы делают их идеальными «кандидатами» в жертвы буллинга.

Положительный вклад циклотимности в виктимизацию ($Beta=0,126$; $SE(b)=0,042$; $\beta=0,223$; $SE(\beta)=0,074$; $t=3,018$; $p=0,0028$) указывает на наличие периодической смены общего фона настроения и активности. Одной из самых сильных стрессогенных ситуаций для таких людей является необходимость менять круг общения, что во многом обуславливает частое возникновение буллинга при переводе в новый класс, новую школу. Сочетание дистимности и циклотимности может свидетельствовать о неудовлетворенности своим нынешним состоянием, стремлении покинуть буллинг-структуру, переломить ситуацию. Это во многом характерно для людей, недавно занявших роль жертвы. Сочетание тревожности и циклотимности так же свидетельствует о подготовке к борьбе, но в данном случае речь может идти о длительных эпизодах буллинга: жертва уже исчерпала почти все свои ресурсы и готовится дать отпор обидчикам.

Педантичность, дистимность и тревожность в совокупности обуславливают возникновение депрессии, страха смерти, ощущения беспомощности, неврозов, проблем с артикуляцией, усугубляющих и без того непростую жизненную ситуацию жертв буллинга. Сочетание демонстративности и тревожности может свидетельствовать о безрезультатных попытках обратиться за помощью, привлечь внимание к страшной жизненной ситуации.

Отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга вносит застревание ($\text{Beta}=-0,210$; $\text{SE}(b)=0,041$; $\beta=-0,419$; $\text{SE}(\beta)=0,083$; $t=-5,069$; $p=0,0000$), что позволяет рассмотреть эту акцентуацию в качестве личностного протектора. Целеустремленные, настойчивые, упорные и честлюбивые люди реже становятся жертвами буллинга. Их консерватизм и стремление к традиционализму во многом способны обусловить тягу к роли булли: необходимо исправить тех, кто угрожает стабильности системы, может изменить устоявшийся порядок вещей. Даже с помощью физической силы, если того требуют обстоятельства.

Стоит отметить, что сочетание низких показателей застревания и высокой тревожности и циклотимности может свидетельствовать о том, что ситуация буллинга рассматривается жертвами как временная неприятность. Они верят – пора насмешек, издевательств, унижений пройдет, «наступит новый светлый день».

Возбудимость вносит отрицательный вклад в виктимизацию ($\text{Beta}=-0,206$; $\text{SE}(b)=0,040$; $\beta=-0,355$; $\text{SE}(\beta)=0,069$; $t=-5,114$; $p=0,0000$), что в сочетании с застреванием может быть крайне опасным – в поведении личностей с таким сочетанием черт характера встречаются случаи насилия. Это говорит о том, что импульсивные, раздражительные и резкие люди реже становятся жертвами буллинга. Такие люди рано начинают половую жизнь, увлекаются спортом, склонны к употреблению алкоголя, конфликтны, что во многом соответствует личностной картине архетипического булли [73].

Таким образом, для виктимизированных участников буллинга характерны демонстративность, педантичность, дистимность, тревожность, циклотимность при низких показателях застревания и возбудимости, что характеризует жертв буллинга как людей артистичных, с дружелюбной манерой общения, требовательных к себе и другим, независимых в суждениях, рассудительных, неконфликтных, но вместе с тем замкнутых, неуверенных, стремящихся избежать высокой ответственности, склонных переоценивать свои возможности, испытывающих трудности в адаптации к

новым условиям, неумеющих дать отпор, придирчивых. Стрессогенными ситуациями для жертв буллинга могут выступать: недооценка их заслуг, вторжение во внутренний мир, несправедливые обвинения и насмешки, эмоциональное отвержение со стороны значимых лиц, необходимость общаться с большим количеством незнакомых людей. Типичными стратегиями, применяемыми жертвами для выхода из буллинг-структуры, являются: смена деятельности (места работы, школы, секции), уход в болезнь, рационализация (применение этой стратегии укореняет представление о жертвах как интеллектуалах, в то время как рационализация является не естественной особенностью личности жертвы, а отчаянной попыткой психики совладать с агрессивным внешним давлением, создающей эффект «уминачания» жертвы перед обидчиками).

Индивидуально-типологические предикторы агрессии участников буллинга (таблица 6, таблица 7)

Таблица 6

Итоговые данные статистики (индивидуально-типологические предикторы агрессии)

Статистика	Значение
Множественный R	0,770
R-квадрат	0,593
Нормированный R-квадрат	0,577
Стандартная ошибка оценки	8,399
F	38,425
Значимость F	0,000

Таблица 7

Индивидуально-типологические предикторы агрессии участников буллинга

N=138	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			44,469	2,176	20,440	0,000
Педантичность	0,159	0,079	0,376	0,186	2,025	0,045
Гипертимность	-0,158	0,060	-0,342	0,129	-2,647	0,009
Дистимность	-0,212	0,070	-0,506	0,168	-3,002	0,003
Эмотивность	-0,373	0,081	-0,733	0,159	-4,622	0,000
Циклотимность	-0,388	0,085	-0,778	0,171	-4,545	0,000

Предиктивная модель показывает значимое влияние педантичности на агрессию участников буллинга ($Beta=0,159$; $SE(b)=0,079$; $\beta=0,376$; $SE(\beta)=0,186$; $t=2,025$; $p=0,045$). Обидчиков отличает ригидность, инертность психических процессов, психастеничность, преувеличенная приверженность к определенному порядку.

Гипертимность демонстрирует отрицательный вклад в агрессию участников буллинга ($Beta=-0,158$; $SE(b)=0,060$; $\beta=-0,342$; $SE(\beta)=0,129$; $t=-2,647$; $p=0,0009$). Склонность булли воспринимать мир в мрачных, серых тонах, детерминирует возникновение агрессии по отношению к этому миру, стремления наказать сверстников за их слабость, под которой понимаются оптимизм, беззаботность, разговорчивость, поверхностность интересов, неразборчивость в выборе знакомств, суетливость, разбросанность в мыслях и делах, необдуманность высказываний, нарушение этических норм, отсутствие самокритики.

Булли пессимистичны (но не депрессивны), не проявляют интерес к интеллектуальной деятельности (хотя обладают высокими интеллектуальными способностями), мнительны и склонны к зависимому, девиантному поведению. Мы обнаружили, что булли объединяются в

своеобразные пары, в которых один из обидчиков является организатором-интеллектуалом, разрабатывающим дизайн будущей травли, но не участвующим в ее непосредственной реализации. Организатор удовлетворяется наблюдением за травлей со стороны, раздачей команд, контролем за стабильностью буллинг-структуры и, периодически, нарочито вежливым, но при этом ироничным или даже язвительным общением с жертвой (такое общение позволяет дополнительно оценить перспективность дальнейшей травли, внешне доброжелательное со стороны булли общение позволяет оценить личность и поведение жертвы, наличие или отсутствие травм, которые могут вызвать неудобные вопросы у взрослых, и т.д.).

«Реализатор» же травли выполняет всю «грязную работу»: избивает, унижает, запугивает («последователь буллера» по типологии Д. Олвеуса). Именно «реализаторы» («последователи») буллинга склонны подчинять собственные интересы интересам другой личности (организатора травли) или группы (отметим, что согласно исследованиям О. Л. Глазман, в некоторых случаях организатор может замещать для реализатора фигуру отца). При этом «реализаторы», как и «организаторы», обладают высокими интеллектуальными способностями, но не применяют их в учебной или творческой деятельности, а лишь используют сам факт наличия ума как повод для насилия над менее умными сверстниками.

Несмотря на объективно наблюдающееся разделение булли на организаторов и реализаторов, рамки конкретного исследования предполагают анализ психологических предикторов только для двух устойчивых ролей в рамках буллинг-структуры: жертв и обидчиков. Дальнейшая кластеризация роли обидчика на организаторов и реализаторов является перспективным направлением, которое будет реализовано нами в дальнейших работах.

Также отметим, не ставя целью глубокое изучение половой специфики буллинга, что непреодолимая подчиненность собственных интересов интересам другой личности во многом характерна для девочек-агрессоров.

Реальные или мнимые угрозы для стабильности отношений девочки и ее молодого человека (или человека, за чье внимание она борется) могут вызывать приступы женской ревности, приводящие к попытке жестоко унизить «соперницу» путем избиения или распространения грязных слухов. Со временем нападки становятся систематическими, и соперница становится новой жертвой буллинга, к травле которой подключаются и другие люди. При этом девушка, инициировавшая буллинг, демонстрирует маниакальную заикленность на молодом человеке, который постепенно трансформируется из субъекта интимно-личностного общения в некую общую сверхценную идею, объект, повод для продолжения травли.

Циклотимность вносит отрицательный вклад в агрессию участников буллинга ($Beta = -0,388$; $SE(b) = 0,085$; $\beta = -0,778$; $SE(\beta) = 0,171$; $t = -4,545$; $p = 0,000$). Для булли не характерна смена настроения и активности. Они отрицают или блокируют проявления колебания настроения, изменения активности, склонны описывать свое поведение как устойчивое, стабильное, независимое от внешних обстоятельств. И напротив, люди, проявляющие данные качества, становятся «мишенью» для булли, которые, руководствуясь псевдоальтруистическими соображениями, пытаются словом и кулаком «корректировать» поведенческую и эмоциональную нестабильность жертв. В устойчивых буллинг-структурах такое насилие, призванное «помочь» жертве, булли зачастую именуют «школой жизни», которую необходимо пройти, чтобы в будущем «твердо стоять на ногах».

Сочетание низких показателей по шкалам «циклотимность» и «гипертимность» может свидетельствовать о нежелании агрессоров менять имеющуюся ситуацию. Агрессоров устраивает выпавшая им роль, они не хотят ничего пересматривать, сопротивляются попыткам изменить конфигурацию буллинг-структуры (в отличие от жертв, мечтающих о переменах и предпринимающих безуспешные попытки переломить ситуацию).

Эмотивность вносит отрицательный вклад в агрессию участников буллинга ($Beta=-0,373$; $SE(b)=0,081$; $\beta=-0,733$; $SE(\beta)=0,159$; $t=-4,622$; $p=0,000$). Для булли не характерны: глубина чувств, отзывчивость, гуманное отношение к миру, мягкость, душевная теплота, жалость, сострадание, искренность, ранимость, способность к сопереживанию, альтруизм. Булли практически не плачут, при этом проявляют грубость и бесчувственность по отношению к другим людям, отрицают или блокируют чувство сострадания, склонны к социальному паразитизму (согласно типологии девиантного поведения Ю. А. Клейберга [34]): побегам из дома, систематическим пропускам в школе, лжи, использованию ненормативной лексики, вымогательствам, т.е. демонстрируют поведенческий репертуар психопатической личности.

Дистимность демонстрирует отрицательный вклад в агрессию участников буллинга ($Beta=-0,212$; $SE(b)=0,070$; $\beta=-0,506$; $SE(\beta)=0,168$; $t=-3,002$; $p=0,003$). Булли не отличаются замкнутостью, робостью, нерешительностью или инертностью. Они в меру разговорчивы, демонстрируют разумный пессимизм. Смеем предположить, что некоторые участники буллинг-структуры используют агрессию как инструмент защиты от депрессивных состояний и негативных эмоций, как способ контролировать свои настроения и чувства. Стоит отметить, что одновременно низкие показатели гипертимности, циклотимности и дистимности могут свидетельствовать о расслабленности обидчиков, склонности к уклонению от учебной деятельности («прогулам»), любви к непродуктивному, пассивному отдыху. Булли не реализуют свой потенциал (в том числе интеллектуальный) и идут по пути наименьшего сопротивления (этим принципом руководствуются в том числе и при выборе жертвы, детерминируя появление конкретных индивидуально-типологических особенностей в выборках виктимизированных участников буллинга: тревожности, циклотимности, дистимности и пр.).

Таким образом, для обидчиков в ситуации буллинга характерны педантичность при низких гипертимности, дистимности, эмотивности и циклотимности, что характеризует их как людей требовательных, следующих нормам, зависимых от мнений и оценок окружающих, склонных к соперничеству, не отзывчивых, не критичных по отношению к себе, грубых, черствых, склонных к асоциальному поведению, равнодушных к эмоциональному состоянию других, при этом испытывающих трудности с формированием этических ценностей и теплых эмоциональных связей (что в совокупности со стремлением обидчика следовать нормам и зависимости от мнения окружающих порождает склонность булли следовать принципам «любой ценой» и «цель оправдывает средства», когда следование нормам и даже навязывание норм сочетается с игнорированием этических и нравственных запретов). Фрустрационные состояния обидчиков могут провоцироваться недооценкой их заслуг, повышенной нагрузкой, необходимостью принимать решение в условиях ограничений во времени.

Диспозиционные предикторы виктимизации участников буллинга (таблица 8, таблица 9)

Таблица 8

Итоговые данные статистики (диспозиционные предикторы виктимизации)

Статистика	Значение
Множественный R	0,895
R-квадрат	0,801
Нормированный R-квадрат	0,797
Стандартная ошибка оценки	4,400
F	180,817
Значимость F	0,000

Таблица 9

Диспозиционные предикторы виктимизации участников буллинга

N=276	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	В	Стандартная ошибка (В)	t-статистика	P-значение
Константа			-0,647	1,186	-0,546	0,586
Осторожность- легкомыслие	-0,112	0,031	-0,391	0,107	-3,664	0,000
Нормативность	0,270	0,042	0,587	0,092	6,399	0,000
Неврастения	0,163	0,054	0,356	0,117	3,034	0,003
Флегматичность- возбудимость	0,241	0,050	0,516	0,106	4,861	0,000
Самоуверенность- склонность к чувству вины	0,118	0,047	0,265	0,106	2,499	0,013
Групповая зависимость	0,162	0,047	0,367	0,107	3,434	0,001

Первичный фактор «осторожность-легкомыслие» вносит отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга, что характеризует жертв буллинга как людей молчаливых, осторожных, мрачных, склонных к субдепрессиям ($Beta = -0,112$; $SE(b) = 0,031$; $\beta = -0,391$; $SE(\beta) = 0,107$; $t = -3,664$; $p = 0,000$). Осторожность и пессимистичность, характерные для жертв, мы рассматриваем как реакцию на травлю – человек старается избежать новых эпизодов травли, сознательно уклоняясь от взаимодействия со сверстниками, ограничивая круг общения, что, тем не менее, зачастую приводит лишь к обратному эффекту: молчаливый, мрачный человек вызывает неприязнь со стороны сверстников и желание «проверить его на прочность».

Целесообразно отметить, что с возрастом проявления импульсивности и беспечности постепенно снижаются. Это позволяет сделать вывод о большей эмоциональной зрелости жертв буллинга по сравнению с другими сверстниками, что, безусловно, может становиться значительным

«раздражающим» обидчиков фактором ($U=11268,5$; $Z=-6,77$; $p=0,000$; жертвы: $n=276$; $M=6,3$; $SD=0,7$; обидчики: $n=138$; $M=10,2$; $SD=0,8$).

Фактор «степень принятия моральных норм» вносит положительный вклад в виктимизацию. Жертвы буллинга сознательны, обязательны, настойчивы, требовательны к себе, ответственные, педантичны, но при этом не легки в общении. Такие люди могут становиться жертвами буллинга при попадании в незнакомое общество, незнакомую культуру (что особенно ярко проявляется в случаях переезда жертвы в другую страну).

Люди, воспитывающиеся в семье с высокими моральными нормами, обычно больше склонны к эмпатии, состраданию и уважению к другим людям, следовательно, они реже демонстрируют агрессию по отношению к сверстникам. И напротив, люди, не уважающие моральные нормы, могут провоцировать буллинг или участвовать в нем в роли обидчика, создавая ситуацию, в которой другие люди, обычно следующие моральным нормам, становятся жертвами травли, что подтверждается, в том числе, полученной нами предиктивной моделью социального интеллекта.

Вместе с тем, положительный вклад степени принятия моральных норм в виктимизацию участников буллинга может обуславливаться случаями, когда «интеллектуалы», гибко относящиеся к социальным и культурным традициям, прибегают к буллингу с целью прекратить упреки со стороны жертвы по отношению к поведению или внешнему виду сверстников, попытки интегрировать в социальную группу новые морально-нравственные законы (например, при настойчивом требовании жертвы прекратить использование обценной лексики).

Фактор Гамлета («флегматичность-возбудимость») ($Beta=241$; $SE(b)=0,050$; $\beta=0,516$; $SE(\beta)=0,106$; $t=4,861$; $p=0,000$) и фактор «степень групповой зависимости» ($Beta=0,162$; $SE(b)=0,047$; $\beta=0,367$; $SE(\beta)=0,107$; $t=3,434$; $p=0,001$) вносят положительный вклад в виктимизацию участников буллинга. Наиболее яркие характеристики, общие для трех факторов, – это требовательность, привередливость, склонность навязывать свое мнение

другим, не считаясь при этом с общественным мнением. Требовательные участники буллинг-структуры демонстрируют сильные эмоциональные реакции (что демонстрирует полученная нами эмоциональная предиктивная модель) на неприемлемое поведение других, вызывая ответную агрессивную реакцию со стороны буллы. Такие люди могут стать объектом насмешек и издевательств из-за склонности к чрезмерному контролю и высоких требований к себе и окружающим, а их эмоциональная реакция стимулирует агрессоров продолжать травлю. Следует отметить, что привередливые и осторожные дети обычно имеют меньшую социальную поддержку со стороны сверстников, что усиливает их уязвимость перед обидчиками.

Склонность к чувству вины вносит положительный вклад в виктимизацию участников буллинга (аналогично полученной нами модели эмоциональных предикторов виктимизации). Жертвы буллинга депрессивны, им свойственны мрачные предчувствия, беспокойство, ощущение оторванности от социальных процессов. Это может быть связано со склонностью жертв буллинга принимать на себя вину за поведение обидчика: «я сам виноват, что меня травят». Вместе с тем, чувство вины и стыда может подавлять желание виктимизированных участников буллинг-структуры просить о помощи, заставляя изо дня в день возвращаться к обидчикам и терпеть новые унижения.

Таким образом, для жертв буллинга характерны: осторожность, рассудительность в выборе партнера по общению, неторопливость, пессимистичность, сдержанность в проявлении эмоций, склонность к морализированию, развитое чувство долга, ранимость, ипохондричность, стремление иметь собственное мнение, склонность противопоставлять себя группе, требовательность, склонность испытывать чувство вины.

Диспозиционные предикторы агрессии участников буллинга (таблица 10, таблица 11)

Таблица 10

Итоговые данные статистики (диспозиционные предикторы агрессии)

Статистика	Значение
Множественный R	0,767
R-квадрат	0,589
Нормированный R-квадрат	0,580
Стандартная ошибка оценки	8,377
F	63,947
Значимость F	0,000

Таблица 11

Диспозиционные предикторы агрессии участников буллинга

N=138	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			10,091	3,535	2,854	0,005
Эмоциональная устойчивость	0,2362	0,0972	0,558	0,230	2,431	0,016
Осторожность- легкомыслие	0,4418	0,1017	1,077	0,248	4,346	0,000
Групповая зависимость	-0,1625	0,0747	-0,664	0,305	-2,177	0,031

Первичный фактор «осторожность-легкомыслие» вносит положительный вклад в агрессию участников буллинга, что характеризует обидчиков в ситуации буллинга как людей безалаберных, импульсивных, разговорчивых. Фактор «легкомыслие» отрицательно коррелирует с фактором «степени принятия групповых норм», что во многом объясняет влияние осторожности и степени принятия групповых норм на виктимизацию и влияние легкомыслия на агрессию ($Beta=0,4418$; $SE(b)=0,1017$; $\beta=1,077$; $SE(\beta)=0,248$; $t=4,346$; $p=0,000$). Импульсивные люди несерьезно относятся к своим действиям и хуже ориентируются в ситуациях социального

взаимодействия, их эмпатия и сочувствие к потенциальным жертвам снижены, а способности к управлению собственными эмоциями развиты слабо или вовсе отсутствуют: «нам же просто весело!».

Вместе с тем, фактор «степень эмоциональной устойчивости» вносит положительный вклад в агрессию участников буллинга ($Beta=0,2362$; $SE(b)=0,0972$; $\beta=0,558$; $SE(\beta)=0,230$; $t=2,431$; $p=0,016$). Обидчиков характеризует реалистическое отношение к жизни, гибкость поведения в стрессовых ситуациях, стремление к лидерству. Сочетание в картине личности обидчика импульсивности, безалаберности и эмоциональной устойчивости может быть объяснено необходимостью вовремя остановиться, не переступать черту, не совершать таких действий, которые неизбежно привлекут внимание взрослых к буллингу. Одновременно с этим эмоциональная устойчивость не позволяет обидчику совершить переход к роли жертвы, т.е. выступает в качестве протектора – обидчики обладают слабым социальным интеллектом, но зато, по их мнению, они «твердо стоят на ногах» и способны дать отпор при необходимости.

Следует отметить, что люди с высокой эмоциональной устойчивостью менее зависимы от «позитивного» отношения и способны привлекать к себе внимание всеми доступными способами (комплекс Герострата), особенно в тех случаях, когда эмоциональная устойчивость имеет реактивную природу – человек, переживший негативный опыт, начинает проявлять агрессивное поведение по отношению к сверстникам, провоцирует их, демонстрируя собственную неуязвимость и оценивая грани дозволенного: «Я вывел тебя из равновесия, потому что это «пранк», а не потому что мне не хватает внимания; это просто шутка».

Степень групповой зависимости вносит отрицательный вклад в агрессию участников буллинга. Обидчики предпочитают принимать решения вместе с коллективом, любят восхищение. Нередки случаи, когда группа сверстников ценит и поощряет агрессивное поведение, товарищи становятся обидчиками, чтобы поддержать свою позицию в такой группе, ощутить

социальное принятие. Это наиболее полезная для них функция буллинг-структуры, позволяющая вполне порядочному человеку временно влиться в устойчивый коллектив булли с целью повышения социального статуса. Зачастую это приводит к разрушению дружеских связей, когда один человек по своим психологическим параметрам подходит для роли булли, а другой – нет. Как итог – издевательство над человеком, который еще несколько дней назад считал агрессора своим лучшим другом.

Таким образом, для обидчиков в ситуации буллинга характерны: импульсивность, эмоциональная значимость социальных контактов, склонность к лидерству, устойчивость в интересах, социабельность, ориентация на социальное одобрение.

Эмоциональные предикторы виктимизации участников буллинга (таблица 12, таблица 13)

Мы обнаружили наличие статистически значимой положительной взаимосвязи виктимизации и личностной тревожности ($r=0,45$; $p\leq 0,05$), ситуативной тревожности ($r=0,39$; $p\leq 0,01$), обиды ($r=0,64$; $p\leq 0,05$), враждебности ($r=0,61$; $p\leq 0,05$). Отсутствие в профиле склонной к виктимизации личности тенденции применять вербальную агрессию (статистически значимая корреляция виктимизации и склонности к вербальной агрессии не обнаружена: $r=0,09$) с одновременным присутствием враждебности может быть объяснено либо влиянием самого факта виктимизации или травли на возникновение враждебных настроений у человека, склонного быть жертвой, либо реактивным характером этой корреляции: враждебность провоцирует других на осуществление издевательств, что может обуславливаться либо псевдоальтруистическими целями группы (травить товарища с надеждой, что он «исправится», перестанет быть враждебным), либо удобством складывающейся позиции (любое насилие можно оправдать фразой «он первый начал быть враждебным»).

Это наталкивает на мысль о том, что человеку в его социальной среде не всегда плохо быть вербально агрессивным (особенно если речь идет о вероятности стать жертвой травли), порой такое поведение даже приветствуется. Если рассматривать результаты исследования под этим углом, то неизбежно возникает ряд вопросов:

1. Нужно ли быть агрессивным, чтобы избежать буллинга?
2. Достаточно ли формальной демонстрации вербальной агрессии, чтобы агрессия выступила в качестве личностного протектора?

Обращает на себя внимание и тот факт, что агрессивность и враждебность как таковые, равно как физическая агрессия, обладают слабой способностью предсказывать виктимизацию участников буллинга. Это позволяет сделать вывод о том, что виктимизированные участники буллинга не склонны к агрессии, но порой готовы ее проявлять, что может быть объяснено, во-первых, долгим периодом накопления негативных переживаний, во-вторых, механистическим или репродуктивным характером вербальной агрессии (участник буллинга формально демонстрирует вербальную агрессию либо с целью защититься от возможных нападков, либо под влиянием конформистских тенденций: все ругаются, и я ругаюсь. В обоих случаях участник травли как бы имитирует поведение булли, которые чаще всего прибегают именно к вербальному насилию, показывает, что он «свой»).

Отрицательный вклад вербальной агрессии в виктимизацию может быть объяснен и тем фактом, что вербально агрессивный человек может доставить много неприятностей угнетателям, отчего становится менее «перспективной» жертвой. Вербальная агрессия способна выражаться не только в проклятиях и угрозах, которые сами по себе могут доставить булли дискомфорт, но и в криках, визгах, способных привлечь внимание других, что в долгосрочной перспективе поставит под угрозу существование буллинг-структуры и наличие в ней конкретных участников с устоявшимися ролями.

Таблица 12

Итоговые данные статистики (эмоциональные предикторы виктимизации)

Статистика	Значение
Множественный R	0,941
R-квадрат	0,885
Нормированный R-квадрат	0,882
Стандартная ошибка оценки	3,349
F	344,814
Значимость F	0,000

Таблица 13

Эмоциональные предикторы виктимизации участников буллинга

N=276	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			5,558	0,801	6,943	0,000
Личностная тревожность	0,141	0,023	0,105	0,017	6,183	0,000
Косвенная агрессия	1,233	0,431	0,416	0,145	2,859	0,005
Раздражение	1,059	0,405	0,357	0,136	2,616	0,009
Обида	0,338	0,081	0,480	0,115	4,187	0,000
Негативизм	-1,257	0,395	-0,421	0,132	-3,181	0,002
Чувство вины	-0,524	0,081	-0,721	0,111	-6,497	0,000

Полученная предикторная модель демонстрирует положительный вклад личностной тревожности в виктимизацию участников буллинга ($Beta=0,141$; $SE(b)=0,023$; $\beta=0,105$; $SE(\beta)=0,017$; $t=6,183$; $p=0,000$). Это позволяет сделать вывод о наличии у жертв буллинга тенденции воспринимать спектральное многообразие жизненных ситуаций как угрожающие, реагировать на такие ситуации состоянием тревоги.

Отметим, что личностная тревожность может выступать как следствием буллинга, так и его причиной. Так, люди, которые часто становятся жертвами буллинга, могут испытывать повышенный уровень тревожности из-за постоянного ощущения уязвимости и беспомощности перед агрессорами.

Они испытывают непрекращающееся чувство грозящей опасности, способное сковывать жертву буллинга в социальном взаимодействии, заставляющее анализировать каждый свой шаг на предмет того, не станет ли в скором времени поведение, неловкий жест или случайно произнесенная фраза неприятной дискредитирующей байкой. Это ощущение может приводить к появлению негативных мыслей и эмоций, таких как страх, беспокойство и неуверенность, что в свою очередь увеличивает уровень личностной (невротической) тревожности.

С другой стороны, люди, которые имеют более высокий уровень личностной тревожности, могут привлекать больше внимания агрессивных сверстников и становиться уязвимыми для их атак. В результате, они чаще становятся жертвами буллинга, что дополнительно усиливает их уровень тревожности.

Следует отметить кратное увеличение вклада обиды ($\beta=0,48$) и раздражения ($\beta=0,36$) в предсказание виктимизации при добавлении в модель переменной «личностная тревожность». Это может говорить о том, что обида и раздражение как эмоции, обусловленные чувством горечи, гнева за реальные или мнимые страдания, во многом характерны личностям, тревожность которых носит конституциональный, невротический характер и детерминирует склонность оценивать спектральное многообразие жизненных ситуаций как опасные для самооценки и самоуважения и реагировать на них негативно.

Продолжая рассуждения С. А. Завражина [24, 25], отметим, что обида может рассматриваться как реакция на несправедливое отношение к себе со стороны другого (в рамках нашего исследования – буллинга), вызывающая неравновесное психическое состояние (отверженность, покинутость, униженность, негодование, жалость к себе, злость, агрессивность и др.), что во много объясняет появление в полученной нами предикторной модели эмерджентной триады «обида», «личностная тревожность», «раздражение».

Косвенная агрессия ($\beta=0,42$) так же вносит положительный вклад в виктимизацию участников буллинга, что свидетельствует не столько об агрессивности жертв буллинга, сколько о безвыходности ситуации, в которую они попали: на жертв оказывается настолько сильное давление, что все остальные формы травли находятся под своеобразным запретом. Жертва боится применить физическую или вербальную агрессию из-за страха за свою жизнь.

В результате жертва прибегает к косвенной агрессии: распространяет сплетни о своих обидчиках или подстрекает других участников буллинг-структуры к действиям против буллы. Создается ситуация, когда жертва начинает использовать буллинг для противодействия буллингу. Стоит отметить, что подобное поведение жертвы способно реактивно детерминировать еще большую травлю в ее сторону, человека попросят «отчитаться» за распространение слухов.

Отрицательный вклад в виктимизацию вносит негативизм ($\beta=-0,42$), что позволяет рассмотреть его в качестве эмоционального протектора. Негативизм выражается в оппозиционной манере поведения от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов. В рамках нашей научной проблематики такой устоявшейся системой предстает буллинг-структура. Таким образом, способность жертвы противостоять сложившейся ситуации предстает инструментом, помогающим выйти из буллинг-структуры. Тем не менее, стоит проявлять осторожность в корректировании этой особенности: желая исключить из ситуации буллинга жертву, мы рискуем получить нового обидчика. Ролевые диспозиции представляют собой своеобразную систему весов, где повышение склонности к негативизму одновременно понижает риск стать жертвой, но повышает вероятность занять роль буллы.

Чувство вины демонстрирует отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга ($\beta=-0,72$). Исследования С. А. Завражина показывают, что переживание невротического стыда выступает в качестве предиктора

буллинга в образовательных организациях [24; 25]. По мнению автора, «в эмоциональной палитре жертвы стыд выполняет функцию парализации, минимизирующую возможность какого-либо сопротивления издевательствам». Наша модель дополняет имеющиеся исследования и показывает значимое отрицательное влияние родственного стыду чувства – чувства вины.

Это значит, что жертвы буллинга склонны испытывать чувство стыда, но не склонны испытывать чувства вины. Как отмечает П. Экман, переживание чувства стыда является публичным явлением, в то время как переживание чувства вины – личным; стыд возникает в случае наличия свидетелей, публичного осуждения, чувство вины возникает вне зависимости от того, были ли у поступка, из-за которого человек испытывает данную эмоцию, свидетели. Дж. П. Тангни и Р. Л. Дириг отмечают, что вина также связана с негативной оценкой своего поведения, а стыд – с негативной оценкой собственной личности. Исследования И. С. Кона показывают, что вина возникает при невыполнении человеком внутренних норм [37; 38].

Таким образом, жертвы буллинга склонны к стыду, демонстрируют «виноватость», но в действительности не считают себя плохими людьми, не считают, что поступают плохо, и не испытывают угрызения совести. Им стыдно за сложившуюся жизненную ситуацию, за то, что не могут дать отпор, но виноватыми в буллинге считают обидчиков, что может вызвать затруднения при попытке работы с личностными особенностями жертвы: «я хорошо себя веду, это он пусть меняется» [79].

Эмоциональные предикторы агрессии участников буллинга

В ходе применения множественной линейной регрессии с попеременным включением предикторов была получена модель, отражающая вклад эмоциональных предикторов в агрессию участников буллинга (таблица 14).

Таблица 14

Итоговые данные статистики (эмоциональные предикторы агрессии)

Статистика	Значение
Множественный R	0,874
R-квадрат	0,764
Нормированный R-квадрат	0,758
Стандартная ошибка оценки	8,470849
F	144,388
Значимость F	0,000

Из 15 показателей в финальную модель было включено 3 предиктора: вербальная агрессивность, обида, негативизм (таблица 15).

Таблица 15

Эмоциональные предикторы агрессии участников буллинга

N=138	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			9,669	1,929	5,01	0,000
Вербальная агрессивность	0,801	0,092	1,771	0,205	8,63	0,000
Обида	0,512	0,191	0,175	0,065	2,674	0,008
Негативизм	-0,469	0,158	-0,986	0,334	-2,949	0,003

Вербальная агрессивность ($Beta=0,801$; $SE(b)=0,09$; $B=1,771$; $SE(B)=0,2$; $t=8,63$; $p=0,000$) демонстрирует положительный вклад в агрессию участников буллинга. Это позволяет рассмотреть вербальную агрессивность не только как характерное свойство булли, но и как личностный протектор – человек, демонстрирующий вербальную агрессию, становится менее интересным «кандидатом» в жертвы, ведь он агрессивен, а значит «свой».

Низкий вклад других видов агрессивности может обуславливаться рядом причин. Так, использование физической силы против жертвы может представлять угрозу для стабильности буллинг-структуры: травмы и синяки, порванная одежда привлекают внимание других людей, повышая риск

санкций в сторону буллии и появления в буллинг-структуре защитников жертвы. Косвенная агрессия, как правило, не осознается самим субъектом агрессии, и направлена не на жертву, а на объект, ее замещающий.

Вербальная агрессия становится своего рода универсальным и легким в применении инструментом травли. Словом можно ранить и посеять сомнение, словом можно убить.

Негативизм, демонстрирующий отрицательный вклад в агрессию буллии ($Beta = -0,469$; $SE(b) = 0,16$; $B = -0,986$; $SE(B) = 0,33$; $t = -2,95$; $p = 0,003$), направлен против обычаев, норм и законов, т.е. против самих идей, а не субъектов, их порождающих и транслирующих. Это позволяет рассмотреть негативизм как один из «канализаторов» агрессии: человек, склонный проявлять больше негативных эмоций в сторону установившихся порядков, будет реже направлять свою агрессию на других. Можно предположить, что негативизм во многом характеризует именно жертв травли, ведь буллинг – это сложившаяся система ролей, вызывающая сопротивление, протест у тех ее участников, кому выпала доля жертвы.

Положительный вклад в агрессию буллии вносит и такая форма враждебности как обида ($Beta = 0,512$; $SE(b) = 0,19$; $B = 0,175$; $SE(B) = 0,06$; $t = 2,67$; $p = 0,008$). Зависть и ненависть к окружающим, помноженная на склонность выражать агрессию через проклятия и угрозы, оскорбление конкретных людей, во многом обуславливают склонность занимать роль буллии в ситуации травли. Месть за реальные или мнимые обиды может как подталкивать буллии к совершению насилия, так и служить удобным оправданием: «я избил его, потому что он меня обидел, а не потому, что мне просто нравится над ним издеваться».

Обращает на себя внимание и тот факт, что обида во многом свойственна как жертвам буллинга, так и обидчикам. Эти данные хорошо согласуются с «эффектом пульсации» Кейт Салливан [162], согласно которому буллинг одного человека в отношении другого также захватывает в свой водоворот большое количество людей и подсистем, подобно

брошенному в воду камню, который вокруг себя распространяет пульсирующие, концентрические круги-волны (буллинг порождает буллинг). Формируется своеобразный «цикл насилия»: люди, которые сами становятся жертвами буллинга, накапливают обиды и злость, которые в дальнейшем находят выход в нападках на других. Это может стать циклическим процессом, где злость и насилие продолжают распространяться. Отметим три возможных сценария:

- Человека травят сверстники. Накопленная обида реализуется в обретении власти над людьми младшего возраста, что помогает «компенсировать» обиду через появившееся чувство контроля над жизнью другого человека;

- Человека травят вне стен заведения (на улице, в спортивной секции, «кружке» и т.д.), накопленная обида реализуется в издевательствах над одноклассниками;

- Агрессивность, свойственная булли, подталкивает его воспринимать ординарные ситуации общения как «обидные»: дружеское замечание рассматривается как глубокое оскорбление, неосторожно брошенная фраза кажется вызовом и попыткой поправить авторитет. Булли верит, что все вокруг настроены против него, при этом каждая новая ситуация общения лишь укореняет его в этой мысли, даже если объективных поводов для обиды нет. Запускается механизм «самоисполняющегося пророчества»: обидчивый человек начинает обижать других, вызывая реакцию сопротивления и порождая все новые и новые обиды (поводы для травли).

Черты личности, объединяющиеся в группу эмоциональных свойств, не попали в финальную регрессионную модель. Тем не менее, обнаруженные статистически значимые корреляции позволяют сделать некоторые выводы. Агрессия в буллинге положительно коррелирует с эмоциональной устойчивостью ($r=0,57$; $p<0,05$), беспечностью ($r=0,64$; $p<0,05$) и смелостью в социальных контактах ($r=0,57$; $p<0,05$), что характеризует булли как людей,

склонных к рискованному поведению. Отрицательная корреляция агрессии и эмоциональной чувствительности ($r=-0,48$; $p<0,05$), тревожности ($r=-0,51$; $p<0,05$) и напряженности ($r=-0,46$; $p<0,05$) может свидетельствовать об устойчивости булли к критике и склонности обвинять других, что в совокупности позволяет говорить о булли как о людях с выраженным психопатическим складом личности [78].

Таким образом, для обидчиков в буллинге характерны вербальная агрессивность и склонность испытывать чувство обиды при низком негативизме, что характеризует булли как людей завистливых, ненавидящих окружающих, испытывающих горечь и гнев за реальные или мнимые страдания, склонных использовать вербальную агрессию (крики, угрозы, проклятия), но при этом не выступающих против устоявшихся обычаев и законов.

Интеллектуальные предикторы виктимизации участников буллинга (таблица 16, таблица 17)

Таблица 16

Итоговые данные статистики (интеллектуальные предикторы виктимизации)

Статистика	Значение
Множественный R	0,885
R-квадрат	0,784
Нормированный R-квадрат	0,780
Стандартная ошибка оценки	4,576
F	245,290
Значимость F	0,000

Интеллектуальные предикторы виктимизации участников буллинга

N=276	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			24,233	2,526	9,594	0,000
Серия В (интеллект)	-0,474	0,033	-2,206	0,155	-14,229	0,000
Серия Е (интеллект)	-0,328	0,037	-1,154	0,129	-8,948	0,000
Серия С (интеллект)	0,116	0,030	0,681	0,175	3,897	0,000
Социальный интеллект	0,294	0,036	0,592	0,073	8,063	0,000

Интеллект ($Beta=-0,506$; $SE(b)=0,15$; $B=-0,927$; $SE(B)=0,27$; $t=-3,37$; $p=0,001$), в частности такая его сторона как способность находить аналогии ($Beta=-0,552$; $SE(b)=0,08$; $B=-3,096$; $SE(B)=0,49$; $t=-6,31$; $p=0,000$), демонстрирует отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга, что во многом объясняется спецификой буллинга: система требует демонстрации высоких интеллектуальных способностей и зачастую первой демонстрирует один из инструментов дискриминации: подвергнуть осмеянию неумного, неуспевающего человека.

Тем не менее, не все показатели интеллекта выступают в качестве протекторов. Высокие способности к решению аналитико-синтетических заданий ($Beta=0,355$; $SE(b)=0,12$; $B=1,018$; $SE(B)=0,34$; $t=2,94$; $p=0,004$), считающихся самыми сложными в кластере тестов, оценивающих интеллект, и способности к динамической наблюдательности ($Beta=0,179$; $SE(b)=0,08$; $B=1,248$; $SE(B)=0,58$; $t=2,13$; $p=0,035$) вносят положительный вклад в виктимизацию. Столь заметное влияние высшей формы абстракции на виктимизацию может объясняться тем фактом, что самые сложные блоки задач обнаруживаются в финальных сериях прогрессивных матриц Равена. Отчасти это характеризует жертв травли как людей усидчивых, въедливых, тем самым раздражающих хулиганов, этими качествами не обладающих.

Важно отметить падение потенциала интеллекта предсказывать виктимизацию при удалении из модели социального интеллекта. Это позволяет рассматривать интеллект не как самостоятельную детерминанту, но как компоненту общего фактора виктимизации, где социальный интеллект вносит положительный вклад в склонность занимать позицию жертвы ($Beta=0,154$; $SE(b)=0,07$; $B=0,304$; $SE(B)=0,14$; $t=2,08$; $p=0,04$). Это может обуславливаться нарастанием раздражения агрессора по отношению к человеку, который, по его мнению, пытается замаскировать отсутствие интеллектуальных способностей навыками социального взаимодействия, общительностью, эмпатией, дружелюбием, которые воспринимаются булли как проявления слабости.

Таким образом, первоначальная гипотеза подтвердилась частично. Интеллектуальные способности, социальный интеллект обладают предиктивным потенциалом, но виктимизация участников буллинга детерминируется низкими интеллектуальными способностями при высоком социальном интеллекте.

Интеллектуальные предикторы агрессии участников буллинга

В ходе применения множественной линейной регрессии с попеременным включением предикторов была получена модель, отражающая вклад различных сторон интеллекта в агрессию участников буллинга (таблица 18).

Таблица 18

Итоговые данные статистики (интеллектуальные предикторы агрессии)

Статистика	Значение
Множественный R	0,867
R-квадрат	0,752
Нормированный R-квадрат	0,743
Стандартная ошибка оценки	6,547470
F	80,268
Значимость F	0,000
Дарбин-Уотсон	1,825

Из 9 показателей в финальную модель было включено 5 предикторов: серия D и E прогрессивных матриц Равена, субтесты 1, 3 и 4 теста «Социальный интеллект» Гилфорда (таблица 19). Композитные оценки социального интеллекта и общая сумма баллов по прогрессивным матрицам Равена были удалены из модели в целях исключения мультиколлинеарности.

Таблица 19

Интеллектуальные предикторы агрессии участников буллинга

N=138	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			25,490	6,289	4,052	0,000
Субтест 4 (Гилфорд)	-0,408	0,067	-2,782	0,455	-6,117	0,000
Субтест 3 (Гилфорд)	-0,418	0,060	-2,758	0,393	-7,014	0,000
Субтест 1 (Гилфорд)	0,195	0,045	0,939	0,214	4,390	0,000
Серия E матриц Равена	0,182	0,060	1,343	0,445	3,018	0,003
Серия D матриц Равена	-0,097	0,047	-0,916	0,441	-2,076	0,040

Полученная нами модель отражает статистически значимый вклад фактора познания систем поведения (Субтест 4; $\beta=-2,782$; $p=0,000$), фактора познания преобразований поведения (Субтест 3; $\beta=-2,758$; $p=0,000$) и способностей схватывать количественные и качественные изменения в упорядочении фигур согласно закономерности используемых изменений (Серия D; $\beta=-0,916$; $p=0,040$) в предсказание агрессии участников буллинга. Отрицательный вклад этих показателей характеризует агрессоров в ситуации буллинга как людей, плохо адаптированных к взаимоотношениям между людьми и испытывающих трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия. Такие люди с трудом описывают незнакомого человека по фотографии, их рефлексия не отличается глубиной, а Я-концепция – дифференцированностью.

Проблемы с принятием себя, отсутствие интереса к социальным проблемам, неумение распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике, неспособность улавливать изменение значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации, низкая чувствительность к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, бедный репертуар ролевого поведения во многом предопределяют склонность занимать позицию агрессора в ситуации буллинга.

Тем не менее, фактор познания результатов поведения (Субтест 1; $\beta=0,939$; $p=0,000$) и способность наблюдать сложное количественное и качественное различие кинетических, динамических рядов (Серия Е; $\beta=1,343$; $p=0,003$) демонстрируют положительный вклад в предсказание агрессии. Это означает, что агрессоры способны предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения, предсказывать события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации. Наличие отрицательной корреляции композитной оценки социального интеллекта и агрессии ($r=-0,39$; $p<0,05$) при относительно средних способностях агрессоров к познанию результатов поведения ($M=7,98$; $SD=1,81$) может свидетельствовать о том, что при общей «социальной неуклюжести» агрессор все же умеет предвидеть последствия поведения – своего и жертвы. Этот навык способен держать структуру буллинга в равновесии: булли знает, что ожидать от жертвы, и понимает, какое поведение ожидают от него самого, не переступает черту, но достаточно умен, чтобы предсказать результат своих издевательств и даже на этапе создания дизайна травли получить извращенное удовольствие от представляемого образа запуганной и лишенной чести и достоинства жертвы [74].

Таким образом, для обидчиков в ситуации буллинга характерно сочетание высоких интеллектуальных способностей с некоторыми интеллектуальными дефицитами (по большей части касающимися

социального интеллекта), что характеризует их как людей, способных предвидеть последствия поведения и предвосхищать поступки людей, умеющих абстрактно мыслить, но при этом испытывающих трудности с эмпатией, нечувствительных к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, склонных ошибаться в интерпретации слов собеседника, испытывающих сложности в понимании внутренних мотивов поведения других людей.

Самооценочные предикторы виктимизации участников буллинга (таблица 20, таблица 21)

Таблица 20

Итоговые данные статистики (самооценочные предикторы виктимизации)

Статистика	Значение
Множественный R	0,696
R-квадрат	0,485
Нормированный R-квадрат	0,479
Стандартная ошибка оценки	7,049
F	85,232
Значимость F	0,000

Таблица 21

Самооценочные предикторы виктимизации участников буллинга

N=276	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			30,370	1,028	29,535	0,000
Отношение к себе	-0,406	0,059	-0,166	0,024	-6,883	0,000
Стремление уйти от оценки	-0,238	0,058	-0,081	0,020	-4,122	0,000
Показатель завышения самооценки	-0,199	0,048	-0,059	0,014	-4,151	0,000

Показатель «отношение к себе» вносит отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга (Beta=-0,406; SE(b)=0,059; B=-0,166;

$SE(B)=0,024$; $t=-6,883$; $p=0,000$), что характеризует жертв буллинга как неуверенных в себе, застенчивых, неудовлетворенных собственными результатами, склонных испытывать чувство страха, невротичных (при наличии явной коллизии «между тенденциями и возможностями личности – внешними и внутренними требованиями человека к себе и жизни к нему», как отмечает В. А. Зобков [29]). Участники буллинга, негативно относящиеся к себе, боятся предпринимать шаги по предотвращению агрессии в их адрес. Кроме того, буллинг способен усиливать тенденцию к негативному самоотношению: если человек не получает поддержки со стороны значимых других, он начинает чувствовать, что и вовсе не заслуживает помощи, а ситуация, в которой он оказался, безвыходная: «Проще терпеть избиения, ничего уже не изменить» (выученная беспомощность).

Отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга вносит стремление уйти от оценки ($Beta=-0,238$; $SE(b)=0,058$; $B=-0,081$; $SE(B)=0,020$; $t=-4,122$; $p=0,000$). Некоторые учащиеся стремятся избегать оценки и критики со стороны своих сверстников и учителей, что может обуславливаться низкой самооценкой, страхом осуждения, боязнью провала, поэтому они предпринимают меры, чтобы не привлекать к себе внимание. Тихие, скромные, такие люди стараются скрыть свои достижения и способности и стремятся избежать стигматизации, боятся негативной оценки со стороны сверстников и не хотят привлекать к себе внимание. Жертвы могут считать себя недостойными положительной оценки и бояться не достигнуть установленных системой стандартов, что в свою очередь приводит к избеганию ими оценочных ситуаций и потере интереса к образованию.

Однако стремление избежать оценки и желание остаться незамеченным зачастую приводят к обратному эффекту и делают некоторых учащихся более уязвимыми к травле. Потенциальные жертвы буллинга, обычно в чем-то отличающиеся от ординарных сверстников (например, во внешности, в увлечениях или социальном статусе), обращают на себя внимание агрессоров. Те товарищи, что могут «объяснить прическу, внешность,

предпочитаемую музыку», приобретают авторитет в глазах обидчиков и статус «нормального», при последующей «проверке» такой человек получит защиту со стороны агрессоров: «этот нормальный, нормальный». Уклоняющиеся же от оценки дети отмечаются как «необычные» и «слабые», а их неординарность становится объектом насмешек. Таким образом, отрицательный вклад стремления уйти от оценки в виктимизацию участников буллинга может быть объяснен попыткой жертв завоевать признание со стороны сверстников, получить оценку их талантов или необычного хобби, а также стремлением выйти из буллинг-структуры.

Следует отметить, что предпочтения в хобби или искусстве могут делить и самих обидчиков на группы: высоко оценивающие «дворовую музыку» булли могут устроить травлю по отношению к человеку, увлекающемуся «рок-н-ролл музыкой», в то время как группа обидчиков, предпочитающая «тяжелую музыку», может встать на защиту жертвы (реплика испытуемого-обидчика, обращенная к подростку, несправедливо ставшему, по его мнению, жертвой буллинга: «Если любишь рок, то ходи со мной, никто тебя не тронет, с нами будешь»).

Таким образом, отрицательное влияние стремления уйти от оценки на виктимизацию участников буллинга объясняется:

- 1) с одной стороны, нежеланием жертв уйти от оценки их личности и достижений, вызывающим агрессию со стороны обидчиков, скептически относящихся к высокому уровню притязаний жертв;
- 2) с другой стороны, попыткой жертв исключить себя из буллинг-структуры путем демонстрации необычных умений, навыков, увлечений, ценных для обидчиков. Стремление быть оцененным может быть тем выше, чем выше виктимизация, но это не обязательно означает, что данное стремление вызывает еще большую виктимизацию. Напротив, оценка сверстниками может снизить травлю, что объясняет снижение потребности избежать оценки при повышении частоты насилия по отношению к жертве.

Показатель завышения самооценки отрицательно влияет на виктимизацию участников буллинга, что позволяет сделать ряд выводов ($Beta = -0,199$; $SE(b) = 0,048$; $B = -0,059$; $SE(B) = 0,014$; $t = -4,151$; $p = 0,000$). Участники буллинга с самооценкой с тенденцией к занижению чаще других испытывают чувство неуверенности в себе, неполноценности, не умеют отстаивать собственные интересы, что делает их более уязвимыми перед травлей.

Лица с несформированной самооценкой (с тенденцией к формированию заниженной самооценки) не имеют четкого представления о своих способностях и возможностях и могут проявлять склонность к превентивной социальной аутодепривации – намеренно исключать себя из общения со сверстниками из-за страха быть отвергнутыми: «это я с ними не общаюсь, а не они со мной». Такие люди испытывают постоянные сомнения в собственной ценности и полагают, что не стоят такого же уважения и любви, как другие дети. Они еще не осознают, что имеют право на свои границы, что делает их привлекательными «кандидатами в жертвы» в глазах обидчиков.

Следует отметить, что полученная нами модель описывает 48% дисперсии признака (виктимизация участников буллинга), и ее качество мы склонны оценивать как «неприемлемое» (дальнейшее добавление в модель новых переменных способно повысить коэффициент детерминации, но это неизбежно приведет нас к игнорированию научного принципа «бритвы Оккама»). Другие полученные нами предиктивные модели гораздо лучше описывают виктимизацию и агрессию в буллинге, и при прочих равных мы рекомендуем обращаться именно к ним [77].

Самооценочные предикторы агрессии участников буллинга (таблица 22, таблица 23)

Таблица 22

Итоговые данные статистики (самооценочные предикторы агрессии)

Статистика	Значение
Множественный R	0,821
R-квадрат	0,673
Нормированный R-квадрат	0,668
Стандартная ошибка оценки	7,438
F	139,117
Значимость F	0,000

Таблица 23

Самооценочные предикторы агрессии участников буллинга

N=138	Beta	Стандартная ошибка (Beta)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			42,553	1,362	31,248	0,000
Стремление уйти от оценки	-0,529	0,066	-0,284	0,035	-8,074	0,000
Показатель завышения самооценки	-0,368	0,066	-0,188	0,033	-5,612	0,000

Стремление уйти от оценки ($Beta = -0,529$; $SE(b) = 0,066$; $B = -0,284$; $SE(B) = 0,035$; $t = -8,074$; $p = 0,000$) и неадекватно завышенная самооценка ($Beta = -0,368$; $SE(b) = 0,066$; $B = -0,188$; $SE(B) = 0,033$; $t = -5,612$; $p = 0,000$) вносят отрицательный вклад в агрессию участников буллинга. Это предикторы, общие для кластеров жертв и обидчиков, что позволяет рассматривать их в качестве важных факторов включения в буллинг-структуру.

Можно предположить, что стремление уйти от оценки снижает вероятность становления как обидчиком, так и жертвой в ситуации буллинга. Для поиска взаимосвязей между стремлением уйти от оценки, виктимизацией и агрессией в ситуации буллинга мы воспользовались корреляционным

анализом (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, непретобразованные данные).

Мы обнаружили статистически значимую обратную взаимосвязь агрессии и стремления избежать оценки у обидчиков ($n=138$) в ситуации буллинга ($r_s=-0,68$; $p<0,05$), положительную взаимосвязь виктимизации и стремления избежать оценки у обидчиков в ситуации буллинга ($r_s=0,42$; $p<0,05$), положительную взаимосвязь агрессии и виктимизации у жертв ($n=276$) в ситуации буллинга ($r_s=0,31$; $p<0,05$), агрессии и стремления избежать оценки у жертв буллинга ($r_s=0,30$; $p<0,05$), отрицательную взаимосвязь виктимизации и стремления избежать оценки у жертв буллинга ($r_s=-0,11$; $p<0,1$).

Таким образом, учитывая результаты корреляционного анализа, отрицательный вклад стремления уйти от оценки и показателя завышения самооценки на агрессию обидчиков может быть объяснен следующим:

1) участник буллинга хочет быть оцененным, что провоцирует его на проявление агрессии. Он считает, что сможет завоевать авторитет, доминируя над другими детьми;

2) обидчик желает сохранить свой статус в буллинг-структуре. Уклонение от общественной оценки поставит под сомнение его положение в иерархии;

3) агрессия обидчиков не взаимосвязана с их виктимизацией. Виктимизация жертв взаимосвязана с их агрессией в ситуации буллинга. Это означает, что обидчики, как правило, либо крайне редко подвергаются травле, либо не подвергаются ей вовсе. Вместе с тем, жертвы буллинга проявляют склонность к травле (взаимосвязь виктимизации и агрессии жертв может иметь реактивную природу: человек травит сверстников, провоцируя ответную агрессивную реакцию со стороны участников буллинг-структуры: «если будешь так себя вести, то «темную» тебе устроим»);

4) участники буллинг-структуры, «незаслуженно» ставшие жертвой, стремятся быть оцененными и пытаются указать коллективу на его ошибку, демонстрируя агрессивное поведение по отношению к другим жертвам;

5) несмотря на отрицательное влияние стремления уйти от оценки на агрессию обидчиков, общественная оценка, как и в случае с жертвами, может снижать степень присутствия в буллинг-структуре: уменьшать агрессивность обидчиков и уменьшать виктимизированность жертв;

6) самооценочные характеристики могут выступать в качестве своеобразного «психологического лифта», позволяющего совершать переход от роли жертвы к роли агрессора (и обратно, что весьма характерно для «раскаивающихся обидчиков», желающих ощутить себя в новой ипостаси и «искупить свои грехи»);

7) отрицательный вклад показателя завышения самооценки в агрессию участников буллинга может быть связан с тем, что люди с самооценкой с тенденцией к занижению чаще испытывают неуверенность в себе, стресс и напряжение, что приводит к неумению контролировать собственное поведение и необходимости поднять самооценку путем унижения других.

Следует отметить, что полученная регрессионная модель описывает 67% дисперсии признака (агрессия в ситуации буллинга), и ее качество мы склонны оценивать как «среднее» (дальнейшее добавление в модель новых переменных способно повысить коэффициент детерминации, но это неизбежно приведет нас к игнорированию научного принципа «бритвы Уильяма Оккама»). Другие полученные нами предиктивные модели гораздо лучше описывают виктимизацию и агрессию в буллинге, и при прочих равных мы рекомендуем обращаться именно к ним [76].

**Мотивационно-потребностные предикторы виктимизации участников
буллинга (таблица 24, таблица 25)**

Таблица 24

Итоговые данные статистики (мотивационно-потребностные предикторы
виктимизации)

Статистика	Значение
Множественный R	0,927
R-квадрат	0,858
Нормированный R-квадрат	0,854
Стандартная ошибка оценки	3,728
F	202,479
Значимость F	0,000

Таблица 25

Мотивационно-потребностные предикторы виктимизации участников
буллинга

N=276	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			12,547	1,76	7,128	0
Аффилиация	-0,147	0,033	-0,312	0,071	-4,42	0
Потребность в порядке	0,158	0,04	0,285	0,072	3,934	0
Ориентация на игру	-0,136	0,034	-0,289	0,072	-4,016	0
Потребность в поддержке	0,237	0,043	0,437	0,08	5,457	0
Общая заинтересованность	0,156	0,045	0,288	0,084	3,432	0,001
Отношение к делу	-0,178	0,032	-0,068	0,012	-5,47	0
Отношение к коллективу	-0,171	0,035	-0,069	0,014	-4,95	0
Стремление к лидерству	-0,124	0,034	-0,052	0,014	-3,689	0

Аффилиация вносит отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга ($Beta = -0,147$; $SE(b) = 0,033$; $B = -0,312$; $SE(B) = 0,071$; $t = -4,42$; $p = 0$), что характеризует жертв буллинга как людей, предпочитающих одиночество, не

ценящих общественное окружение и стремящихся не входить во взаимоотношения со сверстниками. Стремление избежать общения может объясняться попыткой жертв уклониться от взаимодействия с обидчиками в том случае, если отрицательное влияние аффилиации на виктимизацию имеет реактивную природу.

С другой стороны, склонность жертв избегать сближения с другими людьми может вызывать негативную реакцию со стороны буллы, воспринимающих таких людей как «выскочек», не желающих общаться со сверстниками. В таком случае склонность к установлению теплых отношений с другими людьми может рассматриваться в качестве личностного протектора, защищающего детей от буллинга.

Положительный вклад в виктимизацию участников буллинга вносит потребность в порядке (аналогично полученной нами индивидуально-типологической модели, в которую входит предиктор «педантичность», вносящий положительный вклад в виктимизацию). Люди, склонные держать свои вещи в порядке, отвергающие все незапланированное, часто становятся жертвами травли.

Для подростков характерны экспрессивные, стихийные реакции, небрежность в словах, поведении и образе. Дети, демонстрирующие потребность в порядке, могут вызывать негативную реакцию со стороны агрессоров, считающих такое поведение слишком «скучным» и «зрелым». С другой стороны, педантичность сверстников может вызывать восхищение у агрессоров и тщетные попытки подражать таким детям. Фрустрация, вызванная неспособностью обидчиков повторить поведенческую модель педантичных сверстников, порождает ненависть к тем, кто таким навыком обладает.

Отрицательный вклад в виктимизацию вносит ориентация на игру ($Beta = -0,136$; $SE(b) = 0,034$; $B = -0,289$; $SE(B) = 0,072$; $t = -4,016$; $p = 0$). Жертвы буллинга мало времени уделяют отдыху, не склонны шутить, необщительны, не склонны к свободному времяпровождению. Отрицательный вклад

ориентации на игру (аналогично отрицательному вкладу предиктора «легкомыслие» в диспозиционной предиктивной модели) на виктимизацию может свидетельствовать о личностной зрелости жертв буллинга.

Вместе с тем, люди, ориентированные на игру, стремятся к кооперации и улучшению социальных отношений. Они избегают конфликтов, умеют адаптироваться к различным поведенческим стилям сверстников, легче находят язык с другими и предпочитают решать разногласия мирным путем, что снижает вероятность становления жертвой буллинга и позволяет рассматривать ориентацию на игру в качестве личностного протектора. Виктимизированные люди, напротив, склонны к демонстрации агрессивного поведения (взаимосвязь виктимизации и агрессии жертв в ситуации буллинга: $r_s=0,31$; $p<0,05$).

Потребность в поддержке вносит положительный вклад в виктимизацию участников буллинга ($Beta=0,237$; $SE(b)=0,043$; $B=0,437$; $SE(B)=0,08$; $t=5,457$; $p=0$). Жертвы буллинга часто обращаются за советом, легко перекладывают ответственность на плечи других и редко решают свои проблемы самостоятельно.

Буллинг, в отличие от рядового конфликта, характеризуется:

- неспособностью жертвы защититься от нападок;
- неравенством силы или власти.

Жертва буллинга, неспособная самостоятельно защититься от насилия и испытывающая агрессию со стороны сверстника-обидчика, вынуждена обращаться за помощью сильного и популярного сверстника («защитника») или значимых других, что во многом объясняет положительный вклад потребности в поддержке в виктимизацию участников буллинга.

Следует отметить, что помощь жертве со стороны взрослых способна разрушить буллинг-структуру, а сам буллинг характеризуется систематичностью нападений. Это означает, что несмотря на высокую потребность в поддержке, этой поддержки жертва либо не получает, либо не

просит, что может обуславливаться страхом перед гипотетическим возмездием со стороны обидчиков: взрослый не защитит жертву, лишь сделает замечание агрессорам, а последствия жалобы могут быть страшнее буллинга, что заставляет выбирать наименьшее из двух зол: «Пусть меня бьют, но хотя бы не искалечат».

Положительный вклад в виктимизацию участников буллинга вносит общая заинтересованность ($Beta=0,156$; $SE(b)=0,045$; $B=0,288$; $SE(B)=0,084$; $t=3,432$; $p=0,001$). Для виктимизированных участников буллинг-структуры характерно стремление узнать как можно больше, они ценят знания и проявляют интерес к умственной деятельности. Вместе с тем, умственные способности жертв (интеллектуальная предиктивная модель) вносят отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга.

Таким образом, коллизия между уровнем притязаний («Хочу») и объективными показателями интеллекта («Могу») обуславливает склонность занимать позицию жертвы в ситуации буллинга. Интеллектуальные дети могут быть полезны для агрессоров (возможность списать решение задачи, разработка новых способов реализации травли), в то время как люди, проявляющие интерес к умственной деятельности, но не обладающие выдающимися интеллектуальными способностями, обычно ревностно относятся к результату своего умственного труда, что может послужить причиной конфликта между заинтересованным в учебе, но не готовым делиться своим интеллектуальным трудом человеком и агрессором. С другой стороны, умный, но пренебрежительно относящийся к обучению субъект имеет высокие шансы стать обидчиком в ситуации буллинга.

Отношение к делу ($Beta=-0,178$; $SE(b)=0,032$; $B=-0,068$; $SE(B)=0,012$; $t=-5,47$; $p=0$) и отношение к коллективу ($Beta=-0,171$; $SE(b)=0,035$; $B=-0,069$; $SE(B)=0,014$; $t=-4,95$; $p=0$) как компоненты отношения к жизнедеятельности в триединстве отношения к себе, делу и другим людям, вносят отрицательный вклад в виктимизацию участников буллинга, что позволяет рассматривать их в качестве личностных протекторов. В. А. Зобков связывает период

возрастного и личностного развития с 7 лет до 21 года с активным формированием отношения к деятельности [29]. Осознание себя как индивида, активного деятеля снижает вероятность стать жертв буллинга в этот возрастной период. С другой стороны, нарушения в сфере отношения человека к деятельности и другим людям отрицательно действуют на эмоциональное состояние подростков и их психику, что может повышать вероятность включения детей в буллинг-структуру.

Отрицательный вклад в виктимизацию вносит стремление к лидерству ($Beta = -0,124$; $SE(b) = 0,034$; $B = -0,052$; $SE(B) = 0,014$; $t = -3,689$; $p = 0$). Люди, стремящиеся к лидерству, часто хотят сохранить репутацию, не позволяют себе проявлять слабость, скрывают уязвимость. Вместе с тем, участники буллинг-структуры, стремящиеся к лидерству, могут пытаться ужиться с обидчиками, заслужить их одобрение, уважение [75].

Таким образом, для жертв буллинга характерны потребность в порядке, потребность в поддержке, высокая академическая заинтересованность при низкой ориентации на игру, низкой аффициации, негативном отношении к делу и коллективу, низком стремлении к лидерству, что характеризует их как людей, склонных перекладывать ответственность на других, отвергающих все незапланированное, ценящих знания, не склонных шутить, предпочитающих одиночество.

**Мотивационно-потребностные предикторы агрессии участников
буллинга (таблица 26, таблица 27)**

Таблица 26

Итоговые данные статистики (мотивационно-потребностные предикторы
агрессии)

Статистика	Значение
Множественный R	0,931
R-квадрат	0,866
Нормированный R-квадрат	0,862
Стандартная ошибка оценки	4,800
F	214,877
Значимость F	0,000

Таблица 27

Мотивационно-потребностные предикторы агрессии участников
буллинга

N=138	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			1,224	3,403	0,360	0,720
Аффилиация	0,308	0,063	0,751	0,154	4,870	0,000
Агрессивность	0,376	0,064	0,869	0,147	5,917	0,000
Выдержка	-0,237	0,052	-0,577	0,126	-4,578	0,000
Потребность в поддержке	-0,204	0,049	-0,518	0,125	-4,131	0,000

Положительный вклад в агрессию участников буллинга вносят аффилиация и агрессивность. Булли избегают одиночества, ценят общественное окружение, но склонны к конфронтации и спорам, готовы мстить, недружелюбны, не любят извиняться. При достижении своих целей обидчики не считаются с мнением других, несмотря на наличие у них потребности в создании доверительных отношений. Агрессия рассматривается ими как средство защиты социального статуса, установления превосходства над другими, достижения уважения со стороны

своих сверстников: «Боишься – значит уважаешь». При этом наличие социальной поддержки со стороны окружающих может дополнительно подстегивать к проявлению агрессии по отношению к жертвам, подкреплять стремление оскорблять и унижать. Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда целью буллинга является попытка «исправить» жертву, указать на несоблюдение сверстником групповых норм и устоявшихся внутри коллектива правил, ликвидировать социальную несправедливость.

Следует отметить, что люди, проявляющие агрессивное поведение, привлекают к себе внимание со стороны своих сверстников, которые могут воспринимать булли в качестве лидеров и признавать их в статусе защитников. В этом случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда бывший защитник жертв сам становится обидчиком: изначально благая идея защиты униженных и оскорбленных обращается злом, человек становится частью той системы, против которой он боролся.

Вместе с тем, коллизия между агрессивностью и аффилиацией может свидетельствовать о том, что булли стремится быть частью коллектива, в нем сильна тенденция к дружбе и любви, но отсутствие выдержки и агрессивная модель поведения не позволяют ему стать полноценным членом коллектива. Референтная группа, частью которой он хочет стать, отвергает его, провоцируя агрессию, подкрепляя идею сверстников о том, что с ним не надо общаться. Социальная депривация порождает булли, и тот не может выйти из нее в силу бедного поведенческого репертуара (понимает лишь язык силы).

Таким образом, обидчики хотят быть частью коллектива, но не нуждаются в поддержке, не следуют правилам, но создают их. Люди, следующие правилам обидчика, становятся частью окружения булли, маркируются как «сильные» и «друзья». Дети, не согласные с моделью мира, предложенной обидчиком, рассматриваются в качестве кандидатов в жертвы. Булли не ищут поддержки и предпочитают, чтобы поддержку искали у них.

Выдержка вносит отрицательный вклад в агрессию участников буллинга. Агрессоры имеют мало выдержки и настойчивости в работе,

избегают трудностей и монотонной деятельности, в то время как выдержанные люди склонны проявлять спокойствие и самообладание даже в стрессовых ситуациях, им удастся контролировать свои эмоции и воздерживаться от агрессии, насилия.

Отрицательный вклад в агрессию участников буллинга вносит потребность в поддержке. Обидчики редко обращаются за помощью, пытаются решить свои проблемы самостоятельно, что может объясняться, во-первых, переживанием фрустрации и негативных эмоций, вызванных отсутствием поддержки (он не нуждается в помощи других, ведь он привык жить в мире, где никто никому не протягивает руку помощи), влияющим на возникновение агрессивных реакций; во-вторых, виктимизированностью самого обидчика, каждодневно сталкивающегося с насилием и несправедливостью, приводящей к склонности подражать поведению агрессоров. Такие люди могут верить, что насилие и агрессия являются эффективными способами решения конфликтов.

Таким образом, обидчики в ситуации буллинга стремятся избегать одиночества, проявляют склонность к конфронтациям и спорам, мстительны, имеют мало выдержки и настойчивости в работе и учебе, не любят обращаться за поддержкой и помощью.

Влияние стремления избежать оценки на виктимизацию участников буллинга, опосредованное раздражительностью

При одновременном включении в психологическую предсказательную модель всех выделенных нами личностных предикторов (72 характеристики) мы обнаружили сложное нелинейное эмерджентное взаимодействие склонности избегать оценки, раздражения и виктимизации жертв буллинга (таблица 28, таблица 29).

Стремление уйти от оценки оказывает отрицательное влияние на виктимизацию жертв буллинга в рамках самооценочной предиктивной модели, в то время как раздражительность положительно обуславливает

виктимизацию в рамках эмоциональной предиктивной модели. Вместе с тем, одновременное включение в модель раздражения и стремления уйти от оценки меняет бета-коэффициент последнего предиктора (стремление уйти от оценки положительно влияет на виктимизацию).

Модель, полученная нами при контроле переменной «склонность избегать оценки», описывает 32% дисперсии виктимизации жертв буллинга ($R^2=0,326$; $n=276$).

Таблица 28

Итоговые данные статистики (склонность избегать оценки как предиктор виктимизации жертв буллинга)

Статистика	Значение
Множественный R	0,571
R-квадрат	0,326
Нормированный R-квадрат	0,324
Стандартная ошибка оценки	8,029
F	132,681
Значимость F	0,000

Таблица 29

Склонность избегать оценки как предиктор виктимизации жертв буллинга

N=276	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			25,682	1,009	25,458	0,000
Склонность избегать оценки	-0,571	0,050	-0,194	0,017	-11,519	0,000

Склонность избегать оценки отрицательно влияет на виктимизацию участников буллинга, что может обуславливаться стремлением найти

поддержку со стороны, заслужить положительную оценку собственной личности, остановить насмешки и насилие, вырваться из буллинг-структуры.

При включении в модель характеристики «раздражение» доля объясненной дисперсии значительно возрастает (таблица 30, таблица 31, $R^2=0,872$; $n=276$).

Таблица 30

Итоговые данные статистики (склонность избегать оценки и раздражение как предикторы виктимизации жертв буллинга)

Статистика	Значение
Множественный R	0,934
R-квадрат	0,872
Нормированный R-квадрат	0,872
Стандартная ошибка оценки	3,498
F	934,501
Значимость F	0,000

Таблица 31

Склонность избегать оценки и раздражение как предикторы виктимизации жертв буллинга

N=276	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	B	Стандартная ошибка (B)	t-статистика	P-значение
Константа			3,552	0,782	4,541	0,000
Склонность избегать оценки	0,297	0,033	0,101	0,011	8,919	0,000
Раздражение	1,140	0,033	0,384	0,011	34,208	0,000

Раздражительность вместе со склонностью избегать внешней оценки положительно обуславливают виктимизацию участников буллинга, что может объясняться эффектом модеративного взаимодействия двух переменных. Для оценки эффекта взаимодействия мы воспользовались обобщенной моделью многомерной регрессии (GLM) с добавлением в модель произведения

раздражения и склонности избегать оценки как дополнительной переменной (центрированные предикторы, одномерный критерий значимости, сигма-ограниченная параметризация).

Полученная модель объясняет дополнительную дисперсию виктимизации ($R^2=0,872 \Rightarrow R^2=0,873$; эффект взаимодействия=0,001). Стремление уйти от оценки ($B=0,106$) и раздражение ($B=0,385$) вносят положительный вклад в виктимизацию участников буллинга, в то время как их взаимодействие вносит отрицательный вклад в виктимизацию ($B=-0,001$). R^2 обобщенной модели регрессии=0,862 (таблица 32, таблица 33).

Таблица 32

Итоговые данные статистики (эффект взаимодействия склонности избегать оценки и раздражения как предикторов виктимизации жертв буллинга)

Статистика	Значение
R	0,928
R-квадрат	0,862
Нормированный R-квадрат	0,861
SS Модель	26167,881
сс Модель	3,000
MS Модель	8722,627
SS Остаток	4188,924
сс Остаток	410,000
MS Остаток	10,217
F	853,746
p	0,000

Эффект взаимодействия склонности избегать оценки и раздражения
как предикторов виктимизации жертв буллинга

	SS	Степе ни	MS	F	p	Частич ная эта- квадрат	Нецентрирован ность	Наблюд. мощност ь (alpha=0, 05)
Констант а	306,70 2	1,000	306,70 2	30,019	0,0 00	0,068	30,019	1,000
Стремле ние уйти от оценки	1823,6 80	1,000	1823,6 80	178,49 7	0,0 00	0,303	178,497	1,000
Раздраже ние	22305, 384	1,000	22305, 384	2183,1 88	0,0 00	0,842	2183,188	1,000
Модерац ия	131,32 4	1,000	131,32 4	12,854	0,0 00	0,030	12,854	0,947
Ошибка	4188,9 24	410,0 00	10,217					

При построении предсказательных моделей на выборке жертв, разделенных на две подгруппы по среднему значению показателя «раздражение» ($M=14,3$; $SD=4,2$), наклон регрессии меняется в группе участников буллинга, не склонных к раздражению (рис. 3).

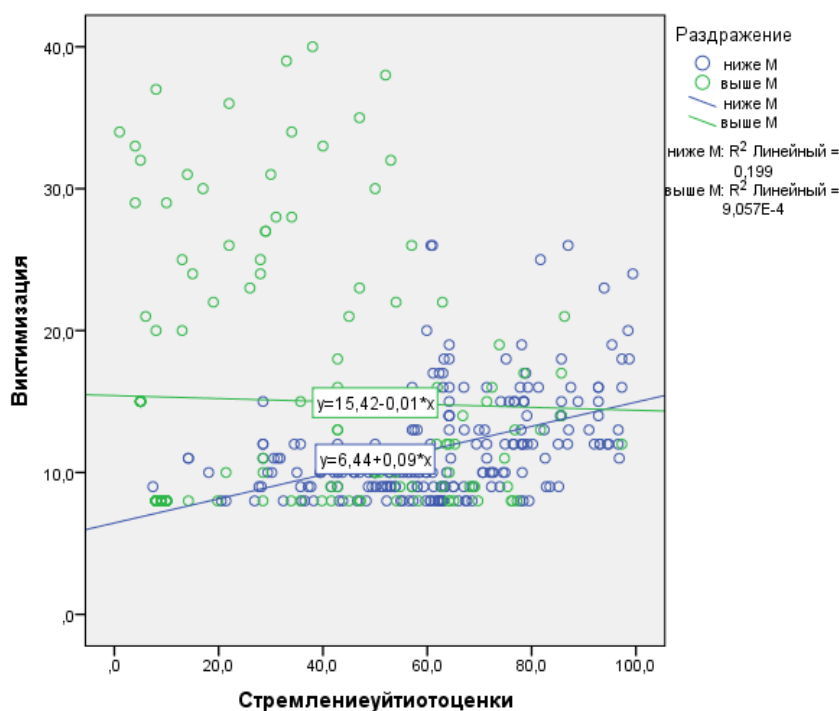

Рис. 3. Наклон регрессии (влияние стремления уйти от оценки на виктимизацию) в выборках участников буллинга, склонных и не склонных к раздражению

Таким образом, связь склонности избегать оценки и виктимизации неодинакова у раздраженных и не раздраженных жертв буллинга. Мы связываем это с тем, что для жертв буллинга в целом характерны как стремление быть оцененным, так и склонность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении. Эта особенность может выступать одновременно в качестве защитной реакции в ответ на буллинг, так и причиной буллинга в сторону учащихся (обидчиков может злить, раздражать вспыльчивость и грубость товарищей, которые, кроме того, хотят получить положительную внешнюю оценку своих действий). Это может объясняться попыткой жертв воспроизвести поведение, принятое в референтной группе, без учета других важных для обидчиков характеристик. Человек, копирующий поведение булли, но не соответствующий общему представлению обидчиков о «правильном» или «сильном» человеке, может восприниматься последними как жертва, бросившая вызов устоявшейся в коллективе иерархии.

Вместе с тем, виктимизированные участники буллинг-структуры, не склонные демонстрировать грубость или вспыльчивость, стремятся избежать оценивания, что и обуславливает появление обнаруженного нами модеративного эффекта (рис. 4, СиО – склонность избегать оценки; Р – раздражительность; СиОР – взаимодействие склонности избегать оценивания и раздражительности; В – виктимизация).

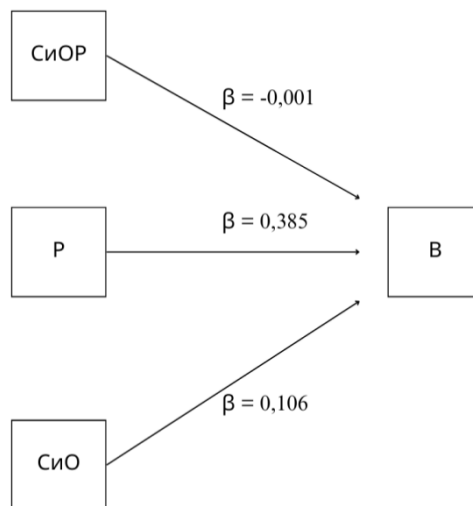

Рис. 4. Модеративное влияние склонности избегать оценивания и раздражительности на виктимизацию участников буллинга

2.4. Обобщенная модель личностных факторов как предикторов виктимизации и агрессии участников буллинга

В целях уменьшения числа переменных в финальной регрессионной модели, руководствуясь принципом бритвы Оккама и информационным критерием Акайке (AIC), мы воспользовались факторным анализом (таблица 34, метод извлечения факторов: главные компоненты; Варимакс вращение; Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина = 0,972).

КМО и критерий Бартлетта для факторной модели личностных
характеристик участников буллинга

Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО)		0,972
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	20003,399
	ст.св.	1035
	Значимость	0,000

В результате применения факторного анализа мы обнаружили пять факторов (таблица 35):

– Первый фактор объединяет в себе социальный интеллект (0,570), демонстративность (0,657), педантичность (0,692), застревание (-0,655), дистимность (0,654), тревожность (0,637), эмотимность (0,619), цилотимность (0,616), чувствительность (0,679), нормативность (0,643), возбудимость (0,676) и прочие характеристики. Данный фактор во многом описывает один из самых популярных в художественной литературе и кинематографе типов жертв буллинга – социально умных, педантичных и сенситивных людей, которых хулиганы в насмешку называют «заучками», что дает нам основание назвать его фактор «Чувствительность и педантичность» или фактор «Хочу»;

– Второй фактор включает в себя потребность в достижении (0,811), аффилиацию (0,570), агрессию (0,810), доминантность (0,826), импульсивность (0,832), потребность в порядке (0,804), потребность в социальном одобрении (0,827), потребность в одобрении (0,831) и прочие параметры. Данный фактор объединяет в себе характерные особенности архетипического булли и назван нами фактор «Целеустремленность и импульсивность»;

– Третий фактор связан со стремлением уйти от оценки (-0,847), деловыми коллективистскими качествами личности (-0,823), неадекватно

завышенной (-0,798) и заниженной (-0,672) самооценкой, агрессией (0,779) и враждебностью (0,796). Этот фактор содержит в себе характеристики «хамелеонов», т.е. людей, для которых характерна несформированность самооценки и склонность динамически менять роль в буллинг-структуре («буллер-жертва»). Согласно исследованиям К. П. Кохель, члены буллинг-структуры, склонные динамически менять роль в буллинг-структуре, чаще участвуют в травле, чем «чистые буллеры» [134]. Данный фактор получил название «Несформированная самооценка и враждебность» или фактор «Надо»;

– Четвертый фактор объединяет в себе интеллектуальные способности (-0,560), личностную тревожность (0,706), потребность привлекать внимание (0,502), потребность в поддержке (0,529) и прочие характеристики, и назван нами фактор «Потребность в поддержке и низкий интеллект» или фактор «Могу». Данный фактор объединяет в себе характерные особенности архетипической жертвы буллинга;

– Пятый фактор связан с гипертимность (0,631) и экзальтированность (0,671). Данный фактор, названный нами фактор «Гипертимность и экзальтированность», описывает один из типов жертв.

В ходе применения множественной линейной регрессии с попеременным включением предикторов была получена модель ($R^2=0,897$), демонстрирующая вклад выделенных факторов в виктимизацию жертв буллинга (таблица 35).

Таблица 35

Итоговые данные статистики (личностные предикторы виктимизации участников буллинга)

Статистика	Значение
Множественный R	0,9472
R-квадрат	0,8972
Нормированный R-квадрат	0,8959
Стандартная ошибка оценки	2,7662
F	711,8468
Значимость F	0,0000

Регрессионная модель позволяет нам выделить четыре типа жертв буллинга: «Гамлеты», «хамелеоны», «филистеры», «пионеры». (таблица 36, рис. 5).

Таблица 36

Личностные факторы как предикторы виктимизации участников
буллинга

N=414	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	В	Стандартная ошибка (В)	t-статистика	P-значение
Константа			13,312	0,136	97,914	0,000
Фактор "Чувствительность и педантичность"	0,635	0,016	5,441	0,136	39,970	0,000
Фактор «Целеустремленность и импульсивность»	-0,314	0,016	-2,694	0,136	-19,795	0,000
Фактор «Несформированная самооценка и враждебность»	0,501	0,016	4,299	0,136	31,586	0,000
Фактор «Потребность в поддержке и низкий интеллект»	0,370	0,016	3,173	0,136	23,309	0,000
Фактор «Гипертимность и экзальтированность»	0,085	0,016	0,731	0,136	5,368	0,000

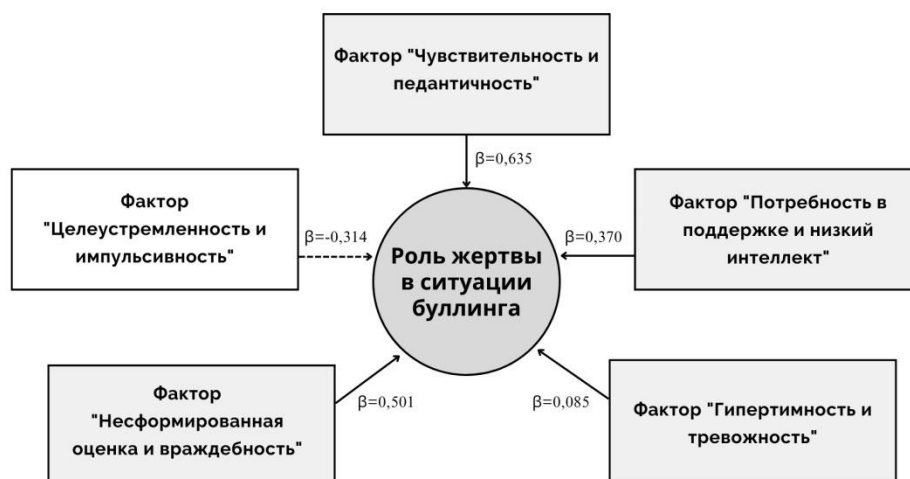

Рис. 5. Личностные факторы, детерминирующие принятие роли жертвы в ситуации буллинга

В ходе применения множественной линейной регрессии с попеременным включением предикторов была получена модель ($R^2=0,881$), демонстрирующая вклад выделенных факторов в агрессию обидчиков в ситуации буллинга (таблица 37, таблица 38, рис. 6).

Таблица 37

Итоговые данные статистики (личностные предикторы агрессии участников буллинга)

Статистика	Значение
Множественный R	0,939
R-квадрат	0,881
Нормированный R-квадрат	0,880
Стандартная ошибка оценки	604,528
F	0,000
Значимость F	0,0000

Регрессионная модель позволяет нам выделить два типа обидчиков в ситуации буллинга: «трикстеры» и «хамелеоны».

Личностные предикторы виктимизации участников буллинга

N=414	Бета	Стандартная ошибка (Бета)	В	Стандартная ошибка (В)	t-статистика	P-значение
Константа			13,797	0,169	81,601	0,000
Фактор "Чувствительность и педантичность"	-0,374	0,017	-3,712	0,169	-21,927	0,000
Фактор «Целеустремленность и импульсивность»	0,709	0,017	7,029	0,169	41,521	0,000
Фактор «Несформированная самооценка и враждебность»	0,479	0,017	4,748	0,169	28,046	0,000
Фактор «Потребность в поддержке и низкий интеллект»	-0,091	0,017	-0,899	0,169	-5,312	0,000
Фактор «Гипертимность и экзальтированность»	-0,030	0,017	-0,296	0,169	-1,748	0,081

Рис. 6. Личностные факторы, детерминирующие принятие роли обидчика в ситуации буллинга

Для многомерного анализа личностного профиля участников буллинга мы, руководствуясь принципом Дж. Миллера « 7 ± 2 », принципом статистической репрезентативности (правило квадратного корня для оценки

размера разведочной подвыборки при затрудненном анализе мощности: $k=\sqrt{(414)}=20,347$; не более 20 наблюдений для визуального и пиктографического анализа для $n=414$) и беря во внимание плотность размещения наблюдений с целью сохранения детализации переменных и избежания визуального шума, отобрали 11 случайных наблюдений и воспользовались методом пиктограмм Чернова, с опорой на коэффициенты предиктивных моделей. На полученных пиктограммах ширина лица кодирует фактор 1 «Чувствительность и педантичность», уровень расположения уха кодирует фактор 2 «Целеустремленность и импульсивность», высота половины лица кодирует фактор 3 «Несформированная самооценка и враждебность», верх лица кодирует фактор 4 «Потребность в поддержке и низкий интеллект», низ лица кодирует фактор 5 «Гипертимность и тревожность» (рис. 7).

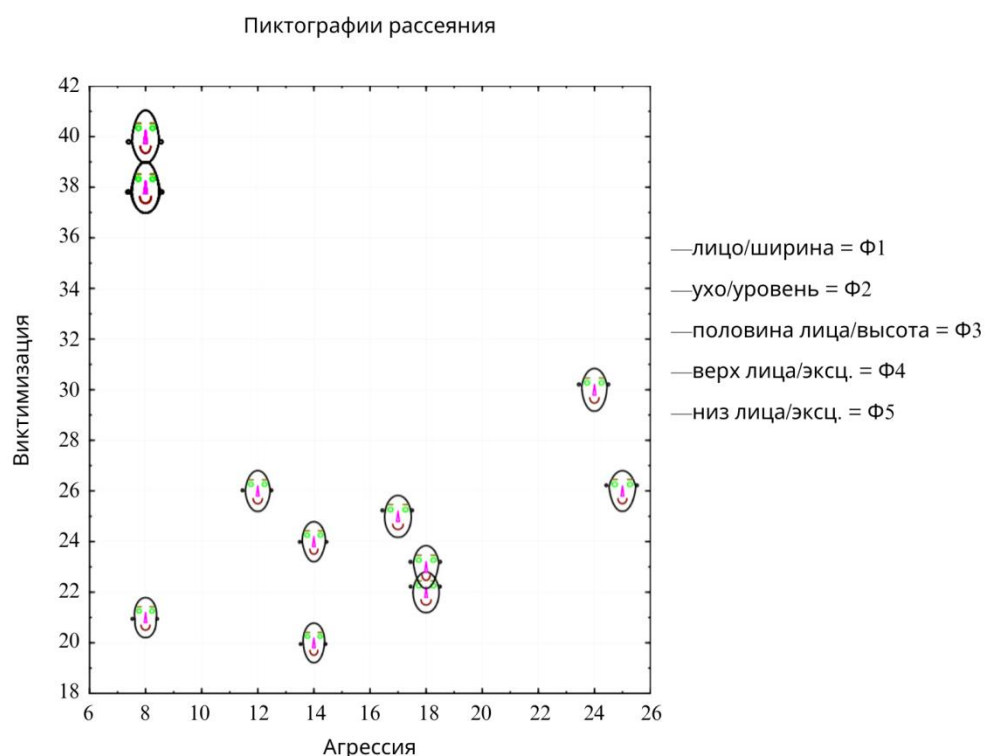

Рис. 7. Многомерные личностные профили участников буллинга (лица Чернова)

Подростки с высокими показателями по 1 фактору «Чувствительность и педантичность» (ширина лица) демонстрируют средние и высокие показатели виктимизированности (24-40 баллов), а также средние показатели агрессии в ситуации буллинга (лицо существенно не меняется с повышением частоты проявления агрессии в ситуации буллинга). Для таких людей характерны: демонстративность, педантичность, необщительность, эмоциональная нестабильность при высоком социальном интеллекте. Это наиболее «типичные» жертвы буллинга, которым мы в рамках нашего исследования дали название «Гамлеты» ($\beta=5,441$; $p=0,000$).

Архетипические булли с высокими показателями по фактору 2 «Целеустремленность и импульсивность» (высота уха) обладают средней и сильной выраженностью проявления агрессии в ситуации буллинга (более 16 баллов, ухо тем выше, чем выше показатели агрессии), явной закономерности изменения высоты уха с повышением степени виктимизированности при этом не наблюдается. Для таких детей характерны: потребность в достижении, склонность начинать конфликты, доминантность, импульсивность, потребность в социальном одобрении. Это наиболее «типичные» агрессоры в ситуации буллинга, которым мы дали название «трикстеры» ($\beta=7,029$; $p=0,000$).

Зависимости агрессии и виктимизации от высоты половины лица (фактор 3 «Несформированная самооценка и враждебность») не наблюдается. Данный фактор присущ всем участникам буллинг-структуры и обуславливает как виктимизацию, так и агрессию. Для таких детей характерны: стремление быть оцененным, несформированная самооценка, агрессивность, враждебность. В рамках нашего исследования мы дали им название «хамелеоны» за способность динамически менять роль в буллинг-структуре, становясь то жертвой буллинга, то обидчиком (или сочетать обе роли одновременно). Мы считаем, что именно наличие «хамелеонов» в выборке исследования во многом объясняет положительную корреляцию виктимизации и агрессии жертв буллинга ($r_s=0,31$; $p<0,05$). Чем большей

виктимизации подвергается жертва, тем большую агрессию она демонстрирует (или, напротив, чем больше агрессии проявляет жертва, тем большей виктимизации она подвергается). Данной корреляции не наблюдается в выборке агрессоров, чья виктимизированность не растет с ростом проявления агрессии в ситуации буллинга.

Форма верхней части лица (фактор 4 «Потребность в поддержке и низкий интеллект») изменяется вслед за повышением уровня виктимизированности участников буллинга ($\beta=3,173$; $p=0,000$). Для них характерны: низкий интеллект, высокая личностная тревожность, высокая потребность привлекать к себе внимание, общительность, высокая заинтересованность в дисциплинах. Таких жертв хулиганы зачастую называют «заучками». Важнейшим фактором виктимизации является наличие коллизии между уровнем притязаний (общительный, старается прилежно учиться) и объективными способностями (не наблюдается выдающихся умственных данных), приводящей к формированию невротической тревожности, которая, в свою очередь, делает человека уязвимым перед агрессорами.

Низ лица (фактор 5 «Гипертимность и экзальтированность») существенно не меняется с увеличением частоты проявления агрессии в ситуации буллинга (вклад предиктора в агрессию не значим), но расширяется с увеличением степени виктимизированности ($\beta=0,731$; $p=0,000$). Гипертимность и экзальтированность выступают в качестве главных факторов виктимизации данной группы.

Таким образом, в буллинг-структуре выделяются устойчивые личностные профили ее участников. Для «трикстеров» (обидчиков) характерны импульсивность, доминантность, потребность в социальном одобрении. Профили жертв: «филистеры», для которых характерны тревожность, потребность в поддержке, высокая академическая заинтересованность; «Гамлеты», отличающиеся застенчивостью, индивидуализмом, сдержанностью; «пионеры», характеризующиеся

гипертимностью и экзальтированностью. Участников буллинг-структуры, склонных динамически менять роль в буллинге («хамелеоны»), отличает стремление быть оцененными, несформированная самооценка, отсутствие коллективистских качеств личности.

2.5. Личностные предикторы принятия роли в рамках древовидной модели становления буллинг-структуры

Под становлением буллинг-структуры мы понимаем деконструкцию генезиса уже сформированной буллинг-структуры через фокус личностных детерминант с помощью древовидного анализа (C&RT), симулирующего логику принятия ролей в буллинг-структуре на основе вклада наиболее значимых предикторов (от корневого предиктора до листов - ролей).

В ходе применения стандартного S&RT (GTrees) анализа была получена древовидная классификационная модель (таблица 39, таблица 40), отражающая вклад психологических предикторов в предсказание роли жертвы и агрессора в ситуации буллинга (кластеры: жертвы, N=276; обидчики, N=138).

Таблица 39

Структура дерева принятия роли

	Левая ветвь	Правая ветвь	Размер узла	N жертв	N агрессоров	Выбранная роль	Предиктор	Константа
1	2	3	414	276	138	Агрессор	Потребность в социальном одобрении	29,0
2	4	5	337	271	66	Жертва	Интеллект	41,5
4			98	98	0	Жертва		
5	6	7	239	173	66	Агрессор	Самоуверенность в поведении	21,7
6			30	29	1	Жертва		
7	8	9	209	144	65	Агрессор	Отношение к коллективу	78,1
8	10	11	196	131	65	Агрессор	Социальный интеллект	20,5

10			157	99	58	Агрессор		
11			39	32	7	Жертва		
9			13	13	0	Жертва		
3			77	5	72	Агрессор		

Таблица 40

Вклад предикторов в предсказание роли жертвы или обидчика в ситуации буллинга

	Ранг переменной	Вклад предиктора
Потребность в социальном одобрении	100	1,000000
Интеллект	46	0,462212
Самоуверенность в поведении	46	0,460591
Социальный интеллект	21	0,208186
Отношение к коллективу	16	0,160364

Полученное дерево классификации, с одной стороны, позволяет проанализировать решения, принимаемые участниками травли при назначении ролей в буллинг-структуре как сложной самоорганизующейся системы, «распределяющей» внутри себя роли участников (психологические параметры), с другой, позволяет сократить количество решений, принимаемых психологом при проведении диагностических и коррекционных мероприятий, связанных с проблемой буллинга (рис. 8).

Граф 6 дерева для роли жертвы и обидчика
 Количество нетерминальных узлов: 5, Количество терминальных узлов: 6

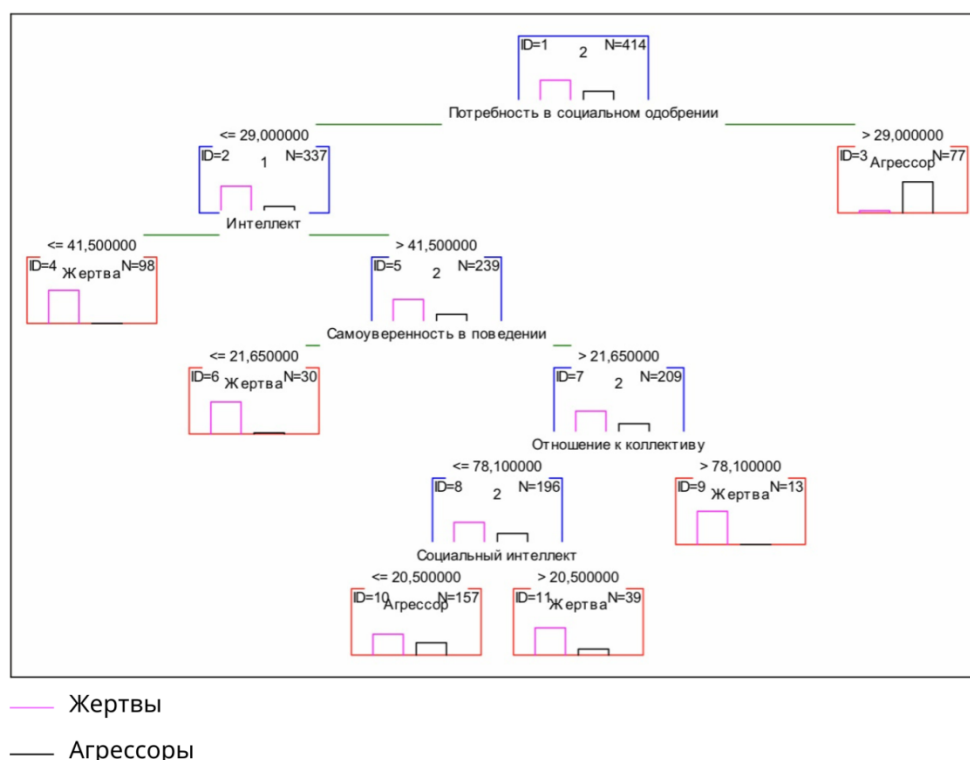

Рис. 8. Древоподобная модель принятия роли жертвы или обидчика в буллинг-структуре

При обучении деревьев решений использовался индекс Джинни. Максимальное количество узлов = 15. После применения v-кратной кросс-валидации (v=10) было выбрано одно из 10 деревьев с 6 терминальными узлами (таблица 41).

Таблица 41

Последовательность деревьев

	Терминальные узлы	CV	CV SE	Цена замены	Комплексность узла
Дерево 1	19	0,271	0,022	0,133	0,000
Дерево 2	16	0,271	0,022	0,141	0,002
Дерево 3	12	0,271	0,022	0,151	0,003
Дерево 4	11	0,267	0,022	0,154	0,003
Дерево 5	7	0,239	0,021	0,178	0,006
*Дерево 6	6	0,259	0,022	0,186	0,007
Дерево 7	5	0,271	0,022	0,201	0,016
Дерево 8	4	0,271	0,022	0,220	0,019

Дерево 9	2	0,322	0,023	0,294	0,037
Дерево 10	1	0,400	0,024	0,400	0,106

Потребность в социальном одобрении является корневым предиктором, ведущим к листу «агрессор» (значение в точке разбиения > 29). Средние значения шкалы, полученные автором «методики по изучению мотивационных особенностей школьников» (И.М. Кондаков): $M=21,8$. Средние значения по выборке исследования: $M=20,76$ ($SD=5,84$). Максимальный балл по шкале = 30.

Таким образом, потребность в социальном одобрении во многом обуславливает генезис буллинг-структуры. Участники буллинга с высокими значениями по шкале «Sr» стремятся к общественному признанию, делают ставку на хорошую репутацию. Если потребность в социальном одобрении предельно высока, человек избирает путь насилия. При проведении психодиагностических мероприятий мы рекомендуем обращать внимание на лиц с максимальными возможными показателями по шкале «Sr», с большой вероятностью они являются агрессорами в ситуации буллинга.

Мы предполагаем, что люди с высокой потребностью в социальном одобрении являются организаторами, создателями буллинг-структур, в которые позже включаются и другие участники в роли агрессоров, преследующие несколько иные цели (повышение социального статуса, канализация агрессии).

Вторым предиктором в дереве решений является интеллект. Значение в точке разбиения $\leq 41,5$ (96-102 балла IQ для возрастной группы подростков, средний уровень интеллекта). Узел завершается листом «жертва». Максимальный сырой балл «прогрессивных матриц Равена» = 60 (139-140 баллов IQ для возрастной группы подростков). Средний уровень интеллекта выборки исследования: $M=44,8$; $SD=6,27$ (100-108 баллов IQ для возрастной группы подростков).

Это первый узел, завершающийся выбором роли жертвы в ситуации буллинга, что делает интеллектуальные способности одним из важнейших, с точки зрения генезиса буллинг-структуры, предиктором. Подростки, менее внимательные, чем их сверстники, хуже анализирующие линейные взаимосвязи, не демонстрирующие способности к динамической наблюдательности, имеют большую вероятность стать жертвами буллинга (и, вероятно, становятся первыми, кого травят агрессоры, создающие буллинг-структуры). Мы рекомендуем обращать внимание на подростков с уровнем интеллекта ниже среднего, с большой вероятностью они являются жертвами в ситуации буллинга.

Самоуверенность в поведении является вторым предиктором, ведущим к листу «жертва» (значение в точке разбиения $\leq 21,65$), средние значения по выборке исследования: $M=39,66$; $SD=9,72$. Модель принятия решения о занимаемой роли в буллинг-структуре на данном узле древовидной модели выглядит следующим образом (жертвы): человек без остро выраженной потребности в социальном одобрении и с интеллектом выше среднего становится жертвой в том случае, если его показатели самоуверенности значительно ниже, чем у других участников буллинг-структуры. При проведении психодиагностических мероприятий рекомендуем обращать внимание на подростков с низкими показателями самоуверенности в поведении («Мотивационно-самооценочный опросник В.А. Зобкова»). Они с большой вероятностью могут стать жертвами буллинга (следует отметить, что низкие показатели по шкале «самоуверенность в поведении» могут свидетельствовать о нежелании проходить опрос).

Третьим предиктором, ведущим к листу «жертва», является отношение к коллективу (значение в точке разбиения $>78,1$). Среднее значение по выборке: $M=44,55$; $SD=12,03$.

Последний узел модели принятия решения представлен предиктором «социальный интеллект». Значение точки разбиения, ведущей к роли агрессора $\leq 20,5$; жертвы $>20,5$ (способности к познанию поведения ниже

среднего). Максимальный балл по тесту = 55. Средние значения по выборке: $M=18,78$; $SD=4,97$ (способности к познанию поведения ниже среднего). Таким образом, участники буллинга, во-первых, обладают низким социальным интеллектом, во-вторых, склонны определять участников буллинг-структуры с социальным интеллектом выше, чем у них, в жертвы.

Следует отметить, что социальный интеллект является финальным предиктором дерева решений. Это означает, что у жертв и агрессоров, дискриминированных последними, больше общего, чем у тех участников буллинг-структуры, что «определились» с ролями на более ранних узлах. Мы предполагаем, что природа этого предиктора может объясняться опосредующим влиянием интеллекта. Тогда логика «из двух людей с низким социальным интеллектом обидчиком становится тот, у кого социальный интеллект ниже» обогащается конструктом: «Обидчиком становится тот, кто демонстрирует высокие общие способности при низком социальном интеллекте».

В результате применения кросс-валидации и оценки важности предикторов, учитывая информационный критерий Акаике, множественную коллинеарность предикторов и принцип Бритвы Оккама, из модели были исключены индивидуально-типологические, диспозиционные и эмоциональные предикторы (из 71 переменной в финальную модель вошло 5 предикторов), что, тем не менее, не означает, что выделенные сферы личности не способны предсказывать буллинг и от их изучения следует отказываться. Мы предполагаем, что мотивация, самооценка и общие способности выступают в качестве предикторов принятия роли жертвы или обидчика, в то время как эмоциональные, диспозиционные, характерологические и темпераментальные характеристики способны детерминировать устойчивость принятых ролей в буллинг-структуре, предопределять ролевой репертуар и особенности взаимодействия участников буллинг-структуры между собой. Таким образом, характер и темперамент обладают предсказательной силой в вопросах определения роли

в уже сформированной буллинг-структуре, но не выступают в качестве первичных, корневых предикторов, детерминирующих принятие роли в буллинге.

Буллинг-структура, в свою очередь, не только «предлагает» принять ту или иную ролевую модель, но и стремится к сохранению своей функциональной и структурной целостности. Буллинг-структура подобна своеобразной «черной дыре»: в нее легко попасть, покинуть ее гораздо сложнее. Одни свойства личности детерминируют попадание в ситуацию буллинга, в то время как другие обуславливают невозможность ее покинуть. Мы предполагаем, что после попадания в буллинг-структуру те свойства личности, которые детерминировали принятие им роли в травле, перестают играть существенную роль в поддержании ролевой позиции (так, в ролевой стабильности уже не столь важны самооценка, потребности, мотивация, общие способности участника буллинг-структуры, ставшего жертвой). Стабильность роли поддерживается характером, темпераментом, личностными чертами, эмоциональностью, т.е. теми предикторами буллинга, которые не опосредуют первичное принятие роли в буллинге, но предсказывают актуальную роль в буллинге (за редким исключением в практике можно столкнуться с ситуацией: «Мы будем травить тебя, потому что ты холерик», скорее «Мы будет травить тебя, потому что ты слишком высокого мнения о себе» и «Мы травим тебя, потому что ты холерик»). При этом корректирование «первичных» факторов принятия роли в случае, если субъект уже интегрирован в буллинг-структуру, может иметь слабый эффект. Так, корректирование самооценки может выступать в качестве личностного протектора, «защищающего» от попадания в буллинг-структуру, но не гарантирующего возможность выхода из уже сложившейся ситуации буллинга. Вот почему предсказание буллинга и превентивное вмешательство играют решающую роль в вопросах преодоления этого деструктивного феномена.

Полученные нами данные хорошо согласуются с теорией запланированного поведения И. Айзена, указывающей на фундаментальную роль когнитивных процессов (убеждений, установок, восприятий и намерений) в формировании и предсказании поведения [93].

Мы отмечаем следующие точки соприкосновения наших результатов, выявивших наличие важных психологических предикторов становления буллинг-структуры, с ключевыми конструктами данной теории:

1. Высокая потребность в социальном одобрении предсказывает появление в буллинг-структуре участников в роли обидчиков, что перекликается с положением теории И. Айзена о наличии в структуре поведения мотивации следовать нормативным убеждениям. Агрессоры воспринимают буллинг как инструмент для получения социальных преимуществ (повышения статуса, власти, достижение социального одобрения), что согласуется с исследованиями П. К. Смита, показывающими, что булли часто занимают высокие позиции в иерархии сверстников и имеют больше шансов на романтические отношения [160].

2. Низкий интеллект жертв как первичный предиктор их включения в буллинг-структуру может быть связан с убеждением, что «жертвы заслуживают агрессии» (что перекликается с поведенческими убеждениями, формирующими отношение к поведению в рамках теории И. Айзена), дегуманизирующим потенциальную жертву и снижающим моральные барьеры, что также подтверждается связью между макиавеллизмом и склонностью к буллингу в исследованиях П. К. Смита [160], а также мнением Т. Шолера и других авторов мультиполигенного исследования риска виктимизации в буллинге о первостепенной важности интеллекта как предиктора виктимизации в буллинге [159]. «Социальный интеллект» является предиктором, завершающим модель принятия роли в буллинге (способности познания поведения ниже среднего в обеих группах), что согласуется с результатами исследования влияния травли и кибертравли на

психологическую адаптацию жертв и агрессоров в подростковом возрасте Э. Эстевес и др [115].

3. Самоуверенность в поведении как черта обидчиков может быть связана с осознанием возможности избежать санкций за агрессивное поведение, что перекликается с конструктом воспринимаемого контроля, влияющего на формирование поведенческого намерения в теории И. Айзена, и данными исследования образа жертвы буллинга у школьников с разной выраженностью виктимного поведения Ю. В. Обуховой и В. О. Гурьевой [50]. Если агрессор сталкивается с сопротивлением (например, агрессией жертвы или давлением защитников), намерение снижается, что дополнительно подчеркивает важность выявленной нами потребности обидчиков избегать риска как предиктора агрессии в буллинге («эффективность» обидчика напрямую связана с тем, насколько долго он может избегать санкций за травлю).

Отметим, что ключевой конструкт И. Айзена (воспринимаемый поведенческий контроль) имеет глубокую теоретическую близость и во многом основывается на концепции самоэффективности А. Бандуры. Самоэффективность, как убежденность человека в своей способности организовать и выполнить действия, необходимые для достижения конкретных целей, составляет ядро воспринимаемого поведенческого контроля. Наши данные, демонстрирующие особую роль доминантности и потребности в социальном одобрении обидчиков при высокой потребности избегать риска (высокая самоэффективность, лежащая в основе уверенности в безнаказанности), а также личностной тревожности, застенчивости, несформированной самооценки, потребности в поддержке жертв в предсказании виктимизации и агрессии в буллинге, эмпирически согласуются именно с этим когнитивно-мотивационным аспектом.

2.6. Качество предиктивных моделей и общие рекомендации для превенции буллинга

Ранги психологических предсказательных моделей виктимизации и агрессии в зависимости от доли объясненной дисперсии (по убыванию) представлены ниже:

1. Личностные предикторы виктимизации ($R^2=0,897$)
2. Личностные предикторы агрессии ($R^2=0,881$)
3. Эмоциональные предикторы виктимизации ($R^2=0,885$)
4. Потребностно-мотивационные предикторы агрессии ($R^2=0,866$)
5. Потребностно-мотивационные предикторы виктимизации ($R^2=0,858$)
6. Диспозиционные предикторы виктимизации ($R^2=0,801$)
7. Интеллектуальные предикторы виктимизации ($R^2=0,784$)
8. Эмоциональные предикторы агрессии ($R^2=0,764$)
9. Интеллектуальные предикторы агрессии ($R^2=0,752$)
10. Индивидуально-типологические предикторы виктимизации ($R^2=0,723$)
11. Самооценочные предикторы агрессии ($R^2=0,673$)
12. Индивидуально-типологические предикторы агрессии ($R^2=0,593$)
13. Диспозиционные предикторы агрессии ($R^2=0,589$)
14. Самооценочные предикторы виктимизации ($R^2=0,485$)

Наиболее качественные модели, лучше всего объясняющие вариацию (дисперсию) виктимизации и агрессии в буллинге (личностные предикторы виктимизации и агрессии, $R^2=0,897$; $R^2=0,881$) охватывают всю структуру личности участника буллинг-структуры и включают самые эффективные в предсказательном смысле психологические характеристики из каждой из сфер личности (темперамент, характер, общие способности, диспозиции, самооценка, мотивация).

В целом, виктимизация предсказывается лучше, чем агрессия. Это может объясняться тем, что психологические характеристики во многом обуславливают виктимность, в то время как агрессия в ситуации буллинга и роль обидчика детерминируются и другими, не менее важными, чем психологические, факторами (социально-психологическими, педагогическими и пр.). Несмотря на это, коэффициенты детерминации психологических моделей агрессии остаются высокими.

Наиболее качественные модели включают эмоциональные ($R^2=0,885$; $R^2=0,764$) и потребностно-мотивационные ($R^2=0,858$; $R^2=0,866$) предикторы. Наименее качественные модели: самооценочные предикторы виктимизации ($R^2=0,485$), диспозиционные предикторы агрессии ($R^2=0,589$), индивидуально-типологические предикторы агрессии ($R^2=0,593$).

Мы предлагаем специалистам, работающим в сфере образования и столкнувшимся с проблемой буллинга, несколько моделей работы с полученными нами предиктивными моделями:

- выбирать в качестве мишеней для коррекции выявленные в каждой предсказательной модели предикторы. Следует отметить, что данная стратегия сопряжена с определенными рисками: в стремлении исключить субъекта из буллинг-структуры есть вероятность лишь подтолкнуть его к смене роли в ситуации буллинга (бывшая жертва рискнет попробовать ролевой репертуар обидчика, а бывшие обидчики потеряют свой «социальный статус» и подвергнутся риску виктимизации);
- на этапе диагностики акцентировать внимание на наиболее значимых в предсказательном плане предикторах актуальной роли в буллинге (высокое стремление к социальному одобрению для обидчиков, низкий интеллект и высокая неуверенность в себе для жертв);
- выявлять жертв и обидчиков, опираясь на полученную нами факторную типологию. Стратегии воздействия на личность будут меняться в

зависимости от типа жертвы, обидчика («трикстеры», «хамелеоны», «Гамлеты», «филистеры», «пионеры»);

- корректировать общие для жертв и обидчиков психологические характеристики, детерминирующие само нахождение человека в буллинг-структуре (предикторы с одинаковым знаком бета-коэффициентов).

Таковыми мишенями коррекции могут стать:

- Переживание чувства обиды. Обида как реакция человека на несправедливо причинённое огорчение, оскорбление, может выступать одновременно следствием (для жертв) и причиной (для обидчиков) буллинга. Чувство обиды возникает вследствие рассогласования ожиданий о должном поведении обидчика с его актуальным поведением (следует отметить, что таким «обидчиком» вполне может выступать и жертва буллинга, чье поведение кажется буллеру «вызывающим»). Обида является следствием выполнения четырёх умственных операций: построение ожиданий, наблюдение действительного поведения, сравнение, принятие решения о реакции (обидеться, дать волю эмоциям и совершить неконтролируемый поступок, запуская механизм травли). Для работы с переживанием чувства обиды мы предлагаем воспользоваться техниками саногенного мышления и асертивного поведения, которые позволят участникам (или гипотетическим участникам) буллинга научиться работать с их ожиданиями от окружающих (в рамках теории запланированного поведения) и адекватно реагировать на потенциальные угрожающие ситуации.

- Групповая зависимость и излишний педантизм, приводящий к жестким требованиям соблюдать формальные правила, требования референтной группы. Навязчиво-болезненный, невротический педантизм является общим для виктимизации и агрессии предиктором, детерминирующим попадание в буллинг-структуру. Для преодоления проблемы излишнего педантизма участников буллинга мы предлагаем

развивать эмоциональную сферу личности, социальный интеллект (снижение требовательности за счет развитого умения понимать других людей);

– Самооценка и стремление уйти от оценки. Для преодоления проблемы низкой самооценки участников буллинга и страха быть оцененными мы предлагаем использовать инструменты ассертивного поведения как способности не зависеть от внешних влияний и оценок, самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него.

Выводы по главе 2

Результаты проведенного в рамках системного подхода эмпирического исследования позволили выявить и описать личностные предикторы агрессии и виктимизации участников буллинга, а также личностные предикторы принятия роли в зарождающейся, формирующейся и зрелой буллинг-структуре.

Можно сформулировать следующие выводы:

1. Результаты иерархического кластерного анализа подтверждают существование двух устойчивых ролей в буллинг-структуре (агрессора и жертвы). С помощью множественной линейной регрессии выявлены значимые личностные предикторы виктимизации и агрессии участников буллинга, что подтверждает предположением о том, что предрасположенность к виктимизации и агрессии в буллинге не является случайной, а обусловлена специфическим набором личностных характеристик.

2. Личностные предиктивные модели виктимизации показывают, что такие качества, как демонстративность, педантичность, дистимность, тревожность и циклотимность, позитивно ассоциированы с виктимизацией. Значительным является и отрицательный вклад акцентуации «застывание», свидетельствующий о протективной природе данного качества. Анализ личностных предикторов дополнительно подтверждает, что у жертв

наблюдаются тенденции к осторожности, требовательности, а также высокой восприимчивости к моральным нормам. Эти черты характеризуют таких подростков как склонных к самокритике, замкнутых и восприимчивых к стрессовым ситуациям, что делает их уязвимыми перед обидчиками.

Эмоциональные предикторы виктимизации показывают, что у жертв буллинга наблюдается повышенная тревожность, наличие обиды и раздражительности. Таким образом, виктимизированные участники буллинга не только воспринимают социальную среду как угрожающую, но и могут прибегать к косвенной агрессии, что, в свою очередь, дополнительно провоцирует негативную реакцию со стороны обидчиков. В то же время, самооценочные показатели, такие как негативное отношение к себе, стремление уйти от оценки и завышенная самооценка, выступают в качестве дополнительных маркеров виктимизации. Низкая уверенность в собственных силах способствует замыканию жертв в себе, что усиливает их уязвимость перед булلي.

Высокие показатели социального интеллекта оказывают положительный вклад в виктимизацию. Человек, способный гибко взаимодействовать с коллективом, может оказаться объектом травли со стороны булли, воспринимающих такие качества как проявление слабости, отсутствия характера.

3. Предиктивные личностные модели агрессии в буллинге показывают, что у обидчиков важную роль играют особенности, связанные с ригидностью, импульсивностью, высокой эмоциональной устойчивостью и ориентацией на социальное одобрение. Эмоциональные и интеллектуальные предикторы агрессии показывают, что обидчики характеризуются способностью аналитически предвидеть последствия своего поведения, при этом низкие показатели в ряде субтестов социального интеллекта свидетельствуют о затруднениях в адекватном восприятии межличностных ситуаций и отражают недостаточную способность агрессоров к тонкому

анализу межличностных отношений, что, вероятно, способствует их агрессивной направленности.

Комбинация уверенности в себе, склонности к лидерству и недостаточной рефлексии может свидетельствовать о том, что агрессоры остаются «в стабильном плюсе» в буллинг-структуре, не нарушая неформальные правила, которые регулируют их поведение в коллективе.

4. Выявлено, что виктимизация в буллинге детерминирована склонностью избегать оценивания, опосредованной раздражительностью участников буллинг-структуры. При этом связь склонности избегать оценки и виктимизации неодинакова у раздраженных и не раздраженных жертв буллинга. Таким образом, для жертв буллинга в целом характерны как стремление быть оцененным, так и склонность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении, что во многом может объясняться попыткой жертв воспроизвести поведение, принятое в референтной группе, без учета других важных для обидчиков характеристик.

Мы связываем обнаруженный эффект с процессом динамического перехода участников буллинг-структуры из одной роли в другую: глубоко виктимизированная личность оспаривает свое положение и стремится к переоценке собственной личности, демонстрируя при этом раздражительность как маркер роли обидчика, которую он стремится занять.

5. Факторный анализ позволил уточнить типологию участников буллинга на основе значимых личностных качеств членов буллинг-структуры. Жертвы включают в себя следующие подтипы: «филистеры», для которых характерны личностная тревожность, потребность в поддержке и общая академическая заинтересованность; «Гамлеты», отличающиеся застенчивостью, шизотимией, индивидуализмом, сдержанностью; «пионеры», характеризующиеся положительным отношением к коллективу, гипертимностью и экзальтированностью; «хамелеоны», характеризующиеся склонностью динамически менять роль в ситуации буллинга (аналогично обидчикам). Обидчики включают подтипы: «триксеры», для которых

характерны доминантность, ориентация на игру и избегание риска; «хамелеоны», характеризующиеся стремлением быть оцененными, несформированной самооценкой, отсутствием коллективистских качеств (аналогично жертвам), склонностью менять роль в буллинге.

6. Древовидный анализ принятия решений позволил выделить древовидную структуру становления буллинга через призму принятия роли в буллинге, детерминированного личностными характеристиками. Высокая потребность в социальном одобрении предсказывает появление первого участника буллинга – обидчика («трикстера»). Субъект, стремящийся заслужить социальное одобрение, сталкивается с фрустрацией данной потребности и прибегает к агрессивным способам ее удовлетворения, становясь инициатором буллинга и создателем буллинг-структуры, первым принимая роль обидчика.

Первой жертвой обидчика становятся лица с интеллектуальными способностями ниже медианных значений («филистеры»), закрепляя формирование молодой буллинг-структуры.

По мере развития буллинг структура обогащается новыми участниками и проверяет поведенческую уверенность окружающих («Гамлеты») и их отношение к коллективу («пионеры»), становясь конкурентом традиционным группам. Буллинг-структура предлагает либо отказаться от идей коллектива, либо принять роль жертвы. Эти процессы характерны для развивающейся буллинг-структуры.

Зрелая буллинг-структура интегрирует в себя «хамелеонов» – людей, склонных динамически менять роль в ситуации буллинга. Важным предиктором на данном этапе развития буллинг-структуры становится социальный интеллект.

7. Полученные эмпирические данные подчеркивают необходимость системного подхода в предикции и профилактике. С одной стороны, выявленные личностные предикторы позволяют более точно определить группы риска (лица с выраженной тревожностью, низкой самооценкой и

высокой требовательностью к себе), с другой – указать на специфические когнитивные и личностные диспропорции, влияющие на принятие роли агрессора. Методологические особенности исследования (использование иерархического кластерного анализа, множественной линейной регрессии, факторного и древовидного анализа) демонстрируют высокую предиктивную силу полученных моделей (показатели R^2 некоторых моделей превосходят значения 0,70–0,80).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ результатов исследования личностных предикторов принятия роли в буллинг-структуре позволил сформулировать следующие выводы:

1. Выявлены операционализируемые и измеряемые личностные предикторы принятия роли в буллинг-структуре, позволяющие предсказать виктимизацию и агрессию в буллинге, а также возможность становления жертвой или обидчиком в ситуации буллинга.

2. Выделены типы жертв и обидчиков в ситуации буллинга на основе установленных групп личностных характеристик, обуславливающих виктимизацию и агрессию участников буллинга. Типы жертв: «Гамлеты» (характеризуются высокой чувствительностью, педантичностью, высоким социальным интеллектом), «хамелеоны» (склонны к динамическому изменению роли в буллинге, несформированная самооценка, высокая враждебность), «филистеры» (низкий интеллект, высокая личностная тревожность, высокая потребность в поддержке), и «пионеры» (экзальтированность и гипертимность). Типы агрессоров: «трикстеры» (импульсивность, целеустремленность, доминантность) и «хамелеоны» (динамическое изменение роли в буллинге, несформированная самооценка, высокая враждебность).

3. Доказано, что мотивационно-потребностные, самооценочные, интеллектуальные, эмоциональные, диспозиционные, индивидуально-типологические характеристики подростков выступают в качестве предикторов виктимизации и агрессии участников подросткового буллинга. Установлено неравномерное влияние на принятие роли в буллинге выделенных личностных сфер. Эмоциональная, мотивационно-потребностная и диспозиционная сферы личности вносят наибольший вклад в принятие роли жертвы в буллинг-структуре. Эмоциональная, интеллектуальная и самооценочная сферы личности вносят наибольший вклад в принятие роли обидчика в буллинг-структуре. Наименьший вклад в

принятие роли жертвы вносят самооценочная, индивидуально-типологическая и интеллектуальная сферы личности. Наименьший вклад в принятие роли обидчика вносят мотивационно-потребностная, диспозиционная и индивидуально-типологическая сферы личности.

4. Показано, что влияние склонности избегать оценки на виктимизацию жертв буллинга опосредуется раздражительностью подростков. В целом, жертвам буллинга присущи как стремление к оценке, так и склонность к проявлению негативных эмоций при малейшем возбуждении. Однако виктимизированные подростки, не проявляющие грубость или вспыльчивость, стремятся избегать оценивания.

5. Получена древовидная модель, предсказывающая принятие подростками роли в буллинге на основе их личностных характеристик. Высокая потребность в социальном одобрении предсказывает склонность подростков занимать роль агрессора, тогда как интеллект ниже среднего, низкие показатели самоуверенности в поведении, положительное отношение к коллективу и высокий социальный интеллект предсказывают склонность подростков занимать роль жертвы. Низкий социальный интеллект предсказывает склонность подростков занимать роль агрессора. Полученные результаты могут быть систематизированы в рамках ключевых положений социально-когнитивной теории и, в частности, теории запланированного поведения И. Айзена.

Перспективы дальнейшего исследования предполагают изучение личностных предикторов принятия роли защитников и пассивных наблюдателей в буллинг-структуре в лонгитюдной перспективе и обогащение древовидной модели становления буллинг-структуры через призму интеграции в буллинг обидчиков, жертв и их защитников с выделением типов и подтипов защитников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, А. И. Буллинг как вызов современной школе / А. И. Аверьянов. – Текст : непосредственный // Сборник научных трудов SWorld. – 2013. – Т. 18. – № 1. – С. 45 – 50.
2. Акимушкин, И. И. Проблемы этологии / И. И. Акимушкин. – Москва : Молодая гвардия, 1985. – 194 с. – Текст : непосредственный.
3. Александровская, Э. М. Адаптированный модифицированный вариант детского личностного вопросника Р. Кеттелла : Метод. рекомендации / Э. М. Александровская, И. Н. Гильяшева. – [2-е изд.]. – Москва : Фолиум, 1995. – 34, [4] с.; 20 см. – (Психодиагностика детей и подростков : Научно-методическая серия; Вып. 6). – Текст : непосредственный.
4. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания : избран. психол. тр. / Б. Г. Ананьев ; под ред. А. А. Бодалева ; Рос. акад. образования, Моск. психол.–социал. ин–т. – Москва : Моск. психол.–социал. ин–т [и др.], 2005. – 431 с. – Текст : непосредственный.
5. Андронникова, О. О. Виктимное поведение подростков : факторы возникновения и профилактика / О. О. Андронникова. – Новосибирск : Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский гуманитарный институт», 2005. – 300 с. – Текст : непосредственный.
6. Аристотель. Риторика; перевод с древнегреческого Н. Н. Платоновой. – Москва : АСТ, 2019. – 352 с. – Текст : непосредственный.
7. Асмолов, А. Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности : дис. ... док. психол. наук / Асмолов Александр Григорьевич. – Москва, 1996. – 141 с. – Текст : непосредственный.
8. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – 320 с. – Текст : непосредственный.

9. Бассин, Ф. В. Тяжкое время легких аналогий / Ф. В. Бассин. – Текст : непосредственный // Диалоги: Полемические статьи о последствиях развития современной науки. – Москва : Политиздат, 1979. – С. 22 – 30.
10. Большунова, Н. Я. Многообразие функций эмпатии в контексте различных симптомо-комплексов личности / Н. Я. Большунова, А. В. Ульянов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49). – С. 223-227. – Текст непосредственный.
11. Буллинг в подростковой среде / А. И. Селифанова, Л. А. Мартиросян, О. В. Захарова, Е. К. Абдулина. // Перспективы развития науки и образования : сборник научных трудов по материалам международной научно–практической конференции, Тамбов, 30 декабря 2017 года. Том Часть 1. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. – С. 104–105. – Текст : непосредственный.
12. Бурлачук, Л. Ф., Духневич, В. Н. Акцентуации личности: что диагностируем? / Л. Ф. Бурлачук, В. Н. Духневич. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1998. – №2. – С. 136–144.
13. Бушина, Е. В., Муминова, А. М. Адаптация русскоязычной версии опросника Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» / Е. В. Бушина, А. М. Муминова. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 197–216.
14. Быковская, Е. Ф. Педагогическое насилие: теория и практика / Е. Ф. Быковская. – Текст : непосредственный // Философия образования. – 2006. – №1. – С. 221–229.
15. Вихман, А. А. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте / А. А. Вихман. – Текст : непосредственный // Психология и право. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 94–106.
16. Волкова, Е. Н. Психология подросткового буллинга / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова. – Нижний Новгород : федеральное государственное

- бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2021. – 206 с. – Текст непосредственный.
- 17.Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. Педология подростка / Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1982. – С. 5–242. – Текст : непосредственный.
- 18.Гапонова, С. А. Психологические компоненты компетенции саморегуляции у девиантных подростков / С. А. Гапонова, И. Н. Девятьярова. – Текст непосредственный // Известия Российской академии образования. – 2014. – № 2 (30). – С. 124–134.
- 19.Глазман, О. Л. Психологические особенности участников буллинга / О. Л. Глазман. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 105. – С. 159–165.
- 20.Гришина, Т. Г. Социально-психологические факторы ролевого поведения подростков в ситуации буллинга : дис. ... канд. психол. наук / Гришина Татьяна Геннадьевна. – Москва, 2021. – 208 с. – Текст : непосредственный.
- 21.Гусейнова, Е. А. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку / Е. А. Гусейнова, С. Н. Ениколопов. – Текст непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 6. – № 2. – С. 246–256.
- 22.Дементий, Л. И. Типологические особенности подростков – жертв школьного буллинга / Л. И. Дементий, Е. М. Федяева. – Текст : непосредственный // Саморегуляция личности в контексте жизнедеятельности : Материалы Всероссийской научно–практической конференции с международным участием, Омск, 05–06 октября 2017 года / Главный редактор Л. И. Дементий. Ответственный редактор А. Ю. Маленова. – Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – 2017. – С. 64–67.

23. Журавлев, А. Л. Коллективная агрессия в подростковой среде: социально–психологические детерминанты / А. Л. Журавлев. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 2017. – № 5. – С. 34–42.
24. Завражин, С. А. Невротический стыд как предиктор буллинга в образовательных организациях / С. А. Завражин. – Текст : непосредственный // Башкатовские чтения: "Психология притеснения и деструктивного поведения в детско–подростковой среде": материалы шестнадцатой Всероссийской научно–практической конференции посвященной памяти доктора педагогических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Ивана Павловича Башкатова, Коломна, 25 марта 2016 года. Коломна: Государственный социально–гуманитарный университет. – 2016. – С. 3–5.
25. Завражин, С. А. Организация социально–педагогической помощи семье подростка – жертвы школьного буллинга / С. А. Завражин. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2014. – Т. 18. – № 37. – С. 105–112.
26. Зайцев, Ю. А. Стандартизация методик диагностики тревожности Ч. Спилбергера – Ю. Ханина и Дж. Тейлор / Ю. А. Зайцев, А. А. Хван. – Текст : непосредственный // Психологическая диагностика. – 2011. – № 3. – С. 19–34.
27. Зобков, А. В. Акмеология саморегуляции учебной деятельности / А. В. Зобков. – Владимир–Санкт–Петербург : Владимирский государственный университет, 2013. – 320 с. – Текст : непосредственный.
28. Зобков, А. В. Психологические предикторы принятия подростками роли жертвы или обидчика в ситуации школьного буллинга / А. В. Зобков, И. А. Сухарев. – Текст : непосредственный // Перспективы науки и образования. – 2025. – Т. 2. – № 74. – С. 477–495.

- 29.Зобков, В. А. Психология отношения и личности учащегося / В. А. Зобков. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 1992. – 163 с. – Текст : непосредственный.
- 30.Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. / Перев. с англ. – Санкт-Петербург : Издательство «Питер», 1999. – 464 с. – Глава 15. – С. 346. – Текст : непосредственный.
- 31.Ильин, Е. П. Психология агрессивного поведения / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 368 с. – Текст : непосредственный.
- 32.Капустина, А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла : учеб.-метод. пособие / А. Н. Капустина. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 97 с. – (Практикум по психодиагностике). – Текст : непосредственный.
- 33.Карпов, А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности : Монография / А. В. Карпов. – Москва : Институт психологии РАН, 2004. – 424 с. – Текст : непосредственный.
- 34.Клейберг, Ю. А. Психология девиантного поведения : Учебное пособие для вузов / Ю. А. Клейберг. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2001. – 160 с. – Текст : непосредственный.
- 35.Клейберг, Ю.А. Буллинг: психологическое и дидактическое насилие / Ю. А. Клейберг. – Текст : непосредственный // Психология и педагогика кризисов саморазвития личности: Коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра. – 2018. – С. 56–65.
- 36.Колмогорцева, А. А. Психологические предикторы и "протекторы" интернет-зависимости студенческой молодежи / А. А. Колмогорцева, Е. А. Рыльская. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2022. – Т. 24. – № 5. – С. 122–146.
- 37.Кон, И. С. Мальчик – отец мужчины / И. С. Кон. – Москва : Время, 2009. – 702 с. – Текст : непосредственный.

- 38.Кон, И. С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры / И. С. Кон. // Социальная психология личности. – Москва : Наука, 1979. – С. 85–113. – Текст : непосредственный.
- 39.Кондаков, И. М. Методика для изучения мотивационных особенностей школьников / И. М. Кондаков. – Текст : непосредственный // Журнал прикладной психологии. – 1998. – № 4. – С. 99–113.
- 40.Коннелл, Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика / Р. Коннел. // пер. с англ. Т. Барчунова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 432 с. – Текст : непосредственный.
- 41.Конопкин, О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно–функциональный аспект) / О. А. Конопкин. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5–12.
- 42.Кортнева, Ю. Диагностика актуальной проблемы / Ю. Кортнева. – Москва : Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. – 240 с. – Текст : непосредственный.
- 43.Кошенова, М. И. Моббинг как маркер системного неблагополучия современного российского общества? / М. И. Кошенова. – Текст : непосредственный // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное : Монография / Под научной редакцией О.А. Белобрыкиной. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2017. – С. 53–69.
- 44.Левитов, Н. Д. Психическое состояние агрессии / Н. Д. Левитов. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1972. – №6. – С. 168–173.
- 45.Лейн, Д. А. Школьная травля (буллинг) / Д. А. Лейн. – Текст : непосредственный // Детская и подростковая психотерапия / Под ред. Д. Лейна и Э. Миллера. – Санкт-Петербург : Питер. – 2001. – С. 240–274.

- 46.Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – Москва : Изд-во: МГУ, 1981. – 584 с. – Текст : непосредственный.
- 47.Михайлова, Е. С. Социальный интеллект : концепции, модели, диагностика / Е. С. Михайлова. – Санкт-Петербург : изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – 264 с. – Текст : непосредственный.
- 48.Мясищев, В. Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / В. Н. Мясищев. // Под ред. Бодалева А. А. – Москва : Модэк МПСИ, 2004. – 158 с. – Текст : непосредственный.
- 49.Нурбакова, М. С. Особенности социального и эмоционального интеллекта участников буллинга (на примере школьного коллектива) / М. С. Нурбакова. – Текст : непосредственный // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 1 – 6. – С. 102–104.
- 50.Обухова Ю.В., Гурьева В.О. Образ сверстника – жертвы буллинга у школьников с разной выраженностью виктимного поведения / Ю. В. Обухова, В. О. Гурьева. – Текст : непосредственный // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 2. С. 118–134.
- 51.Одинцова, М. А. Ролевая виктимность в поведении подростков из социально незащищенных семей / М. А. Одинцова. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 3. – С. 90–100.
- 52.Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Русский язык, 1993. – 955 с. – Текст : непосредственный.
- 53.Ольшанская, Е. В. Подростковая агрессия как фактор социальной адаптации: дис. ... канд. психол. наук / Ольшанская Екатерина Вячеславовна; Москва, 2000. – 135 с. – Текст : непосредственный.

- 54.Перлз, Ф. С. Эго, голод и агрессия / Ф. С. Перлз [пер. с англ. Н. Б. Кедровой, А. Н. Кострикова]; под ред. Д. Н. Хломова. – [2-е стер. изд.]. – Москва : Смысл, 2005. – 358 с. – Текст : непосредственный.
- 55.Петровский, А. В. Личность в психологии с позиций системного подхода / А. В. Петровский. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1981. – № 1. – С. 57–66.
- 56.Петросянц, В. Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость : дис. ... канд. Психол. наук / Петросянц Виолетта Рубеновна. – Санкт-Петербург, 2011. – 210 с. – Текст : непосредственный.
- 57.Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – Москва : Просвещение, 1994. – 659 с. – Текст : непосредственный.
- 58.Платонов, К. К. Индивидуальные особенности психического и соматического развития и их роль в управлении деятельностью человека : [Тез. докл. всесоюз. симпоз., Пермь, 25-27 мая 1982 г. / Под ред. В. В. Белоуса и др.] / К. К. Платонов. – Пермь : Б. и., 1982. – 155 с. – Текст : непосредственный.
- 59.Пономарев, В. И. Исследование акцентуаций характера участников буллинга в контингенте подростков регионального социального заведения для несовершеннолетних / В. И. Пономарев. – Текст : непосредственный // Мир медицины и биологии. – 2013. – Т 9. – № 3 – 1 (39). – С. 126–130.
- 60.Прогрессивные матрицы Равена: методические рекомендации /сост. и общая редакция О. Е. Мухордовой, Т. В. Шрейбер. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 70 с. – Текст : непосредственный.
- 61.Рубинштейн, С. Л. Избранные философско–психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии / С. Л. Рубинштейн ; Институт психологии Российской академии наук. – Москва : Наука, 1997. – 463 с. – Текст : непосредственный.

- 62.Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2013. – 705 с. – Текст : непосредственный.
- 63.Румянцева, Т. Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии / Т. Г. Румянцева. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1991. – №1. – С. 81–87.
- 64.Савиных, М. В. Личностные предикторы агрессивного поведения подростков в условиях образовательной среды / М. В. Савиных. – Текст : непосредственный // Сибирский психологический журнал. – 2021. – № 78. – С. 102–115.
- 65.Самохвалова, А. Г. Коммуникативные трудности подростков и способы совладания с ними в условиях социальной депривации / А. Г. Самохвалова. – Текст : непосредственный // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9. – № 49. – С. 5.
- 66.Сафронова, А. А. Взаимосвязь проявления буллинга и социального интеллекта в подростковом возрасте / А. А. Сафронова. – Текст : непосредственный // Векторы психологии – 2020 : Психолого–педагогическое сопровождение личности в современной образовательной среде : международная научно–практическая конференция, Гомель, 25 июня 2020 года. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины. – 2020. – С. 79–83.
- 67.Сенека, А. М. О стойкости мудреца / А. М. Сенека. Эпиктет ; перевод Т. Бородай, С. Роговина, В. Чертнова. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 432 с. – Текст : непосредственный.
- 68.Сергиенко, Е. А. Контроль поведения как основа саморегуляции / Е. А. Сергиенко. – Текст : непосредственный // Южно–российский журнал социальных наук. – 2018. – Т. 19. – № 4. – С. 130–146.
- 69.Симановский, А. Э. Воспитание ребенка-дошкольника в семье: опасность формирования виктимного поведения / А. Э. Симановский. –

- Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 2 (131). – С. 27–35.
- 70.Симановский, А. Э. Чувство вины, как проявление виктимного поведения ребенка / А. Э. Симановский. – Текст : непосредственный // Современное дошкольное образование: Ребенок, семья, педагог : Сборник научных трудов / Под научной редакцией В.Н. Белкиной. Том I. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2022. – С. 55–59.
- 71.Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. Цифровая социализация и кибербуллинг: культурно–исторический анализ / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова. – Текст : непосредственный // Культурно–историческая психология. – 2018. – Т. 14. – № 3. – С. 5–14.
- 72.Смирнов, А. А. Диагностика и профилактика деструктивного поведения и оптимизация социальной адаптации студентов вуза / А. А. Смирнов, А. А. Карпов, Д. А. Смирнов, Е. В. Соловьева. – Текст непосредственный // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 6(60). – С. 384–402.
- 73.Сухарев, И. А. Индивидуально-типологические предикторы виктимизации участников школьного буллинга / И. А. Сухарев. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2023. – № 5. – С. 405–411.
- 74.Сухарев, И. А. Интеллектуальные предикторы агрессии участников школьного буллинга / И. А. Сухарев. – Текст : непосредственный // Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация : материалы XII Международной научно-практической конференции, Владимир, 24 марта 2023 года. – Владимир: Издательско-полиграфическая компания "Транзит-ИКС". – 2023. – С. 155–160.
- 75.Сухарев, И. А. Мотивационно-потребностные предикторы виктимизации подростков в буллинге / И. А. Сухарев. – Текст : непосредственный // Инновационные технологии в комплексной

- абилитации и реабилитации лиц с ОВЗ и инвалидностью: проблемы и перспективы : Материалы международной научно-практической конференции, Владимир, 31 мая 2024 года. – Владимир: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых". – 2024. – С. 151–159.
76. Сухарев, И. А. Самооценочные предикторы агрессии участников школьного буллинга / И. А. Сухарев, А. В. Зобков. – Текст : непосредственный // Научное мнение. – 2024. – № 5. – С. 46–52.
77. Сухарев, И. А. Самооценочные предикторы виктимизации участников школьного буллинга / И. А. Сухарев. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2022. – № 49 (68). – С. 144–153.
78. Сухарев, И. А. Эмоциональные предикторы агрессии участников школьного буллинга / И. А. Сухарев. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2023. – № 3. – С. 239–244.
79. Сухарев, И. А. Эмоциональные предикторы виктимизации участников школьного буллинга / И. А. Сухарев. – Текст : непосредственный // Научное мнение. – 2022. – № 7 – 8. – С. 114–121.
80. Тарасова, С. Ю., Осницкий, А. К., Ениколопов, С. Н. Социально–психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности / С. Ю. Тарасова, А. К. Осницкий, С. Н. Ениколопов. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2016. – Т. 8. – № 4. – С. 102–116.
81. Фабри, К. Э. Основы зоопсихологии: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Психология», «Биология», «Зоология» и «Физиология» / К. Э. Фабри. – 3–е изд. –

- Москва : Российское психологическое общество, 1999. – 464 с. – Текст : непосредственный.
- 82.Фельдштейн, Д. И. Психология развивающейся личности : избранные психологические труды / Д. И. Фельдштейн. – Москва ; Воронеж: Институт практической психологии : НПО «Модек», 1996. – 512 с. – Текст : непосредственный.
- 83.Фельдштейн, Д. И. Человек в современном мире – тенденции и потенциальные возможности развития / Д. И. Фельдштейн. – Текст : непосредственный // Образование и наука. Известия УрО РАО. – 2008. – Т. 3. – № 51. – С. 3–11.
- 84.Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности = Anatomie der menschlichen Destruktivität (1973) / Э. Фромм. // Пер. с англ. Э. М. Телятникова; Вступ. ст. П. С. Гуревич. – Москва : АСТ, Хранитель, Мидгард, 2007. – 624 с. – Текст : непосредственный.
- 85.Хван, А. А., Зайцев, Ю. А., Кузнецова, Ю. А. Стандартизированный опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки: метод. рекомендации / А. А. Хван, Ю. А. Зайцев, Ю. А. Кузнецов // Кузбас. гос. пед. акад., Фак. пед. и психологии, Лаб. психол. исслед. Кемерово: КРИПКиПРО, 2006. – 68 с. (Практикум по психодиагностике). – Текст : непосредственный.
- 86.Холличер, В. Человек и агрессия / В. Холличер. – Москва : Прогресс, 1975. – 142 с. – Текст : непосредственный.
- 87.Шадриков, В. Д. Вопросы психологической теории способностей / В. Д. Шадриков. – Текст : непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 7. – № 3. – С. 41–56.
- 88.Шопенгауэр, А. Искусство побеждать в спорах ; Мысли / Артур Шопенгауэр ; перевод с немецкого Н. д'Андре, Ф. Черниговца. – Москва : АСТ, 2021. – 285, [2] с. – Текст : непосредственный.
- 89.Щипанова, Д. Е., Беспалова, К. А., Килякова, М. А. Психологическое насилие в образовательной среде как фактор социального риска /

- Д. Е. Щипанова, К. А. Беспалова, М. А. Килякова. – Текст : непосредственный // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2014. – № 3 (3). – С. 135–136.
- 90.Экман, Пол. Муки совести // Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. = Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage / П. Экман. // переводчики: Н. Исупова, Н. Мальгина, Н. Миронов, О. Терехова. – Санкт-Петербург : Питер, 2013. – 304 с. – Текст : непосредственный.
- 91.Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – Москва : Педагогика, 1989. – 460 с. – Текст : непосредственный.
- 92.Эльконин, Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д. Б. Эльконин. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – Москва : Педагогика. – 1971. – № 4. – С. 6–20.
- 93.Ajzen, I. The theory of planned behavior / I. Ajzen // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 1991. – Vol. 50. – № 2. – P. 179–211.
- 94.Álvarez, C., & Szücs, D. The relation of school achievement with self-esteem and bullying in Chilean children / C. Álvarez, D. Szücs // Current Psychology. – 2023. – Vol. 42 (27). – P. 23480–23494.
- 95.Anderson, C. A., Bushman B. J. Human aggression / C. A. Anderson, B. J. Bushman // Annual Review of Psychology. – 2002. – Vol. 53. – P. 27–51.
- 96.Arora, C. M. J. Measuring bullying with the life in School checklist / C. M. J. Arora // Patoral Care in Education. – 1994. – № 12. – P. 11–15.
- 97.Babarro, I. Risk and Protective Factors for Bullying at 11 Years of Age in a Spanish Birth Cohort Study / I. Babarro, A. Andiarena, E. Fano, N. Lertxundi, M. Vrijheid, J. Julvez, F. Barreto, S. Fossati, J. Ibarluzea // Int J Environ Res Public Health. – 2020. – Vol. 17 (12). – P. 4428.
- 98.Berkowitz, L. Aggression: Its causes, consequences, and control / L. Berkowitz. – N. Y. : McGraw–Hill, 1993. – 480 p.

99. Besag, V. E. Bullies and victims in schools / V. E Besag. – Milton Keynes [England] ; Philadelphia : Open University Press, 1989. – 236 p.
100. Blair, R. J. R. A cognitive developmental approach to morality: investigating the psychopath / R. J. R. Blair // *Cognition*. – 1995. – Vol. 57. – № 1. – P. 29.
101. Bronfenbrenner, U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design / U. Bronfenbrenner. – Cambridge, MA : Harvard University Press. – 1996. – 356 p.
102. Bütün Ayhan, A., Beyazıt, U., & Yurdakul, Y. An Examination of the Relationship Between Peer Bullying and Academic Motivation in Secondary School Students / A. Bütün Ayhan, U. Beyazıt, Y. Yurdakul // *International Conference on Social Sciences in the 21st Century*, Amsterdam, Hollanda, 12 – 14 Temmuz. – 2019. – P. 54–64.
103. Caputo, A. Psychological Correlates of School Bullying Victimization: Academic Self–concept, Learning Motivation and Test Anxiety / A. Caputo // *International Journal of Educational Psychology*. – 2014. – Vol. 3 (1). – P. 69–99.
104. Choi, B., & Park, S. Bullying Perpetration, Victimization, and Low Self–esteem: Examining Their Relationship Over Time / B. Choi, S. Park // *Journal of Youth and Adolescence*. – 2021. – Vol. 50 (4). – P. 739–752.
105. Chu, X. W. Does bullying victimization really influence adolescents' psychosocial problems? A three–wave longitudinal study in China / X. W. Chu, C. Y. Fan, S. L. Lian, Z. K. Zhou // *J Affect Disord*. – 2019. – Vol. 246. – P. 603–610.
106. Chu, X. W., Fan, C. Y., Liu, Q. Q., Zhou, Z. K. Stability and change of bullying roles in the traditional and virtual context: A three way longitudinal study in Chinese early adolescents / X. W. Chu, C. Y. Fan, Q. Q. Liu, Z. K. Zhou // *Journal of Youth and Adolescence*. – 2018. – Vol. 47. – P. 2384–2400.

107. Cook, C. R., Williams, K. R., Guerra, N. G., Kim, T. E., Sadek, S. Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation / C. R. Cook, K. R. Williams, N. G. Guerra, T. E. Kim, S. Sadek // *School Psychology Quarterly*. – 2010. №. 25. – P. 65–83.
108. Crick, N. R., Dodge, K. A. A review and reformulation of social information-processing mechanisms in children's social adjustment / N. R. Crick, K. A. Dodge // *Psychological Bulletin*. – 1994. – Vol. 115. – № 1. – P. 74–101.
109. Davis, A. C., Farrell, A. H., Brittain, H., Krygsman, A., Arnocky, S., & Vaillancourt, T. The dark triad and bullying in adolescence: A three-wave random intercept cross-lagged panel analysis / A. C. Davis, A. H. Farrell, H. Brittain, A. Krygsman, S. Arnocky, T. Vaillancourt // *Journal of Research in Personality*. – 2022. – Vol. 96. – P. 104–178.
110. Doaa, M. Bachi, Nuha, S. Kadhim, Mohammed Talib Abed. Effects of Bullying on Pupil's Self Esteem in Al-Basra Primary Schools / M. Doaa, Bachi, S. Nuha, Kadhim, Mohammed Talib Abed // *Medico Legal Update*. – 2021. – Vol. 21. – № 2.
111. Dollard, J., Milier, N. E., Doob, L. M. et al. Frustration and aggression / J. Dollard, N. E. Milier, L. M. Doob et al. – New Haven, CT: Yale University Press, 1939. – 228 p.
112. Eibl-Eibesfeldt, I. Krieg und Frieden aus der Sicht der Verhaltensforschung / I. Eibl-Eibesfeldt. – Piper. – 1975. – P. 111–121.
113. Eibl-Eibesfeldt, I. Evolution of destructive aggression / I. Eibl-Eibesfeldt // *Aggressive Behavior*. – 1977. – Vol. 3. – № 2. – P. 127–144.
114. Erdogdu, Y. M. Parental Attitude and Teacher Behaviours in Predicting School Bullying / Y. M. Erdogdu // *Journal of Education and Training Studies*. – 2016. – Vol. 4. – № 6.
115. Estévez E., Estévez-García F., Segura L., Suárez C. The influence of bullying and cyberbullying in the psychological adjustment of victims and

- aggressors in adolescence / E. Estévez, F. Estévez-García, L. Segura, C. Suárez // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol. 16. – № 12.
116. Farmer, T. W., Xie, H. Aggression and school social dynamics: The good, the bad, and the ordinary / T. W. Farmer, H. Xie // Journal of School Psychology. – 2007. – № 45. – P. 461–478.
117. Finkelhor, D., Ormrod, R., Turner, H., Hamby, S. L. The victimization of children and youth: a comprehensive, national survey / D. Finkelhor, R. Ormrod, H. Turner, S. L. Hamby // Child Maltreatment. – 2005. – № 10. – P. 5–25.
118. Galton, F. Psychometric experiments / F. Galton // Brain. – 1879. – Vol. 2. – P. 149–162.
119. Garandeau, C. F., Lee, I. A., Salmivalli, C. Decreases in bullying following increases in bystander intervention: A longitudinal analysis of a school-wide program / C. F. Garandeau, I. A. Lee, C. Salmivalli // Child Development. – 2022. – Vol. 93. – № 2. – P. 107–123.
120. Goodboy, A. K., Martin, M. M., & Bolkan, S. Workplace Bullying and Work Engagement: A Self-Determination Model / A. K. Goodboy, M. M. Martin, S. Bolkan // Journal of Interpersonal Violence. – 2020. – Vol. 35 (21 – 22). – P. 4686–4708.
121. Gottfredson, M. R., Hirschi, T. A general theory of crime / M. R. Gottfredson, T. Hirschi. – Stanford : Stanford University Press, 1990. – 297 p.
122. Hall, G. Stanley Adolescence: its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education / G. Hall. – New York: D. Appleton and Company, 1904. – 622 p.
123. Hazler, R. J. Breaking the cycle of violence: interventions for bullying and victimization / R. J. Hazler. – Washington, DC : Accelerated Development, 1996. – P. 131.

- 124.Heald, T. R. Defining Bullying: Towards a Clearer General Understanding and More Effective Intervention Strategies / T. R. Heald // School Psychology International. – 1996. – № 17. – P. 317–329.
- 125.Health behavior in school-aged children (HSBC) study: International report from the 2009/2010 survey. № 6. Health Policy for Children and Adolescents / Curries C. [et al.]. – Copenhagen: WHO Regional office in Europe. – 2012. – 272 p.
- 126.Heinemann, P.–P. Mobbing – über Gruppengewalt bei Kindern. / P.–P. Heineman. – Stockholm : Natur och Kultur, 1972. – 174 c.
- 127.Hertinjung, W. S., Susilowati, & Wardhani, I. radna. Profil Kepribadian 16 Pf Pelaku Dan Korban Bullying / W. S. Hertinjung, Susilowati, I. Wardhani // Seminar Nasional Psikologi Iislam. – 2012. – P. 190–199.
- 128.Hidajat, H. G., Pratiwi, I., Rahmi, Y., & Putri, R. D. Motivasi Akademik dalam Self-compassion untuk Meminimalisir Perilaku Bullying / H. G. Hidajat, I. Pratiwi, Y. Rahmi, R. D. Putri // Flourishing Journal. – 2023. – Vol. 2. – № 9. – P. 605–615.
- 129.Hong, J. S., Lee, J., Thornberg, R., Peguero, A. A., Washington, T., & Voisin, D. R. Social-ecological pathways to school motivation and future orientation of African American adolescents in Chicago / J. S. Hong, J. Lee, R. Thornberg, A. A. Peguero, T. Washington, D. R. Voisin // Journal of Educational Research. – 2020. – Vol. 113. – № 5. – P. 384–395.
- 130.Hussein, A. Cyberbullying through social media and its relationship to achievement motivation among adolescent students / A. Hussein // International Journal of Instructional Technology and Educational Studies. – 2022. – Vol. 3. – № 3. – P. 1–10.
- 131.Jueajinda, S., Stiramon, O., & Ekpanyaskul, C. Social intelligence counseling intervention to reduce bullying behaviors among thai lower secondary school students: A mixed-method study / S. Jueajinda, O. Stiramon, C. Ekpanyaskul // Journal of Preventive Medicine and Public Health. – 2021. – Vol. 54. – № 5. – P. 340–351.

- 132.Kaukiainen, A., Salmivalli, C., Lagerspetz, K., Tamminen, M., Vauras, M., Mäki, H., & Poskiparta, E. Learning difficulties, social intelligence, and self-concept: Connections to bully-victim problems / A. Kaukiainen, C. Salmivalli, K. Lagerspetz, M. Tamminen, M. Vauras, H. Mäki, E. Poskiparta // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 2002. – Vol. 43. – № 3. – P. 269–278.
- 133.Kljakovic, M. A meta-analysis of predictors of bullying and victimization in adolescence / M. Kljakovic, C. Hunt // *Journal of Adolescence*. – 2016. – Vol. 49. – P. 134–145.
- 134.Kochel K.P. Bully/Victim Profiles' Differential Risk for Worsening Peer Acceptance: The Role of Friendship / K. P. Kochel, G. W. Ladd, C. L. Bagwell, B. A. Yabko // *The Journal of Applied Psychology*. – 2015. – Vol. 41. – P.38–45.
- 135.Kwak, K., Lee, C. *Bullying at School: Situation and Characteristics* / K. Kwak, C. Lee. – Seoul: A-San Foundation Press, 1999.
- 136.Little, T. D., Brauner, J., Jones, S. M., Nock, M. K., Hawley, P. H. Rethinking aggression: A typological examination of the functions of aggression / T. D. Little, J. Brauner, S. M. Jones, M. K. Nock, P. H. Hawley // *Merrill-Palmer Quarterly*. – 2003. – Vol. 49. – № 3. – P. 343–369.
- 137.Liu, T. L., Guo, N. W., Hsiao, R. C., Hu, H. F., Yen, C. F. Relationships of bullying involvement with intelligence, attention, and executive function in children and adolescents with attention-deficit/hyperactivity disorder / T. L. Liu, N. W. Guo, R. C. Hsiao, H. F. Hu, C. F. Yen // *Res Dev Disabil*. – 2017. – Vol. 70. – P. 59–66.
- 138.Lorenz, K. Z. *King Solomon's ring. New light on animal ways* / K. Z. Lorenz. Tr. by Majory Kerr Wilson. – N.Y. : Harper & Row, 1979. – 228 p.
- 139.Lorenz, K. Z. *On aggression* / K. Z. Lorenz. Tr. by Majory Kerr Wilson. – N.Y. : Routledge, 1967.– 304 p.

140. Mitsopoulou, E., Giovazolias, T. Personality traits, empathy and bullying behavior: A meta-analytic approach / E. Mitsopoulou, T. Giovazolias // *Aggression and Violent Behavior*. – 2015. – Vol. 21. – P. 61–72.
141. Modecki, K. L., Barber, B. L., Vernon, L. Mapping developmental precursors of cyberaggression: Trajectories of risk predict perpetration and victimization / K. L. Modecki, B. L. Barber, L. Vernon // *Journal of Youth and Adolescence*. – 2013. – № 42. – P. 651–661.
142. Moffitt, T. E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy / T. E. Moffitt // *Psychological Review*. – 1993. – Vol. 100. – № 4. – P. 674–701.
143. Nansel, T. R., Overpeck, M. D., Pilla, R. S., Ruan, W. J., Simons-Morton, B., Scheidt, P. Bullying behavior among U.S. youth: Prevalence and association with psychological adjustment / T. R. Nansel, M. D. Overpeck, R. S. Pilla, W. J. Ruan, B. Simons-Morton, P. Scheidt // *Journal of the American Medical Association*. – 2001. – № 285. – P. 2094–2100.
144. Nie, Q. Longitudinal Link Between Bullying Victimization and Bullying Perpetration: A Multilevel Moderation Analysis of Perceived School Climate / Q. Nie, C. Yang, M. Stomski, Z. Zhao, Z. Teng, C. Guo // *J Interpers Violence*. – 2022. – Vol. 37. – P. 13–14.
145. Nielsen, M. B., Glasø, L., & Einarsen, S. Exposure to workplace harassment and the Five Factor Model of personality: A meta-analysis / M. B. Nielsen, L. Glasø, S. Einarsen // *Personality and Individual Differences*. Elsevier Ltd. – 2017. – Vol. 104. – P. 195–206.
146. Olweus, D. Bullying at school: what we know and what we can do / D. Olweus. – NY : Blackwell, 1993. – 152 p.
147. Pabian, S., Vandebosch, H. Developmental trajectories of cyber (bullying) perpetration and social intelligence during early adolescence / S. Pabian, H. Vandebosch // *Journal of Early Adolescence*. – 2016. – Vol. 36. – № 2. – P. 145–170.

148. Pardede, J. A., Huda, A., Saragih, M., & Simamora, M. Verbals bullying related to self-esteem on adolescents / J. A. Pardede, A. Huda, M. Saragih, M. Simamora // *Jendela nursing journal*. – 2021. – Vol. 5 (1). – P. 16–22.
149. Paulhus, D. L., Williams, K. M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy / D. L. Paulhus, K. M. Williams // *Journal of Research in Personality*. – 2002. – Vol. 36. – № 6. – P. 556–563.
150. Pertiwi, C. Kecenderungan perilaku bullying ditinjau dari tipe kepribadian big five / C. Pertiwi // *American Journal of Psychology*. – 2019. – Vol. 2. – №. 1. – P. 79–90.
151. Pratiwi, M. P., Setiady, I., & Fitriani, N. Hubungan kejadian bullying dengan self esteem (harga diri) dan resiliensi pada remaja / M. P. Pratiwi, I. Setiady, N. Fitriani // *Alauddin Scientific Journal of Nursing*. – 2021. – Vol. 2(2). – P. 84–92.
152. Repetti, R. L., Robles, T. F., Reynolds, B. Allostatic processes in the family / R. L. Repetti, T. F. Robles, B. Reynolds // *Development and Psychopathology*. – 2010. – Vol. 23. – № 3. – P. 921–938.
153. Resurrección, D. M., Salguero, J. M., Ruiz–Aranda, D. Emotional stability and bullying perpetration in adolescence: The mediating role of social dominance orientation / D. M. Resurrección, J. M. Salguero, D. Ruiz–Aranda // *Journal of Interpersonal Violence*. – 2022. – Vol. 37. – № 1 – 2. – P. 3–23.
154. Robers, S., Zhang, J., Truman, J., Snyder, T. D. Indicators of school crime and safety / S. Robers, J. Zhang, J. Truman, T. D. Snyder. – Bureau of Justice Statistics. – 2010. – URL: <http://nces.ed.gov/pubs2011/2011002.pdf> (дата обращения: 07.03.2020).
155. Roland, E. Bullying: the Scandanavian research tradition / E. Roland // *Bullying in Schools* / in D. P. Tattum and D. A. Lane (eds). – Stoke-on-Trent : Trentham, 1988. – P. 21–32.
156. Saimon, Y., Doi, S., & Fujiwara, T. No moderating effect of coping skills on the association between bullying experience and self-esteem: Results

- from K–CHILD study / Y. Saimon, S. Doi, T. Fujiwara // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13.
157. Salmivalli, C. Bullying and the peer group: A review / C. Salmivalli // *Aggression and Violent Behavior*. – 2010. – Vol. 15. – № 2. – P. 112–120.
158. Saniya, S. Dampak perilaku bullying terhadap harga diri (self esteem) remaja di pekanbaru / S. Saniya // *Jurnal Keperawatan Abdurrahman*. – 2019. – Vol. 3. – № 1. – P. 8–16.
159. Schoeler, T., Choi, S. W. S., Dudbridge, F., Baldwin, J., Duncan, L., Cecil, C. A. M., Walton, E., Viding, E., Mccrory, E. J., Pingault, J.-B. Multi-Polygenic Score Approach to Identifying Individual Vulnerabilities Associated with the Risk of Exposure to Bullying / T. Schoeler, S. W. S. Choi, F. Dudbridge, J. Baldwin, L. Duncan, C. A. M. Cecil, E. Walton, E. Viding, E. J. Mccrory, J.-B. Pingault // *JAMA Psychiatry*/ – 2019/ – Vol. 76. – № 7. – P. 730–738.
160. Smith, P. K. Evolutionary Explanations for Bullying Behavior / P. K. Smith. In: Workman L, Reader W, Barkow JH, eds. // *The Cambridge Handbook of Evolutionary Perspectives on Human Behavior*. Cambridge Handbooks in Psychology. – Cambridge University Press. – 2020. – P. 284–298.
161. Spielberger, C. D., Gorssuch, R. L., Lushene, P. R., Vagg, P. R., Jacobs, G. A. Manual for the State–Trait Anxiety Inventory / C. D. Spielberger, R. L. Gorssuch, P. R. Lushene, P. R. Vagg, G. A. Jacobs // *Consulting Psychologists Press*. – 1983. – Vol. 5. – № 3A.
162. Sullivan, K. The anti-bullying handbook / K. Sullivan. Oxford : University Press. – 2000. – 268 p.
163. Sullivan, M., Guilford, J. P. et de Mille, Ft. The measurement of social intelligence / M. Sullivan, J. P. Guilford et de Ft. Mille // *Reports from the psychological laboratory*. – № 34 – Los Angeles, University of Southern California. – 1965.

164. Sutter, C. C., Haugen, J. S., Campbell, L. O., & Jones, J. L. T. Teachers' Motivation to Participate in Anti-bullying Training and Their Intention to Intervene in School Bullying: a Self-determination Theory Perspective / C. C. Sutter, J. S. Haugen, L. O. Campbell, J. L. T. Jones // *International Journal of Bullying Prevention*. – 2023. – Vol. 5. – № 1. – P. 1–12.
165. Tajfel, H. Social Identity and intergroup behaviour / H. Tajfel // *Social Science Information / Information sur les Sciences Sociales*. – 1974. – Vol. 13. – № 2. – P. 65–93.
166. Tangney, J. P., Dearing, R. L. Shame and guilt / J. P. Tangney, R. L. Dearing. – New York : Guilford Press, 2004. – 272 p.
167. Tenopyr, M. Social intelligence and academic success / M. Tenopyr // *Educational and Psychological Measurement* – 1967. – № 27. – P. 961–965.
168. Thornberg, R., Jungert, T., & Hong, J. S. The indirect association between moral disengagement and bystander behaviors in school bullying through motivation: Structural equation modelling and mediation analysis / R. Thornberg, T. Jungert, J. S. Hong // *Social Psychology of Education*. – 2023. – Vol. 26. – № 2. – P. 533–556.
169. Valenzuela–Aparicio, Y. P., Olivares–Sandoval, S. K., Figueroa–Ferrer, E. M., Carrillo–Sierra, S. M., & Hernández–Lalinde, J. Relationship between Emotional Intelligence and Bullying in Adolescents / Y. P. Valenzuela–Aparicio, S. K. Olivares–Sandoval, E. M. Figueroa–Ferrer, S. M. Carrillo–Sierra, J. Hernández–Lalinde // *Revista Electronica Educare*. – 2023. – Vol. 27. – № 1.
170. Vazsonyi, A. T., Ksinan, A. J., Jiskrova, G. K., Blatny, M. Low self-control and aggression: A test of the general theory of crime in 42 international samples / A. T. Vazsonyi, A. J. Ksinan, G. K. Jiskrova, M. Blatny // *Journal of Criminal Justice*. – 2017. – Vol. 53. – P. 66–75.
171. Yiyi, O., Jie, P., Jiong, L., Jinsheng, T., Kun, W., & Jing, L. Research on the influence of sports participation on school bullying among college students–Chain mediating analysis of emotional intelligence and self-esteem /

- O. Yiyi, P. Jie, L. Jiong, T. Jinsheng, W. Kun, L. Jing // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13.
172. Young–Jones, A., Fursa, S., Byrket, J. S., & Sly, J. S. Bullying affects more than feelings: the long–term implications of victimization on academic motivation in higher education / A. Young–Jones, S. Fursa, J. S. Byrket, J. S. Sly // *Social Psychology of Education*. – 2015. – Vol. 18. – № 1. – P. 185–200.
173. Zaborskis, A., Cirtautiene, L., Zemaitiene, N. Bullying in Lithuanian schools in 1994–2004 / A. Zaborskis, L. Cirtautiene, N. Zemaitiene // *Medicina (Kaunas)*. – 2005. – № 41. – P. 614–620.
174. Zhang, Y., & Chen, J. K. Emotional Intelligence and School Bullying Victimization in Children and Youth Students: A Meta-Analysis / Y. Zhang, J. K. Chen // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2023. – Vol. 20. – № 6.
175. Zych, I., Farrington, D. P., Ttofi, M. M. Protective factors against bullying and cyberbullying: A systematic review of meta–analyses / I. Zych, D. P. Farrington, M. M. Ttofi // *Aggression and Violent Behavior*. – 2019. – Vol. 45. – P. 4–19.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1

Факторные общности личностных качеств участников буллинга (метод
главных компонент)

	Начальная	Извлечение
Социальный интеллект	1,000	,613
Интеллект	1,000	,577
Стремление уйти от оценки	1,000	,775
Деловые коллективистские качества	1,000	,712
Показатель занижения самооценки	1,000	,715
Показатель завышения самооценки	1,000	,497
Личностная тревожность	1,000	,529
Индекс агрессии	1,000	,920
Индекс враждебности	1,000	,935
Демонстративность	1,000	,636
Застывание	1,000	,615
Педантичность	1,000	,609
Возбудимость	1,000	,605
Гипертимность	1,000	,487
Дистимность	1,000	,555
Тревожность	1,000	,561
Экзальтированность	1,000	,625
Эмотивность	1,000	,655
Циклотимность	1,000	,721
Потребность в достижении	1,000	,826
Аффилиация	1,000	,832
Агрессия (склонность к конфронтации)	1,000	,835
Доминантность	1,000	,841
Выдержка	1,000	,789
Потребность привлекать внимание	1,000	,824

Избегание риска	1,000	,833
Импульсивность	1,000	,825
Готовность к помощи	1,000	,816
Потребность в порядке	1,000	,783
Ориентация на игру	1,000	,829
Потребность в социальном одобрении	1,000	,832
Потребность в поддержке	1,000	,809
Общая заинтересованность	1,000	,794
Шизотимия-аффектомия	1,000	,720
Степень эмоциональной устойчивости	1,000	,701
Флегматичность-возбудимость	1,000	,709
Подчиненность-доминирование	1,000	,590
Осторожность-легкомыслие	1,000	,753
Степень принятия моральных норм	1,000	,679
Застенчивость-авантюризм	1,000	,747
Реализм-сензитивность	1,000	,757
Фактор Гамлета	1,000	,786
Самоуверенность-склонность к чувству вины	1,000	,711
Степень групповой зависимости	1,000	,723
Степень самоконтроля	1,000	,729
Степень внутреннего напряжения	1,000	,720

Таблица 2

Объясненная совокупная дисперсия (факторный анализ)

Компонент	Начальные собственные значения			Извлечение суммы квадратов нагрузок			Ротация суммы квадратов нагрузок		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
1	22,297	48,471	48,471	22,297	48,471	48,471	13,536	29,426	29,426
2	5,288	11,496	59,967	5,288	11,496	59,967	10,130	22,021	51,447
3	2,474	5,377	65,345	2,474	5,377	65,345	5,399	11,736	63,184
4	1,746	3,797	69,141	1,746	3,797	69,141	2,395	5,208	68,391

5	1,328	2,887	72,029	1,328	2,887	72,029	1,673	3,637	72,029
6	,868	1,887	73,916						
7	,816	1,773	75,689						
8	,720	1,565	77,254						
9	,666	1,448	78,701						
10	,652	1,418	80,119						
11	,568	1,235	81,354						
12	,538	1,169	82,523						
13	,490	1,064	83,587						
14	,468	1,018	84,605						
15	,438	,953	85,558						
16	,406	,883	86,441						
17	,398	,866	87,307						
18	,366	,796	88,103						
19	,347	,754	88,857						
20	,336	,729	89,586						
21	,320	,697	90,283						
22	,309	,671	90,954						
23	,292	,635	91,589						
24	,274	,596	92,185						
25	,267	,579	92,765						
26	,249	,541	93,305						
27	,236	,513	93,819						
28	,220	,479	94,298						
29	,213	,463	94,760						
30	,202	,439	95,199						
31	,189	,412	95,611						
32	,188	,409	96,020						
33	,177	,385	96,405						
34	,170	,370	96,776						
35	,167	,362	97,138						
36	,155	,338	97,476						
37	,150	,326	97,801						

38	,149	,325	98,126						
39	,139	,303	98,429						
40	,133	,289	98,717						
41	,125	,273	98,990						
42	,124	,269	99,259						
43	,116	,252	99,511						
44	,109	,236	99,747						
45	,101	,220	99,967						
46	,015	,033	100,000						
Метод выделения факторов: метод главных компонент.									

Таблица 3

Матрица компонент

	Компонент				
	1	2	3	4	5
Социальный интеллект	,749				
Интеллект	-,561				
Стремление уйти от оценки		,846			
Деловые коллективистские качества		,820			
Показатель занижения самооценки		,800			
Показатель завышения самооценки		,641			
Личностная тревожность				,618	
Индекс агрессии	,659	-,665			
Индекс враждебности	,649	-,688			
Демонстративность	,720				
Застывание	-,749				
Педантичность	,714				
Возбудимость	-,688				
Гипертимность					,591
Дистимность	,717				
Тревожность	,681				
Экзальтированность				,539	
Эмотивность	,679				

Циклотимность	,673				
Потребность в достижении	-,820				
Аффилиация	-,821				
Агрессия (склонность к конфронтации)	-,827				
Доминантность	-,816				
Выдержка	,710				
Потребность привлекать внимание	-,825				
Избегание риска	-,809				
Импульсивность	-,814				
Готовность к помощи	-,815				
Потребность в порядке	,717				
Ориентация на игру	-,810				
Потребность в социальном одобрении	-,810				
Потребность в поддержке	,714				
Общая заинтересованность	,726				
Шизотимия-аффектомия	-,709				
Степень эмоциональной устойчивости	-,694				
Флегматичность-возбудимость	,795				
Подчиненность-доминирование	,716				
Осторожность-легкомыслие	-,731				
Степень принятия моральных норм	,780				
Застенчивость-авантюризм	-,682				
Реализм-сензитивность	,814				
Фактор Гамлета	,827				
Самоуверенность-склонность к чувству вины	,810				
Степень групповой зависимости	,823				
Степень самоконтроля	,820				
Степень внутреннего напряжения	,791				
Метод выделения факторов: метод главных компонент.					
Извлечено компонентом - 5.					

Таблица 4

Повернутая матрица личностных факторов участников буллинга
(факторный анализ)

Характеристика	Фактор				
	1	2	3	4	5
Социальный интеллект	,570				
Интеллект				-,560	
Стремление уйти от оценки			-,847		
Деловые коллективистские качества			-,823		
Показатель занижения самооценки			-,798		
Показатель завышения самооценки			-,672		
Личностная тревожность				,706	
Индекс агрессии			,779		
Индекс враждебности			,796		
Демонстративность	,657				
Застревание	-,655				
Педантичность	,692				
Возбудимость	-,588				
Гипертимность					,631
Дистимность	,654				
Тревожность	,637				
Экзальтированность					,671
Эмотивность	,619				
Циклотимность	,616				
Потребность в достижении		,811			
Аффилиация		,821			
Агрессия (склонность к конфронтации)		,810			
Доминантность		,826			
Выдержка	,691			,502	
Потребность привлекать внимание		,803			
Избегание риска		,832			
Импульсивность		,819			
Готовность к помощи		,804			
Потребность в порядке	,682				
Ориентация на игру		,827			
Потребность в социальном одобрении		,831			
Потребность в поддержке	,680			,529	
Общая заинтересованность	,667			,509	
Шизотимия-аффектомия	-,717				
Степень эмоциональной устойчивости	-,697				

Флегматичность-возбудимость	,676				
Подчиненность-доминирование	,671				
Осторожность-легкомыслие	-,685				
Степень принятия моральных норм	,643				
Застенчивость-авантюризм	-,728				
Реализм-сензитивность	,679				
Фактор Гамлета	,703				
Самоуверенность-склонность к чувству вины	,697				
Степень групповой зависимости	,678				
Степень самоконтроля	,686				
Степень внутреннего напряжения	,687				
Общая дисперсия	13,535	5,399	10,131	2,394	1,673
Доля общей дисперсии	0,294	0,117	0,220	0,052	0,036
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.					
а. Вращение сошло за 8 итераций.					

Таблица 5

Матрица преобразованных компонентов (факторный анализ)

Матрица преобразований компонентов					
Компонент	1	2	3	4	5
1	,744	-,622	,138	,171	,106
2	,211	,086	-,955	,186	-,038
3	,600	,754	,216	,049	-,149
4	-,173	,132	,124	,865	,435
5	,107	,140	-,083	-,431	,881
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.					

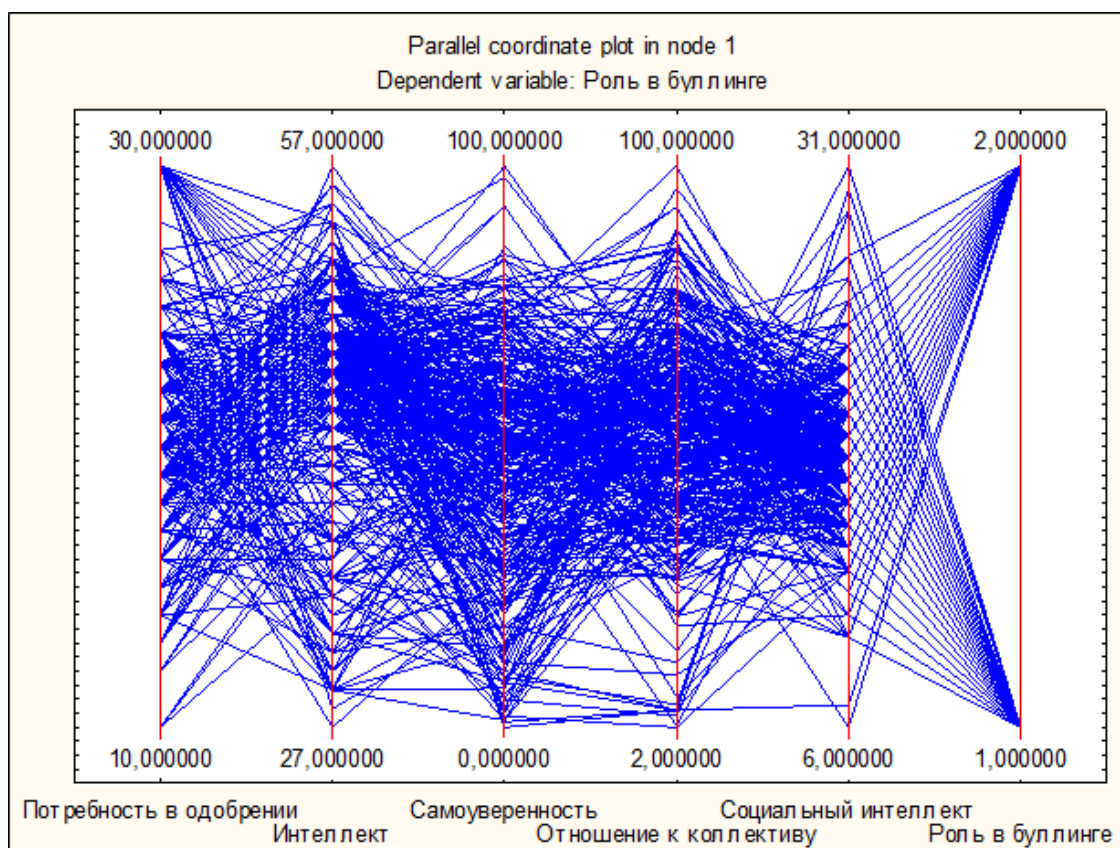

Рисунок 1. Параллельный координатный график принятия роли в буллинг-структуре (1 – жертва; 2 - обидчик)

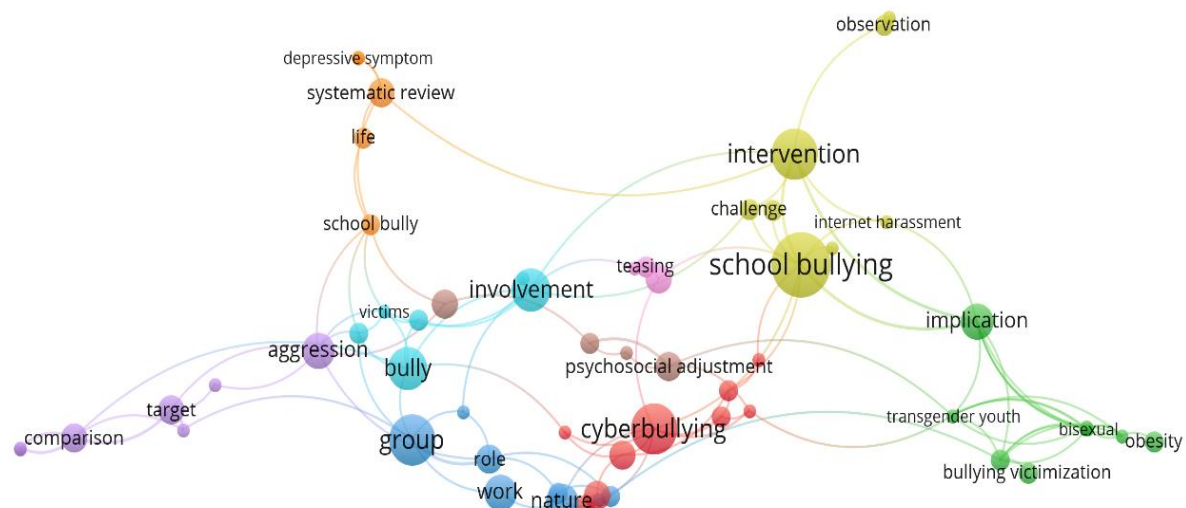

Рисунок 1. Библиометрическая карта основных направлений исследования буллинга

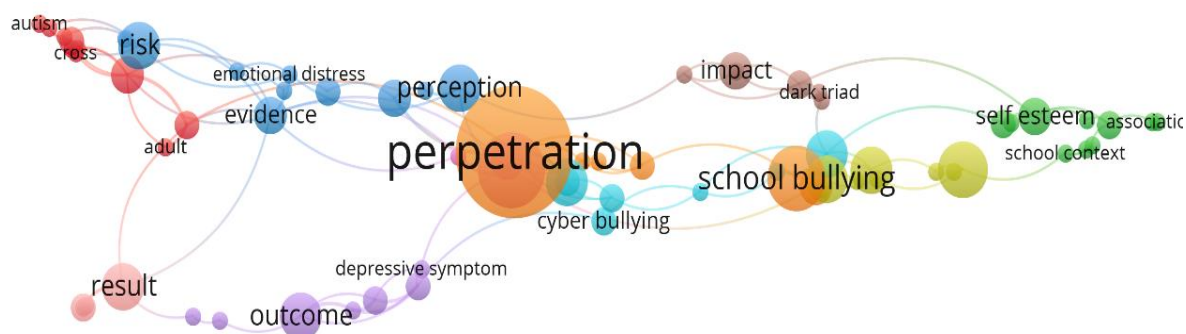

Рисунок 2. Библиометрическая карта публикаций, посвященных предикторам буллинга

Таблица 1. Сводная таблица результатов диагностики участников буллинга

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Промисленост	Сельское хозяйство	Торговля	Общественное питание	Транспорт	Связь	Жилищно-коммунальное хозяйство	Культура, спорт, досуг	Здравоохранение	Образование	Наука	Государственное управление	Военное дело	Другие отрасли	Итого
2000	8	40	8	8	0	16	54	11	12	30	11	19	4	1
2001	8	27	12	2	0	22	48	9	11	9	8	10	93	78
2002	8	8	8	8	0	21	54	12	30	12	11	8	62	61
2003	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2004	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2005	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2006	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2007	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2008	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2009	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2010	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2011	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2012	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2013	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2014	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2015	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2016	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2017	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2018	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2019	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2020	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2021	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2022	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2023	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2024	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2025	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2026	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2027	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2028	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2029	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2030	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2031	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2032	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2033	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2034	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2035	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2036	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2037	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2038	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2039	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2040	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2041	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2042	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2043	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2044	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2045	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2046	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2047	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2048	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2049	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2050	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2051	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2052	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2053	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2054	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2055	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2056	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2057	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2058	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2059	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2060	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2061	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2062	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2063	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2064	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2065	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2066	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2067	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2068	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2069	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2070	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2071	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2072	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2073	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2074	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2075	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2076	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2077	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2078	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2079	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2080	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2081	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2082	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2083	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2084	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2085	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2086	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2087	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2088	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2089	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2090	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2091	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2092	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2093	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2094	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2095	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2096	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2097	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2098	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2099	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2100	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2101	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2102	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2103	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2104	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2105	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2106	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2107	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2108	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2109	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2110	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2111	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2112	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2113	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2114	8	8	8	8	0	21	49	12	30	12	11	8	62	61
2115	8													

